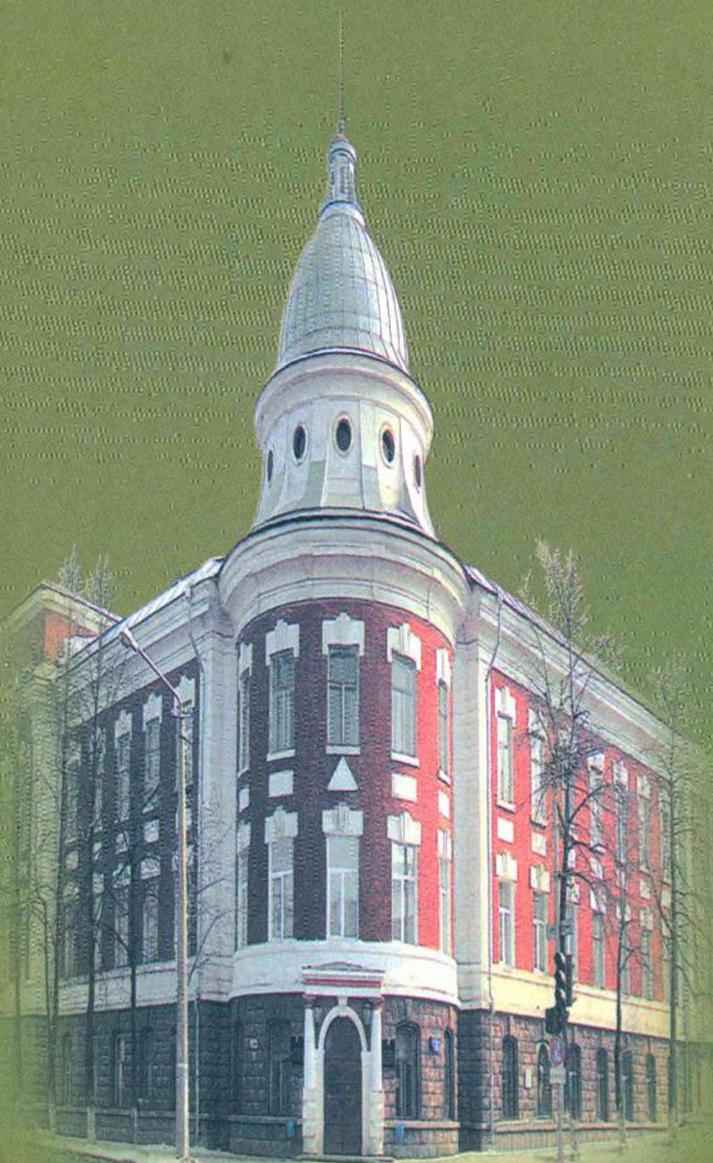

Наш Капцугович

*К юбилею ученого, историка, педагога
и просто хорошего человека*

УДК 378. 12

ББК 74. 58

Н37

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доцент Т.А. Гаузова (председатель),

канд. ист. наук, доцент М.Г. Нечаев,

канд. ист. наук, доцент Л.А. Обухов.

Составитель: Т.А. Гаузова

Составитель и редколлегия книги
выражают благодарность всем,
кто принял активное участие в ее издании.

ISBN 5-93824-070-0

© Коллектив авторов, 2006

© Гаузова Т.А., составление, 2006

© «Книжный мир», 2006

Наш Капцугович

ПЕРМЬ
•КНИЖНЫЙ МИР•
2006

СЛОВО РЕКТОРА

Игорь Севастьянович Капцугович сыграл большую роль в жизни университета и моей личной судьбе. Я пришел в педагогический институт в 1972 г. после окончания классического университета. Появилась возможность работать на кафедре, где была единственная в городе аспирантура по теоретической физике у профессора Е.М. Жувицкого.

А в августе 1979 г. в институт пришел новый ректор – историк, молодой, по виду – денди. Он принес в институт дух классического университета, которого мне так не хватало. И я решил подождать перемен...

Это произошло. Человеком он был интересным, а я любил историю. Я прочел всего Е. В. Тарле, и рассуждения молодого ректора-историка, исторические аналогии мне были интересны.

Интересен ректор был еще и потому, что я много видел администраторов-технарей и естественников, много общался с этими людьми (отец мой был зам. генерального конструктора авиационного завода). Сейчас я увидел другой тип администратора – гуманитария. Для меня это было ново, когда человек на обаянии и чувстве других людей добивается многого.

В 1982 г. Игорь Севастьянович пригласил меня работать в свою команду. Я был назначен проректором по ОЗО, в 1989 г. – проректором по науке. Годы работы с Игорем Севастьяновичем не были годами сплошного восторга. Когда-то мы были ближе, когда-то дальше друг от друга, когда-то понимали друг друга, но думали по-разному. В целом, безусловно, это глубокий и интересный человек.

Интересен для меня Игорь Севастьянович был также и тем, что в нем сохранился жизненный кураж, который у большинства либо есть, либо его нет вообще. А он его имеет и сейчас, именно этим и отличается от других, которые «очиновнились» и стали совсем неинтересными людьми. Именно он принес дух свободы, университетские критерии в пединститут. И это сделало его тем вузом, каким он является сейчас – университетом, интересным не только соотечественникам, но и нашим зарубежным коллегам.

Важнее всяких многих показателей не то, сколько в материальном плане сделал ректор Капцугович для университета, – построил корпус, открыл новые кафедры, лаборатории и т.д. (хотя это тоже необходимо), важен именно этот университетский дух, который очень медленно создается и очень дорого стоит. Он появился в институте при И. С. Капцуговиче и сохраняется до сих пор. И очень важная задача для всех нас сохранить это.

*Ректор Пермского государственного
педагогического университета
А.К. Колесников*

И ЭТО ВСЕ О НЕМ...

Имя профессора Капцуговича известно далеко за пределами Пермского края. Весь жизненный и творческий путь Игоря Севастьяновича связан с изучением истории Урала и подготовкой специалистов высшей квалификации. Яркий и глубокий ученый, талантливый педагог и руководитель, он сумел реализовать свои способности, свой талант и продолжает созидать и творить сегодня.

Родился Игорь Севастьянович 30 июня 1931г. в городе Минске в семье военнослужащего. В 1939 г. в г. Могилеве Белорусской ССР он пошел в первый класс школы. Это были тяжелые предвоенные годы...

Отец Севастьян Иванович был кадровым военным, артиллеристом. Службу в Красной Армии начал в 1926 г.

22 июня 1941г. дивизию, в которой служил отец, отправили на учение в г. Барановичи, и в этот же день во время следования эшелона бойцы узнали, что началась война. Через сутки в районе Барановичей дивизия приняла участие в боях.

Семьи военнослужащих, проживавшие в военном городке около г. Речицы Гомельской области, были эвакуированы в Гомель, а оттуда совсем еще юный Игорь вместе с матерью были направлены в город Стерлитамак Башкирской АССР. Так они попали на Урал.

В 1943 г. Севастьян Иванович, оправившийся после тяжелого ранения, направлен служить в Смоленское артиллерийское училище, которое дислоцировалось в городе Ирбите Свердловской области, и Игорь с матерью переехали к нему. Раиса Александровна стала работать на одном из оборонных заводов. Война кончилась. Отца за заслуги перед Отечеством наградили орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, а также медалями.

В 1946 г. военное училище в Ирбите было закрыто, и Севастьяна Ивановича направили в г. Пермь, где он стал работать начальником учебной части военной кафедры Пермского государственного университета. Семья поселилась в общежитии № 1 ПГУ.

О далеких 40–50-х гг. прошлого уже столетия вспоминает Е.Н. Голдобина, работник библиотеки Пермского университета (она же Женя Валдайских), которая в студенческую пору жила в этом общежитии.

«Студенткой 4 курса филологического отделения историко-филологического факультета я с подругами-филологинями попала на жительство в элитное по тем временам общежитие №1 (теперь это здание администрации Дзержинского района). Почти все общежитие занимали преподаватели университета и их семьи. Наша комната с окнами во двор располагалась на втором этаже, а на фасадной стороне жили семьи Севруков (математики), Остроумовых, Шапошниковых (физики), историка и будущего ректора университета Ф.С. Горового, Кутузовых, Капцуговичей (военная кафедра). Вот тогда-то и свела нас судьба с Игорем Севастьяновичем Капцуговичем – Игорёшей, как мы его величали, а он был всего лишь школьником. В какой школе он учился – не знаю, да и не в этом дело.

Вначале мы были сдержанны в отношениях с преподавателями, но потом освоились, так как убедились, что это тоже люди, с которыми можно общаться в быту. Особенно это касалось семьи Капцуговичей. Мы очень подружились с мамой Игоря. Ну, а Игорь был свой человек, тем более что разница в возрасте была невелика. У молодежи всегда найдутся общие интересы. Здесь же все было связано с университетом, и Игорь еще школьником был в курсе университетской жизни. Годы были послевоенные, все радовались жизни. В университете наступил взлет и расцвет художественной самодеятельности, спорта. Увлекались этим и мы – кто пел, кто плясал, кто в драматический кружок ходил, кто-то просто увлекался волейболом по вечерам после занятий. В молодежных командах общежития №1 играл и Игорь. А сражались на волейбольной площадке и дети преподавателей, и сами преподаватели. Заправляли этими сражениями Мерцлины: – отец и сыновья – Виктор и Ромка.

Ну, а в быту мы очень часто обращались к маме Игоря с разными вопросами и просьбами. Это касалось всего: кулинарии, посуды, одежды и многого другого. Помню,

как мы с Раисой Александровной выручали драмкружок. Для постановки спектакля «Гусарская баллада» нужны были папахи, так мама Игоря дала нам папаху мужа, да еще позаимствовала у Кутузовых. И «гусары», благодаря ее стараниям, были хорошо экипированы.

Квартира Капцуговичей привлекала своим уютом, удобством и, говоря по-теперешнему, дизайном. Там приятно было бывать, а нам она напоминала родной дом».

В 1949 г. Игорь окончил среднюю школу № 37 г. Перми и поступил на первый курс исторического отделения историко-филологического факультета Пермского университета им. А. М. Горького. В это время на факультете учились будущие знаменитые писатели и поэты, среди них – Лев Давыдычев, Алексей Домнин, Владимир Радкевич.

Сокурсница Капцуговича Галина Федоровна Горнова (Маркишева) характеризует его как очень яркого и талантливого человека. Она вспоминает студенческую жизнь: «У нас была дружная группа – боевая, задиристая, работоспособная. Среди наших великолепных 10 мальчишек и 15 девчонок Игорь, без сомнения, был лидером. Умница, красивый, веселый, с огромным чувством какого-то теплого юмора, заражающим всех и вся, хорошо играющий на гитаре и поющий, он был душой компании и любого начинания. Как уж тут девчонкам было удержаться и не влюбиться в него!!! И при этом с его стороны – никакого «воображительства», никакого высокомерия (его папа в университете был немаленьким начальником). Вот эта открытость, простота в общении с другими меня в нем удивляла и удивляет до сих пор. Наш суровый староста группы Петя, деревенский паренек, фронтовик, с Игорем также всегда считался, а тот, в свою очередь, относился к нему с большим уважением.

А какие студенческие журналы мы выпускали с рисунками Игоря! Деканат нам их вскоре запретил – время-то какое было – начало 50-х годов.

Прошло более полувека (ужас!), а один рисунок из тех журналов очень хорошо помню: готовились к экзамену по латыни ночью на квартире у А. Савинкова. Одна из нас (самая соня – это я) крепко спит на кровати рядом с хозяйской овчаркой. А. Савинков и Ф. Артамонов – наши фризоры – неумоимо разминаются в прыжках, а две отличницы – М. Ивонина и И. Снегирева до утра бубнят латинские фразы.

Игорь ко всему еще был и артист. Когда он, изображая нашего старенького преподавателя политэкономии, входил в аудиторию с огромнейшим старым, выдавшим виды портфелем, в пенсне (где брал?) и шепелявил («прыбыль», «рэнта»), группа хохотала до слез... и еще больше любила доцента Пузанова».

Любимцем истфака и в частности курса Игоря Капцуговича был легендарный Отто Николаевич Бадер, создатель научной школы уральской археологии. В эти же годы из Киева в «тихий» город Молотов приезжает совсем еще молодой ученый Лев Ефимович Кертман, который без малого 40 лет также был душой истфака.

Еще школьником в 1948 г. Игорь стал комсомольцем, на старших курсах избирался заместителем секретаря комитета ВЛКСМ. Это было время, когда практически все дети и молодежь являлись членами либо детских – пионерских, либо комсомольских организаций.

В 1954 г. он с отличием окончил университет и был оставлен ассистентом на кафедре марксизма-ленинизма, которой заведовал Я.Р. Волин. Это были годы активной общественной деятельности Игоря Капцуговича: секретарь комитета комсомола университета, член бюро райкома, горкома и обкома ВЛКСМ, член партийного бюро (в 1955 г. вступил в КПСС), редактор многотиражной газеты «Пермский университет».

О совместной их работе над газетой вспоминает доцент кафедры новейшей истории России классического университета В. Н. Унгвицкий: «Мы встретились впервые, когда жизнь его откровенно баловала, когда он шел по триумфальной дороге под фанфары, аплодисменты, улыбки и цветы. Именно на этом отрезке жизни, когда он, аспирант исторического факультета ИГУ, работал еще и в редакции нашей многотиражки «Пермский университет». Для газеты он подбирал группу пишущих, думающих студентов. И я, тогдашний второкурсник, вошел в этот веселый творческий союз. Помню ряд совещаний-обсуждений этого немногочисленного кружка. Мы творили действительно коллективно. Под остроумные реплики, искрометные экспромты возникали темы самых неожиданных репортажей и очерков, предложения и сюжеты рисунков и фотоиллюстраций. Душой этих нестандартных и шумных дебатов был Игорь Капцугович. Молодой, по-студенчески увлеченный аспирант, он буквально впитывал в себя разнообразные, порой

совершенно неожиданные предложения, и, когда следующий номер газеты начинал вырисовываться, предлагал опять же с юмором, но достаточно жестко окончательный вариант.

Игорь был у нас мастером шаржа, кудесником рисунка и портрета. Так прошло несколько моих студенческих лет...».

Перед Игорем Севастьяновичем после окончания университета открывались блестящие перспективы карьерного роста, однако он предпочел науку. Для научного исследования он выбрал изучение аграрных отношений и классовой борьбы на Урале в период революции и гражданской войны. Это уже было связано с научными интересами Ф.С. Горового, очным аспирантом которого он и стал в 1958 г.

О его скрупулезной исследовательской работе еще со студенческих лет рассказывает Елена Николаевна Лукьянова – архивист, впоследствии – ст. преподаватель кафедры истории советского общества классического университета. «Я познакомилась с Игорем Капцуговичем во время своей работы в Государственном архиве Пермской области, когда он заканчивал исторический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького и поступил в аспирантуру под руководством доктора исторических наук, профессора Ф.С. Горового. Тема его кандидатской диссертации переплеталась с работой архивистов по подготовке издания сборников документов по истории Октябрьской революции на Урале. Одним из организаторов этой работы архивистов также был Ф.С. Горовой».

Мне запомнилась творческая обстановка в нашем не большом коллективе. Взаимный интерес к изучению прошлого нашего края объединял ведущих историков университета, их учеников – начинающих исследователей, энтузиастов-краеведов, среди которых особенно велика была роль главного редактора Пермского книжного издательства Б.Н. Назаровского. И результаты дружной работы были впечатляющими. Работа архивистов была положительно оценена Главным архивным управлением, в качестве удачного примера была приведена в учебнике по архивному делу Историко-архивного института».

В эти годы заведующий кафедрой истории СССР Федор Семенович Горовой по сути закладывал основы научной

школы пермских историков, занимающихся изучением истории СССР. Игорь Севастьянович был одним из первых и, пожалуй, самым любимым учеником Федора Семеновича Горового.

В середине 50-х гг. произошли большие изменения на историко-филологическом факультете Пермского университета. В сентябре 1955 г. в состав факультета вошел весь контингент студентов и преподавателей истфака пединститута. В университет пришли такие сложившиеся ученые, преподаватели, как профессор Г.А. Замятин, доценты К.И. Ларькина, К.С. Маханек, М.И. Алексеев, Л.Н. Чиркин, М.И. Черныш, а также выпускники пединститута – будущий доцент Я.Б. Рабинович и профессор А.З. Ньюкаева.

Исследовательская работа ученых исторического факультета пединститута была весьма разнообразна. Так, доцент К.И. Ларькина занималась изучением немецкого рабочего движения рубежа XIX–XX вв., доцент М.И. Черныш – историей крестьянства и аграрных отношений на Урале в период капитализма, историей местного самоуправления, доцент К.С. Маханек – экономическими и общественно-политическими аспектами истории Прикамья и Коми-края.

В начале 60-х гг. историческое отделение выделяется из историко-филологического факультета в самостоятельный факультет. Первым деканом истфака стала К.И. Ларькина.

После окончания аспирантуры Игорь Севастьянович начал работу на кафедре истории СССР ассистентом, затем – старшим преподавателем. В декабре 1962 г. он защитил диссертацию, а в апреле 1963 г. ВАК Минвуза СССР присваивает И.С. Капцуговичу ученую степень кандидата исторических наук. В 1964 г. его назначают заместителем декана факультета, а с 1966 г. он становится деканом. У него складываются добрые, доверительные отношения со студентами. Ему интересно все. Студенты обожали своего декана. Рассказывает Е.Н. Лукьянова. «Под его руководством исторический факультет занимал видное место в жизни университета. Историки были успешными в учебе и общественной жизни. Успеваемость на факультете была стабильно высокой, студенты принимали активное участие во всех значимых общеуниверситетских и общегородских мероприятиях.

И надо отметить особое место и влияние на студентов

самой личности Игоря Севастьяновича. Его забота, внимание к судьбам и обстоятельствам жизни студентов находило отражение в общей обстановке на факультете.

Всегда яркими событиями в истории факультета были смотры художественной самодеятельности. В их подготовке и проведении Игорь Севастьянович принимал самое деятельное участие. Его увлеченность, творческое отношение ко всем проявлениям талантов молодежи воодушевляли студентов. Дни смотров художественной самодеятельности запомнились мне обстановкой общего подъема и студентов, и преподавателей».

С именем Капцуговича во многом связаны успехи факультета, формирование его традиций. По его инициативе в конце 60-х гг. на факультете возник ансамбль «Политической сатиры» («Посат»), пользовавшийся большим успехом и в 70-е годы. Студент 60-х гг. С.Г. Шустов вспоминает: «Во второй половине 60-х годов в Пермском университете была очень развита художественная самодеятельность. Постоянными лидерами и главными соперниками смотров были истфак и филфак. При активном участии И.С. Капцуговича на нашем факультете осенью 1966 г. был создан ансамбль политической сатиры «Посат». Многие тексты и куплеты для него писал профессор Л. Е. Кертман. Главным режиссером истфаковского «театра эстрады» был декан И.С. Капцугович. Историкам еще предстоит исследовать это уникальное социокультурное явление – подъем студенческого самодеятельного творчества во второй половине 60-х гг. Свои стихи читал С. Тупицын, великолепно музицировал В. Созинов, удмуртские песни пел И. Зонов. Перечислять участников самодеятельности – это практически назвать всех студентов факультета, так как многие были заняты в массовке, выполнении технических функций. Истфак при декане Капцуговиче фактически всегда был победителем смотров, да и не только: мы занимали лидирующие позиции и по студенческой научной работе, учебе, спорту и в других аспектах студенческой жизни».

Профессор Новосибирского университета, доктор исторических наук А.Г. Борзенков, занимающийся изучением молодежных инициатив, пишет по этому поводу: «В 1960-е гг. постепенно формировалась критическая масса молодежных творческих починов, создававших благоприятную почву для возникновения постоянно действующих самодеятельных театральных коллективов и начинаний, ориентирован-

ных на политическую проблематику. И такой переход количества в качество, своеобразный творческий и идеологический прорыв произошел на Урале в Пермском государственном университете (ПГУ).

К середине 1960-х гг. ПГУ имел репутацию старейшего вуза в уральском регионе со сложившимися учебными, научными и общественно-политическими традициями. В вузе имелось много творческих коллективов, регулярно проводились смотры художественной самодеятельности.

Возникновение первого творческого коллектива, выступавшего в жанре театрализованного политического представления, было связано с именем И. С. Капцуговича. Он являлся одаренной в творческом отношении личностью, был хорошим художником, редактором и сценаристом. В первой половине 50-х гг. собственноручно на 16 листах ватмана выпускал общеуниверситетскую стенгазету «Перец» (Ред. уточнение: сатирическое приложение выходило с середины 50-х – до начала 60-х гг.. Игорь Севастьянович принимал деятельное участие в художественной самодеятельности, являлся участником ансамбля песни...

В 1966/67 учебном году в связи с подготовкой к очередному смотру художественной самодеятельности у Капцуговича возникла идея создания нового творческого коллектива, выступавшего в жанре политической сатиры. Он сумел увлечь новой идеей группу студентов-историков, в основном первокурсников, поступивших в ПГУ в 1966 г. Так появился ансамбль политической сатиры «Посат». Активно поддержал творческий почин историков заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета ПГУ профессор Л. Е. Кертман. В первые годы существования «Посата» его стихи были художественной основой для многих выступлений «посатовцев».

Первое официальное выступление «Посата», которое можно считать днем рождения этого коллектива, состоялось в марте 1967 г. на смотре художественной самодеятельности исторического факультета ПГУ. «...Но вот будто сильный свежий ветер пахнул в зал. На сцене – мужской вокальный ансамбль. Остро, злободневно звучат сатирические песни о современном мире: «Глазами историка», «Под крышами Парижа»... Зал рукоплещет, это не для очков, это для нас», – таково впечатление зрительницы Т. Волобоевой от выступления «Посата», напечатанное в многотиражной газете ПГУ после подведения итогов факультетского смотра.

Как показала дальнейшая жизнь, новый творческий коллектив оправдал ожидания зрителей. Вскоре была написана «Приветственная песня», ставшая своеобразным гимном «Посата». В ней были слова, которые стали настоящей программой действий посатовцев на многие годы: «Врагов труда и мира – // На острие сатиры.// Боящихся сатиры // Пусть колет наш куплет».

Капцугович являлся не только идейным вдохновителем, но фактически и художественным руководителем «Посата», особенно в первые годы его существования.

Уже первое выступление «Посата» показало, что это не простая вокальная группа (даже без учета специфики репертуара), а команда единомышленников, которая стремится создать еще и сценические образы. Поэтому в творческом амплуа коллектива элементы театрализации нарастали с каждым годом. В связи с этим можно также квалифицировать творческий стиль «Посата» по ряду позиций и как разновидность театра песни. На следующий год после рождения «Посата» Капцугович написал для него сатирическую оперу «Индокитайские страдания». В жанровом отношении она означала в творческой эволюции «Посата» качественный шаг вперед – к самостоятельному театральному искусству. Представляется, что не случайно В. Кручинин в 1975 г. в газетной статье, посвященной истории «посатовского» коллектива, обратил внимание на эту грань: «С тех пор встал вопрос о перерастании «Посата» из ансамбля в театр. Произойдет ли это? На этот вопрос сейчас трудно ответить. Само перерастание в театр очень сложно сценически, да и нагрузка на его участников будет больше. Вот почему ансамбль пока остается ансамблем».

Тематика выступлений «посатовцев» была преимущественно внешнеполитической. Обычно ребята брали в качестве сюжетов для своих сенок наиболее острые, злободневные события международной жизни. В первые годы на творческий стиль «посатовцев» оказывал серьезное влияние известный советский артист И. С. Набатов – автор и исполнитель эстрадных сатирических куплетов на внешнеполитические темы. В 1967 г. советская общественность была сильно обеспокоена активизацией неонацистских группировок в ФРГ. Внимательно следили в СССР и за начавшимся процессом выхода Франции из военной организации – НАТО. Но особый интерес тогда вызывали события в Китае, получившие название «культурной револю-

ции». Эти и другие международные события стали для «посатовцев» источником творческого вдохновения.

Выступления «Посата» весной 1967 г. прошли с большим успехом как в университете, так и на городском смотре художественной самодеятельности. В местной печати появились первые заметки и фотографии, посвященные новому студенческому начинанию. Но не обошлось и без «ложки дегтя в бочке меда». После появления в газетах фотографий «Посата» в университет позвонил сотрудник отдела пропаганды Пермского обкома КПСС и потребовал объяснения по поводу фотографии, на которой были изображены «посатовцы» с плакатами на груди. И самое крамольное для звонившего функционера было то, что на плакатах отчетливо виднелись китайские иероглифы. Пришлось разъяснить, что плакаты – это иллюстрация к шаржированному выступлению «Посата» по поводу «культурной революции», и написаны на них были всего два слова – «хунвейбин» и «цзаофан». В последующие годы выступления «посатовцев» также нередко вызывали неадекватную реакцию руководящих идеологических органов. Поэтому со временем активисты «Посата» научились обходить наиболее острые политические моменты и тем самым заранее устраняли почву для потенциальной критики»...

В эти же годы Игорь Севастьянович был редактором не только общеуниверситетской сатирической газеты «Перец», но активно работал и в факультетском «Голосе историка». В.Н. Унгицкий, который в студенческие годы сотрудничал с Капцуговичем в газете «Пермский университет», пишет, что когда он вернулся в университет на исторический факультет, теперь уже в качестве преподавателя, ему «...видимо, по наследству досталось редактирование факультетской стенгазеты «Голос историка», которая выходила по типу петровских «Курантов»: это несколько метров склеенных листов ватмана, которые буквально перекрывали всю стену угла нашего корпуса на втором этаже (где сегодня находится студенческий буфет).

Игорь Севастьянович не просто включался в жизнь редколлегии, но и был автором многих рубрик, «шапок», призывов, юморесок, афоризмов, фраз, которые затем быстро расходились в среде студенчества, включались в репертуар коллектива «Посат», факультетского КВН. Наутро после выхода газеты, когда к этой стене сбегался весь факуль-

тет, Игорь Севастьянович был первым читателем, первым критиком этого выпуска газеты и первым, кто принимал на себя гнев и насмешки взволнованных читателей. Игорь Севастьянович был совершенно незлобивым администратором и отходчивым деканом, хотя стрелы, порой весьма ядовитые, летели и в его сторону».

Именно тогда особенно ярко проявились все его лучшие качества. Недаром старейший работник факультета – методист дневного отделения Юлия Игнатьевна Симонова говорит: «Студенты называли меня «студенческая мама», а Игоря Севастьяновича – «студенческий папа». С ними он был справедлив и обращался равно».

Профессор А. М. Белавин вспоминает годы учебы в университете: «Игорь Севастьянович был достаточно строгим, но всегда понимающим ситуацию деканом. Мог для пользы дела очень громко и публично наказать за какой-либо проступок, но затем «потихоньку» отменить наказание, но чтобы никто не знал об этом. Как-то я, В. Гущин и еще кто-то (сейчас уже не помню) прогуливали лекцию по историографии, которую должен был читать Игорь Севастьянович, но вместо него занятия проводил В.Н. Унгвицкий. Был месяц май. Птички поют, и мы сидим у памятника М. Горькому и В. Ульянову-Ленину, который и до сих пор стоит перед вторым корпусом классического университета. Игорь Севастьянович подъехал на машине, прошел мимо нас, посмотрел, но ничего не сказал. Вскоре мы вернулись на факультет и на доске объявлений увидели приказ декана о снятии нас на месяц со стипендии за прогул занятий. У меня уже была семья, и деньги нам были ох как нужны! На следующий день я пришел к декану с покаянием, он выслушал меня и выписал премию за хорошее оформление газеты (я был в то время в редколлегии студенческой газеты «Голос историка»), тем самым компенсировав мне потерю стипендии».

О его небезразличии к людям говорит история, которую рассказала выпускница исторического факультета Л. Якимова. Узнав, что поступила в университет, она на радостях пошла в ЦУМ за покупками, где у нее из кармана вытащили 5 рублей (тогда это были большие деньги). Вся зареванная, она пришла в деканат к Юлии Игнатьевне за советом, как быть, так как ей не на что было ехать домой. В это время в деканат зашел Игорь Севастьянович и, когда

узнал, что произошло, достал из кармана 10 рублей и отдал ей. А в дальнейшем часто интересовался, как идут дела у рёвы.

Добрые отношения Игорь Севастьянович проявлял не только к студентам, но к сотрудникам и преподавателям факультета. Человеколюбие, умение понять, вникнуть в проблемы и главное помочь – это то, что было естественно для него. Вспоминается случай с Василием Николаевичем Устюговым. В тяжелый момент его жизни Игорь Севастьянович протянул ему руку помощи. Это было в конце 60-х – начале 70-х гг. Василий Николаевич работал в должности доцента на кафедре истории КПСС классического университета и читал курс по истории партии на историческом факультете. Однажды студент принес ему самиздат, который он прочитал и вернул ему. Студент за распространение самиздата вскоре был привлечен к уголовной ответственности, Василия Николаевича в 1971г. исключили из партии, сняли с работы и перевели в АХЧ на должность прораба. Вот тогда-то Игорь Севастьянович и принял на работу опального Василия Николаевича на 0,5 ставки на должность старшего преподавателя кафедры истории советского общества, заведующим которой он стал в 1971 году. Ректор В.П. Живописцев предупреждал Капцуговича, что все это он берет под свою ответственность. Этот его поступок вызвал определенное недовольство со стороны партийных органов, но, несмотря на это, Василий Николаевич вскоре был переведен на полную ставку доцента и еще долгие годы работал на кафедре, с благодарностью вспоминая то, что сделал для него Игорь Севастьянович.

«Атмосфера доброжелательства, сложившаяся на кафедре, – это была, безусловно, заслуга Игоря Севастьяновича, – считает Т.А. Гаузова. Помнится, как он и другие кафедры сопереживали горю, так внезапно свалившемуся на меня, моим трагическим потерям. Наши преподаватели В.Н. Унгвицкий, С.Г. Шустов совершенно бескорыстно в течение полугода проводили за меня занятия, так как морально я была подавлена. Я благодарна им всем». Это еще одно свидетельство его равнодушия к судьбам людей. Таких примеров можно привести много.

Игорь Севастьянович являлся новатором, генератором идей. В начале 70-х гг. совместно с Л. Е. Кертманом они разработали план синхронного изучения дисциплин на историческом факультете. В 1972 г. И. С. Капцугович выступал с обоснованием экспериментального синхронно-

го учебного плана на совещании учебно-методического управления по высшему образованию при Мивузе СССР, на котором инициатива пермских историков была поддержана.

Кафедра, которой с 1971 г. по 1973 г. руководил Игорь Севастьянович, представляла собой коллектив единомышленников. Владислав Николаевич Унгвицкий вспоминает, как он пришел работать на кафедру в начале 70-х гг., какая дружеская атмосфера царила в коллективе. И все это благодаря личностным качествам ее заведующего. «И первым, кто радушно встретил меня, – вспоминает он, – был Игорь Севастьянович, теперь уже не просто преподаватель, а декан истфака. Напутствие его было вполне отеческим: «Мне нужны крепкие надежные работники, – прищурив в улыбке глаза, заявил он, – а не прекраснодушные мечтатели». И предложил, по его мнению, «легкий» спецкурс «Дипломатическая история Второй мировой войны». Умолчу, скольких бессонных ночей стоил мне этот насыщенный фактами курс, учитывая также то, что я окончил филологический, а не исторический факультет. Но, в конечном счете, все усилия не прошли даром. Игорь Севастьянович придумал любопытный методический ход. В сетку лекций 4-го курса он поставил сразу два спецкурса – мою дипломатическую историю и курс П.Ю. Рахшмира «Стратегический ход Второй мировой войны».

Таким образом, студенты вначале слушали тонкости дипломатических интриг, а затем плавно переключались с хитроумных переговоров на поля сражений, где победа решалась активными действиями войск и полководцев. Эффект для слушателей был потрясающим.

Именно в первые месяцы нашего сотрудничества Игорь Севастьянович наметил и утвердил с учетом моей прежней специализации тему кандидатской диссертации: «Печать Урала в годы Великой Отечественной войны». Не вдаваясь в подробности, скажу, что Игорь Севастьянович помог мне влиться в архивную работу... Вспоминается и совместная работа, памятные заседания коллектива кафедры, на которые любимый заведующий всегда опаздывал. Ритуал «задержек» он отработал до совершенства. Зная эту его слабость, все сотрудники кафедры приходили либо точно к назначенному часу, либо тоже немного опаздывали. Со временем эта мнимая необязательность стала объектом бесконечных шуток и дружеских подтруниваний. И все же после обмена шутками на кафедре сразу

воцарялась тишина и возникла атмосфера настоящей творческой деятельности. Пункт за пунктом коллеги прорабатывали всю повестку заседания, ведя иногда нешуточные споры. Причем эти «мирные стычки» провоцировал частично сам Игорь Севастьянович, умышленно вызывая огонь на себя. Например, он на полном серьезе мог заявить, что высказывает мнение весьма спорное, что не уверен в выводах и просит преподавателей высказать собственные суждения. Вспыхивал спор, и казалось, что Игорь Севастьянович купается в этой буре противоречивых, иногда диаметрально противоположных оценок и выводов. Из этого хаоса Игорь Севастьянович всегда умудрялся выловить самое дельное, самое удачное предложение, точно формулировал конечную мысль, и она ложилась в основу соответствующего решения и заносилась в протокол, становилась документом».

Доцент С.Г. Шустов вспоминает о своей работе на кафедре: «В памяти остались деловые, содержательные заседания, высокий уровень научной и педагогической работы. Заведующий был прекрасным организатором».

В 70-х гг. Игорь Севастьянович принимает активное участие в работе над фундаментальным коллективным изданием «История Урала» в 2 томах. «Помнится, как тяжело нам давалась работа над вторым томом «Истории Урала», который целиком был поручен нашей кафедре, а Игорь Севастьянович был назначен ответственным редактором как общего издания двухтомника, так и конкретно этого тома, – вспоминает В.Н. Унгвицкий. – Для всех нас это было совершенно новым делом, и мы плохо представляли весь объем работы. Оказалось архитрудным собрать материалы в намеченные главы и параграфы и выдержать общую линию, концепцию тома, выровнять стиль довольно разномастных авторов. Мне как ответственному секретарю тома пришлось завязать деловую переписку со всеми авторами тома (их насчитывалось 28 человек), разбросанными по разным городам Урала.

После объективных трудностей, бесконечных согласований и уточнений все начало постепенно утрясаться. Работа продолжалась около двух лет. Каждый, пусть микроскопический кусочек много раз обсуждался, шла авторская, а потом и наша кафедральная правка. Бывали и серьезные казусы. Помню долгие изнурительные споры со свердловскими историками М. Е. Главацким и И.Ф. Плотниковым. Уважаемые авторы с упорством дрались за каждую напи-

санную ими строку, не принимая никаких замечаний, никаких наших предложений. И только большое дипломатическое искусство Игоря Севастьяновича позволило уладить вспышки этого авторского самолюбия. Все препятствия, все подводные камни были преодолены, и том вышел в 1977 году».

В 1973 г. после смерти своего учителя Ф.С. Горового И.С. Капцугович стал председателем Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР, объединяющего историков-археографов Пермской, Свердловской, Кировской, Челябинской областей и Удмуртской АССР.

В октябре 1973 г. случился новый поворот в биографии Игоря Севастьяновича – он был переведен на должность старшего научного сотрудника для подготовки и завершения докторской диссертации. Предметом его кандидатской диссертации были аграрные отношения в переломный 1917 год. Поэтому вполне естественным оказался его интерес к прокрестьянской партии эсеров, историю которой на Урале И. С. Капцугович проследил, начиная с ее зарождения и заканчивая роспуском. В мае 1975 г. он защитил докторскую диссертацию по теме: «Крах партии эсеров на Урале. 1901–1920 гг.».

После защиты докторской диссертации Игорь Севастьянович продолжал выполнять обязанности декана и одновременно заведовать кафедрой истории советского общества. В 1976 г. на факультете началась реализация экспериментального синхронного учебного плана. Хотя не все получилось из того, что было задумано, но опыт синхронизации исторического образования дал положительные результаты и теперь используется на исторических факультетах. И.С. Капцугович опубликовал работу «Дифференциация методов самостоятельной работы студентов». В 1977 г. Игорь Севастьянович руководил одной из секций Всесоюзного совещания-семинара «Проблемы активизации самостоятельной работы студентов».

В 1976 г. при кафедре истории советского общества была открыта аспирантура по специальности «история СССР». В числе первых аспирантов Игоря Севастьяновича были: Т. Чемезова (Гаузова), А. Васильев, Л. Обухов, Н. Филатов, М. Нечаев. Богатый опыт своей научной работы он передавал и своим ученикам. «Он учил нас культуре научного труда», – говорит Т. А. Гаузова.

Долгих два года Игорь Севастьянович ждал решения

ВАК. Тема докторской диссертации была необычна для советской историографии. И вот 7 апреля 1978 г. решением ВАК при Совете Министров СССР ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук, а 1 декабря этого же года присвоено ученое звание профессора.

С августа 1979 г. началась новая страница в его биографии – И. С. Капцуговича назначили ректором Пермского педагогического института (с 1995 г. – педуниверситет). Более 20 лет проработал он в качестве ректора, значительно укрепил материальную базу института: был построен новый корпус №4, появились новые кафедры, лаборатории, учебные кабинеты, спортивно-оздоровительный комплекс и др.

Находясь на административной должности, И.С. Капцугович все-таки мечтал заниматься наукой. Но воплотить эти мечты в реальность было сложно, так как должность ректора вуза обязывала ко многому. Свою любовь к истории он смог воплотить в конкретное дело – продолжение исторического образования, организовав историческое отделение при филологическом факультете педагогического института.

В 1982 г. было открыто историческое отделение с одной кафедрой истории. Заведующей отделением была утверждена Т.Ю. Красотина, а кафедрой руководил доцент В.А. Державин. В октябре 1985 г. образован самостоятельный факультет, а в ноябре 1987 г. произошло разделение кафедры истории на две: всеобщей истории и истории СССР (в дальнейшем – отечественной истории и в настоящее время – древней и средневековой истории России; новой и новейшей истории России). О том, как происходила организация факультета, вспоминает Т.Ю. Красотина, ст. преподаватель кафедры новой и новейшей истории России: «С 1982 г. по приглашению Игоря Севастьяновича я перешла работать в пединститут. Вместе с ним начали организацию исторического отделения при филологическом факультете, а затем и самостоятельного факультета. Первые два набора историков мы проводили совместно. Игорь Севастьянович знакомился с абитуриентами, лично беседовал с каждым поступившим на факультет. По сути, проводил индивидуальный отбор. Читал студентам курс историографии. Много времени он уделял вопросам организации учебного процесса, учил самостоятельно принимать решения, постоянно интересовался делами факультета».

На факультете существует и активно развивается научная школа И.С. Капцуговича. Она широко известна нетрадиционными подходами к спорному и важному периоду истории России – рубежу XIX–XX вв. С 1983 г. под руководством ученого открыта аспирантура по специальности «отечественная история». В настоящее время аспиранты и докторанты профессора И.С. Капцуговича исследуют проблемы общественно-политической жизни, собственности и власти. Под его руководством защищено более 20 кандидатских диссертаций, готовятся к защите докторские диссертации.

В Пермском книжном издательстве вышли книги, которые сделали имя И.С. Капцуговича известным не только на Урале, но и за его пределами: «Прикамье в огне гражданской войны», «История политической гибели эсеров на Урале», «История Урала» в 2 т. и др.

Под его руководством педуниверситет стал вузом высшей категории: вырос контингент студентов, расширились связи с учебными и научными учреждениями России и зарубежных стран, успешно развивались научные школы и направления. За заслуги в подготовке и воспитании педагогических кадров И.С. Капцугович награжден орденом Дружбы (1997 г.), Почетной грамотой Пермской области (2001г.) и другими грамотами и ведомственными знаками отличия. Высокие деловые и нравственные качества снискали ему уважение и авторитет среди студентов, сотрудников и широкой педагогической общественности Пермского края и России.

Игорь Севастьянович, мы желаем Вам творческого долголетия и продолжения Ваших замыслов в работах Ваших многочисленных благодарных учеников!

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

«БОГ ПОЦЕЛОВАЛ ЕГО...»

Н.Д. Аленчикова

Это безусловно и подтверждено всей его жизнью, хотя были в ней и тяжелые периоды.

Мое знакомство с Игорем Севастьяновичем Капцуговичем состоялось более полувека назад. В то время он был молодым аспирантом, собирающим материал для своей диссертации, а я – молодым специалистом, научным работником Государственного архива Пермской области. Его работа в читальном зале архива была напряженной и каждодневной. Помимо груды дел, он перебрал всю библиотеку архива (уникальную в то время) в поисках редких изданий, относящихся к теме его исследования. Добрые отношения, сложившиеся в то время между нами на основе взаимной симпатии, сохранились и до настоящего времени.

Большую роль сыграли наши добрые отношения на переломном этапе моей жизни, когда к власти в архиве пришли чиновники с партийными билетами, чуждые науке и, тем более, задачам и проблемам архивного дела. Невежество этих деятелей подвигло их на травлю и выживание из архива специалистов-архивистов. Вот тогда, будучи в курсе складывающейся в архиве нездоровой обстановки, Игорь Севастьянович – декан исторического факультета ПГУ – предложил мне работу на факультете. И до этого он предлагал мне перейти в университет, но я отнекивалась, так как очень любила свою работу в архиве. Все-таки он уговорил меня читать спецкурс по истории государственных учреждений, и к тому времени я вела этот курс на историческом факультете уже несколько лет. Работая в архиве и участвуя в межвузовских конференциях, я перезнакомилась практически со всем профессорско-преподавательским коллективом исторического факультета, со многими находилась в дружеских или приятельских отношениях. На сей раз предложение Игоря Севастьяновича перейти в университет было принято с благодарностью, как круг, брошенный утопающему. С его легкой руки вся вторая половина моей трудовой биографии была связана с историческим факультетом ПГУ.

Случай со мной не единственный: вот так же он протянул руку помощи и не побоялся взять на факультет опального В. Н. Устюгова, изгнанного в свое время из университета за чтение «Ракового корпуса» А. Солженицина. А сколько таких (или подобных им) фактов активного личного участия Игоря Севастьяновича в решении трудных жизненных проблем сотрудников факультета затерялось в памяти?

Работая в деканате, я имела возможность наблюдать стиль его руководства, манеру общения со студентами и преподавателями. Обстановка на факультете всегда была деловой и доброжелательной. Возникающие недоразумения и намечающиеся конфликты декан умел очень деликатно гасить в зародыше. Отдельные вопросы, возникающие на факультете, требовали коллегиального решения. В таких случаях собирался актив факультета и внимательно выслушивались мнения всех присутствовавших. Но последнее слово было всегда за деканом. Он был строг и требователен, но я не помню, чтобы когда-нибудь на кого бы то ни было он повысил голос. На факультете его любили, уважали и слегка побаивались. Он раньше всех приходил на работу и нередко уходил одним из последних. Он был в курсе буквально всех факультетских дел. Для него не существовало мелочей. На все у него был свой «хозяйский» взгляд, во всем чувствовалась его «хозяйская» рука.

С его подачи и при непременном его участии преподаватели принимали участие в студенческой самодеятельности, в подготовке ежегодной студенческой «Весны», ритуала посвящения в студенты и т. д. Под его «государевым окном» творилась факультетская стенгазета «Голос историка». Он хорошо знал всех студентов факультета. Но об этом лучше расскажут сами его бывшие студенты. У него на все хватало времени. А ведь он был еще и заведующим кафедрой и читал один из сложнейших лекционных курсов. Он был лучшим деканом из тех, с кем мне пришлось работать.

Думаю, что он был и лучшим ректором Педагогического университета, хотя об этом не мне судить. Просто потому, что он не умеет быть другим: он везде заказывал себе высокую планку. Но это – мое личное мнение.

Во время нашей совместной работы мне казалось, что жизнь для него – увлекательная игра с бесконечным количеством головоломок, препятствий и лабиринтов, которые нужно во что бы то ни стало решить и преодолеть. И

все это он делал с азартом и удовольствием и не боялся подставляться. Он вкусно жил, вкладывая во все начинания всего себя, увлеченно воплощая в жизнь задуманное.

Про таких как он говорят: «При рождении Бог поцеловал его в лоб». Он талантлив во всем, что ему приходится делать. В нем вполне комфортно уживаются талантливый ученый и администратор, он мог бы быть великолепным актером и незаурядным карикатуристом.

Он очень честолюбив, но это – созидательное честолюбие, честолюбие творца, которое является основой прогресса.

Май 2006 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЮБИЛЯРЕ

Р.Г. Андаева

Мое сотрудничество с юбиляром, Игорем Севастьяновичем Капцуговичем, началось в классическом университете – Пермском государственном университете им. А.М. Горького. То были 60–70-е гг. минувшего столетия. Игорь Севастьянович был тогда уже заведующим кафедрой, затем заместителем декана, затем и деканом исторического факультета. Сотрудничество эпизодическое. Но оно оставило добрую память.

Вспоминая деловые беседы, встречи, разговоры с Игорем Севастьяновичем, припоминая «сюжеты» давних и недавних лет, наконец, работая вплотную с ректором и зав. кафедрой И.С. Капцуговичем в Пермском педагогическом институте, невольно задаешься вопросом: что составляет главную особенность его характера, в чем основа его успешной жизнедеятельности? Память «подбирала» многие слова, но они, на мой взгляд, не исчерпывали сущности Игоря Севастьяновича. И, наконец, определение нашлось – созидательность. Нет, не креативность, а именно созидательность. Она, наверное, выявлялась и формировалась, когда Игорь Севастьянович руководил кафедрой в классическом университете, когда, будучи деканом, возглавлял исторический факультет. Наверное, порою приходилось выбирать и непроторенные пути.

Может быть, эта особенность стала главной потому, что поколение Игоря Севастьяновича и то поколение, что шло чуть раньше, строило жизнь и решало проблемы в период, когда страна продолжала восстанавливаться после Великой Отечественной войны. На смену разрушениям вышли созидательные задачи.

Правда, в студенческую пору Игорю Севастьяновичу вряд ли приходилось беспокоиться о самосозидании. Природа одарила его актерским обаянием, красивым голосом, великолепной статью. Мы, студенческая поросль тех лет, первокурсники и второкурсники, уже научились выделять в среде «стариков» элиту. Да что выделять – любоваться! На студенческих вечерах, торжествах, проводившихся традиционно в актовом (Горьковском) зале, на спортивных площадках мы отмечали тех, кто солировал на студенческой эстраде, красиво принимал волейбольный пас; замечали, вокруг кого из старшекурсников собирались компании – здесь всегда царили шутка, розыгрыш, балагурство. Одним словом – элита. Игорь Севастьянович, по нашим представлениям, был в студенческой элите.

В педагогическом университете, с момента становления исторического факультета (то были 1984–1985 гг.) многие из нас – коллеги, соратники, помощники, ученики Игоря Севастьяновича – прошли славный двадцатилетний путь. Созидательный потенциал Игоря Севастьяновича воплотился, на мой взгляд, в полной мере.

Игорю Севастьяновичу присуще свойство видеть и выделять у своих помощников те главные черты характера, которые могут быть направлены на достижение профессиональных результатов. В некоторых из нас Игорь Севастьянович отмечал надежность, у иных отмечал лидерство и искренне радовался этому, ценил самостоятельность, покровительствовал созидательной инициативе.

Руководителю Капцуговичу свойственна способность убеждать. Я неоднократно отмечала для себя: задаче, которую ставил перед коллективом Игорь Севастьянович, предшествовала не только профессиональная подготовка, но и душевная работа.

Нам нравилось, когда Игорь Севастьянович присутствовал на заседаниях кафедры (в первые годы существования факультета кафедра была единая), на факультетских собраниях, торжествах и чаепитиях. В годы становления исторического факультета эти встречи были регулярными. Присутствие Игоря Севастьяновича заряжало нас энтузиазмом. Идеи, предложения, новации сыпались как из рога изобилия. Что-то вспоминалось из прежней университетской жизни, что-то новое вносила стремительно менявшаяся жизнь восьмидесятых годов.

На этих встречах всегда было чрезвычайно интересно и поучительно. Предметом обсуждения были самые различ-

ные вопросы: какова должна быть символика факультета; возможно ли создание собственного музея (а сегодня он существует, и какой музей! – своим содержанием и оформлением полностью соответствует всем современным стандартам!); что собой должны представлять студенческие научные кружки; какие спецкурсы должны быть внесены в программу обучения к основным дисциплинам, кто эти спецкурсы из присутствующих готов разработать, а затем и проводить аудиторные занятия; какое название будет носить студенческий самодеятельный кружок; будет ли у факультета свой гимн; надо ли привлекать студенческий актив к работе Совета факультета; что собою должна представлять система кураторства; как должна осуществляться связь преподавателей факультета с общежитиями и пр., пр., пр. В этих размышлениях, поисках решений мы обрели единство, которое постепенно формировалось в факультетское братство.

Мне кажется, что Игорь Севастьянович как руководитель учил преподавательский коллектив очень важному: видеть события, происходившие на факультете, в институте да и в окружающей действительности, и анализировать их не бесстрастным взглядом фотообъектива, а заинтересованно.

Надо было не допускать профессиональной и социальной уязвимости. Вместе с тем, за профессионализмом самого Игоря Севастьяновича не утратилась искренность, сердечность, внутренняя взволнованность.

По мере роста факультета и, разумеется, степени занятости ректора, визиты его на факультет стали реже. Наше чувство досады сменилось чувством разумной необходимости: наставало время привыкать к самостоятельности, брать на себя ответственность, принимать самое активное участие в формировании лица факультета. Равнодушное унылое существование историческому факультету не грозило. Было радостно, когда у факультета задуманное воплощалось. Было горько и досадно, если задуманное не достигало нужной цели. Видел ли промашки Игорь Севастьянович? Разумеется... Гневался? Наверное... Но замечания и советы всегда были в крайне доброжелательной форме. Говорю о себе, о своем опыте, о периоде, когда была заместителем декана факультета.

Не утратил юбиляр и задора своих далеких студенческих лет: тому свидетельство яркое сольное выступление Игоря Севастьяновича на одном из недавних традиционных

посвящений первокурсников истфака в студенческое братство.

За минувшие два десятилетия качественные изменения произошли, как известно, в самой жизни. Изменились приоритеты. Мир стал и захватывающим, и мимолетным. Сместились некоторые координаты опознания действительности. Не изменилось студенческо-преподавательское братство, свойственное историческому факультету. Сохранилось преподавательское братство. Не умаляя заслуг каждого из нас, отдадим себе отчет в том, что немалая созидательная работа принадлежит Игорю Севастьяновичу Капцуговичу.

Игорю Севастьяновичу свойственно очень важное качество. Он видит ранее иных, что многократные «оценочные перемешивания» подлинных ценностей не переориентировали критерии в жизни, в работе. Разумеется, сказывается жизненный опыт, созидательный опыт. Передается он не только коллегам, но и молодой исторической поросли.

Май 2006 г.

ИГОРЬ СЕВАСТЬЯНОВИЧ, СПАСИБО!

Н.Е. Васильева

Едва ли Игорь Севастьянович догадывается, что наше с ним знакомство состоялось задолго до пересечения в стенах Пермского государственного университета на общем историко-филологическом факультете. А я хорошо помню осень 1953 года, когда в клубе им. Ленина (угол Коммунистической и Осинской, сегодня там какой-то творческий центр) проходила трехдневная отчетно-выборная комсомольская конференция города. Мы, несколько десятклассниц школы №7, были туда направлены согласно жесткой разнарядке и томились в жуткой скуке и «суконной» атмосфере отчетов, речей, прений, выдвиганий, докладов ревизионной и мандатной комиссий и т.д. Эту нудную отсидку скрашивал роскошный буфет, в котором недорого продавали бутерброды с колбасой и шоколадные батончики. Туда мы и устремлялись в перерывах между заседаниями. К концу второго дня рутинная закончилась, новый состав горкома комсомола выбрали, и на третий день были объявлены свободные прения по напутствиям и пожеланиям новому руководству, как оживить комсомольскую жизнь в городе. Казалось, что ничего интересного не будет, и мы, прибалдевшие от однообразной гово-

рильни, ждали заключительного аккорда – кино. И тут на трибуну взошел совсем молодой человек, мы не услышали его фамилии, только поняли, что это какой-то комсомольский лидер из университета. Он рассказал о молодежном движении, возникшем в Индии и дошедшем до Европы, называлось оно «два за и один против». Сейчас даже приблизительно не вспомню, в чем заключалась суть этого движения, охватившего полпланеты, но тогда мы были покорены. Молодой человек ни на кого из выступавших не был похож, он говорил свободно, не заглядывая в бумажки, о вещах живых и человеческих, шутил, улыбался и был отменно хорош собой. Мы долго находились под обаянием его выступления, не столько умом, сколько эмоциям улавливая какое-то особое качество его речи, новизну тона, внутреннюю раскованность. Много позже, вспоминая эту комсомольскую конференцию и выделяя выступление представителя университета, я поняла, в чем дело. Ведь уже не было Сталина, хотя еще не было и «оттепели», но, очевидно, как-то подспудно, естественным образом менялось настроение в обществе, что-то ослабло и начали открываться клапаны, повеяло свободой и отступал страх. Университетский дух первым впитал эти перемены и первым отреагировал на них – вот этим неказенным стилем, попыткой оживить официальную «трибуну», прямым контактом с аудиторией. Мы были от оратора в восторге: он воплощал надежды на интересные повороты в нашей комсомольской формалистике, всем своим обликом обещая обновление и открытость. Мы ушли окрыленные и возбужденные, но так и не узнавшие его фамилии. А летом 1954 г., закончив любимую школу с золотыми медалями, мы поступили в университет, и 1-го сентября вместо занятий нас собрали перед учебным корпусом на мероприятие, которое называлось «Посвящение в студенты». Каково же было наше потрясение, когда к трибуне вышел тот самый «наш» молодой человек, которому дали слово: Капцугович Игорь Севастьянович. Сейчас и не вспомню, в каком он тогда был «чине», но отчетливо помню, как вдохновенно, с блеском и юмором он посвящал нас в тайны студенческой жизни, являя всем своим обликом высоту университетского духа. Мы поняли, что нам будет здесь интересно, что быть причастным к такому уровню – трудно, но очень заманчиво.

Игорь Севастьянович, спасибо! Вы в нашей жизни

были первым, кто наглядно показал, что такое человек Университета, Вы посвятили нас тогда не только в студенты, но в самую суть неповторимой университетской ауры.

... Факультеты наши вскоре разошлись, но ощущение, что Вы – добрый коллега, сохранилось до сих пор. Помню эпизод, о значении которого для моего научного старта Вы тоже не догадываетесь. Моя научная тема была связана с изучением литературы переходного периода 1920-х гг. Литературный материал требовал «подпитки» от истории, да и вообще поначалу не хватало общих идей: к кому кинуться? Кто-то подсказал, что этим периодом занимается Капцугович, и я, преодолев робость, позвонила Вам. Каким бы ни было различие историческое и литературоведческое мышление, Вы меня сходу поняли, уточнили терминологические нюансы, прокомментировали исходные позиции – толчок был дан, и механизм заработал. Потом было много других консультантов, оппонентов и единомышленников, но это было потом, а Вы оказались первым, кто, не будучи руководителем, стоял у истоков многолетней работы. Игорь Севастьянович, спасибо!

... Помню и другие события, в которых именно Вы играли решающую роль в моей судьбе, не прилагая к этому каких-либо усилий. В 1958 г., учась на четвертом курсе, я под давлением обожаемой Риммы Васильевны Коминой подала заявление в партию. Ее слово было для меня законом, и я не очень-то рассуждала. Не успев оглянуться, была принята в кандидаты. Помню, что в райкоме комсомола очень понравилось мое заявление, в котором я сообщала, что «всей душой и умом хочу принадлежать законам партийной дисциплины» и что «готова, не задумываясь, выполнять любую волю партии» (многих слов этого пафосного документа не помню, а общий идиотизм сохранился в памяти на всю жизнь). Когда заканчивался кандидатский срок, в нашем партбюро сменился состав, и на решающем для меня заседании было высказано сомнение в необходимости «спешить с такими решениями». Вы тогда посоветовали мне еще поработать и еще показать себя на общественном поприще. Римма Васильевна, не ожидая такого поворота, была обескуражена и советовала опротестовать неуставное решение первичной организации. А я уперлась – ни в какую! И написала заявление с просьбой не считать меня кандидатом в члены партии. По тем временам это был

безумный безрассудный поступок, чреватый многочисленными неприятностями. Но, слава Богу, меня не прорабатывали и не преследовали. Много позже я поняла, что этот провал с партией был благом; вот уж точно «нет худа без добра» и «все, что ни делается, – к лучшему». Не мой это был шаг, и решение Риммы Васильевны видеть меня членом этой организации не отвечало внутреннему устройству моей личности. Вы, наверное, видели глубже и поняли сразу мою неготовность к партийным испытаниям. Разрушив этот непродуманный альянс, Вы до конца дней подарили мне свободу и избавили от необходимости лгать и лицемерить. Мелькнувшая тогда обида навсегда обернулась стойкой благодарностью. Игорь Севастьянович, спасибо!

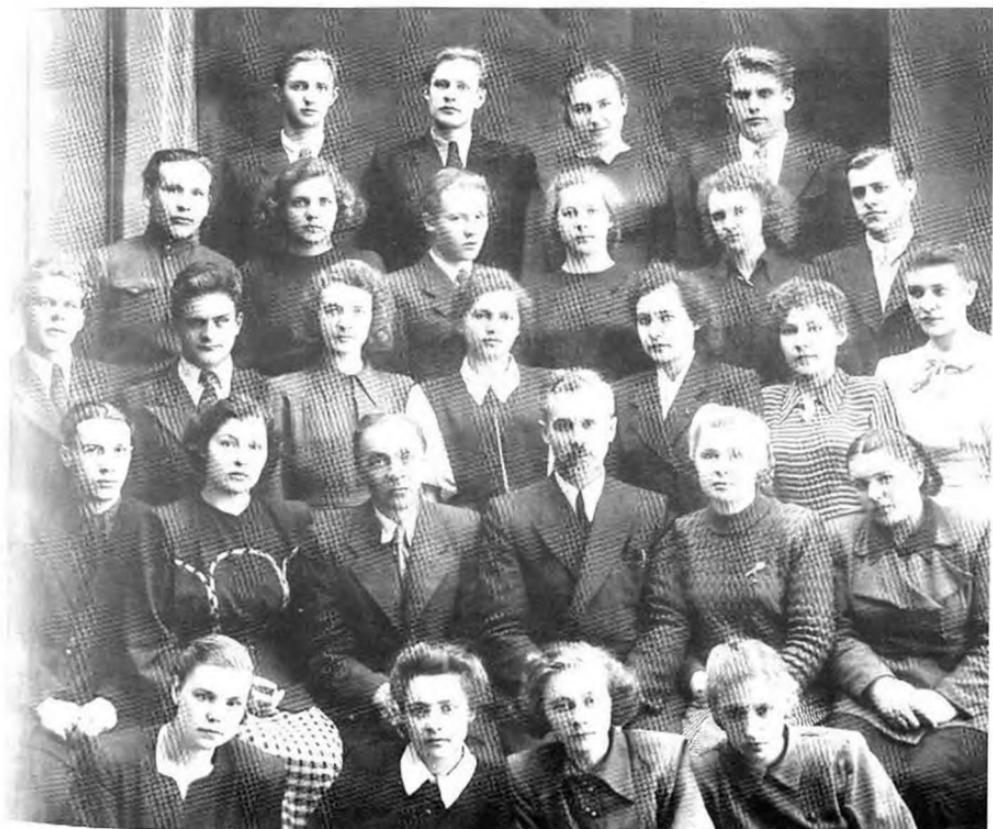
...Как-то так складывалась моя жизнь, что Вы постоянно оказывались в ее пространстве. Помню, как мы с Вами где-то в начале 60-х гг. организовывали и проводили вечер встречи с выпускниками историко-филологического факультета, готовили к нему большую стенную газету, почему-то рисовали мы ее и сочиняли в холостяцкой комнате Герасима Сергеевича Григорьева, нашего удивительного философа и яркого человека, жившего в ту пору в общежитии на Дальней (так называлась тогда улица Хохрякова), обдумывали, какие сувениры и призы будем вручать победителям разных смешных конкурсов. Вашему остроумию и выдумкам было невозможно соответствовать, и я была Вами «брошена» на серьезные жанры: сочиняла оды и торжественные вирши. Вечер удался, а газета, сверкавшая карикатурами и юморными надписями, имела непревзойденный успех. Как жаль, что мы не сохраняем такие самодеятельные шедевры. Свела нас судьба и в середине 70-х гг., когда Вы уже были ректором пединститута, а я председательствовала у Вас в ГЭЖе филологического факультета. Несколько лет подряд мы вместе вручали дипломы и говорили напутственные слова юным филологам, покидавшим стены института и уходящим в самостоятельное плавание. Помню Ваши речи (а помните ли Вы мои?), конечно, помню Ваш изысканный слог, тонкий юмор, легкий изящный пафос.

Соответствовать Вашему виртуозному ораторству было невозможно, и я, с молодости натренированная в серьезных жанрах, говорила чаще «высоким штилем». Думаю, выпускники были довольны...

Я не числилась в друзьях Игоря Севастьяновича, не

1945. Ирбит.
Характер героя
формируется

1949. I курс историков ПГУ. Раритет

1952. Герой фиксирует кадры истории. Рядом доцент С.И. Сметанин

1953. Первые раздумья о путях Отечества

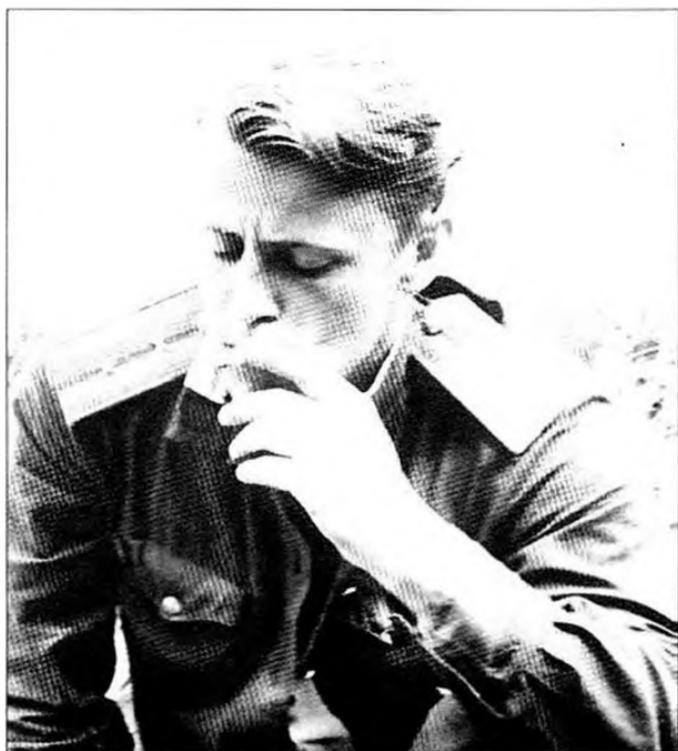
1957. Встреча целинников ПТУ Положение обязывает...

1956. И.С. Капцугович мечтает о BMW

1957. Колхозная действительность

1956. Ассистент-лейтенант мечтает о маршальском жезле

1960. Вена. Замок Бельведер. Далее...

1967. Первый состав «Посага»

1962. Суровые будни
на фоне известной
стены

1963. Харьков В ближнем зарубежье

1967. День первокурсника- ПГУ. И.С. Капцегович – декан, О.П. Малис – зам. декана, Л.Е. Кертман – зав. кафедрой новой и новейшей истории, Л. Малинский – ассистент, В.А. Оборин – доцент кафедры истории СССР

1968. ГЭК. Приговор окончательный ...

60-70-е. Как нелегко быть деканом

1968. Лекция по историографии.
Сколько эмоций!!!

1968. Спич на юбилее
профессора Л.Е. Кергмана

1978. Отличники и активисты ПГУ под Красными Знаменами

1973. С другом Г.С. Григорьевым. Два философа

1977. Посату- 10 лет

1977. Заседание кафедры истории советского общества ПГУ

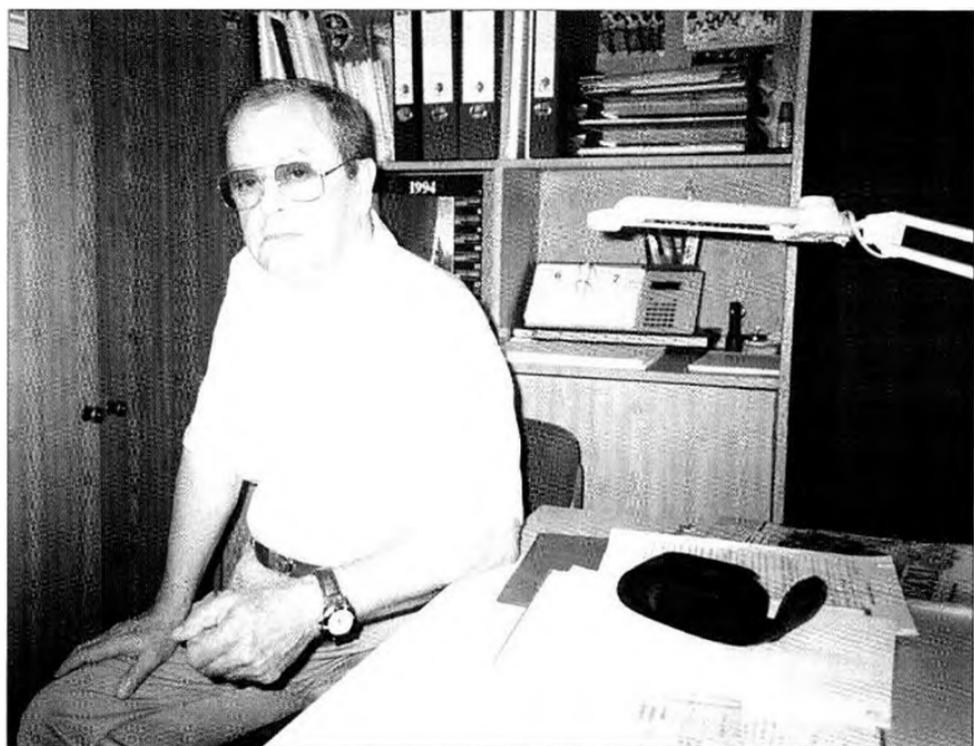
1979. Ректор ПГПИ с проректором Ю.В. Павловым провожают своих студентов в бой за урожай

1980. Исторический спор о застое

1985. Этот день Победы..!

1996. Ректор устал

1997. Библиотека Бодлеин. Оксфорд

1997. После вручения ордена Дружбы. Слева направо: В.И. Костицын, Т.И. Марголина, И.С. Капцугович, Г.В. Гутник, М. Белых

1997. И.С. Капцугович на Трафалгарской площади, Лондон.

1999. Ю.П. Труннев и И.С. Капцугович. ПГУ

1998. «Ты историк и я историк...»

20 октября 1999. Десять лет спецфаку психологии ПГПУ

90-е годы. Посвящение в историки

2000. XXII Пермская областная отчетно-выборная конференция обкома профсоюза. Слева направо: А.А. Бартоломей, В.Ю. Петров, Б.И. Пожарский, И.С. Капцугович, А.К. Колесников

9 мая 2000. Ректор И.С. Капцугович и губернатор Г.В. Игумнов

2000. Профессор И.С. Калитовский

2001. Выборы декана на истфаке

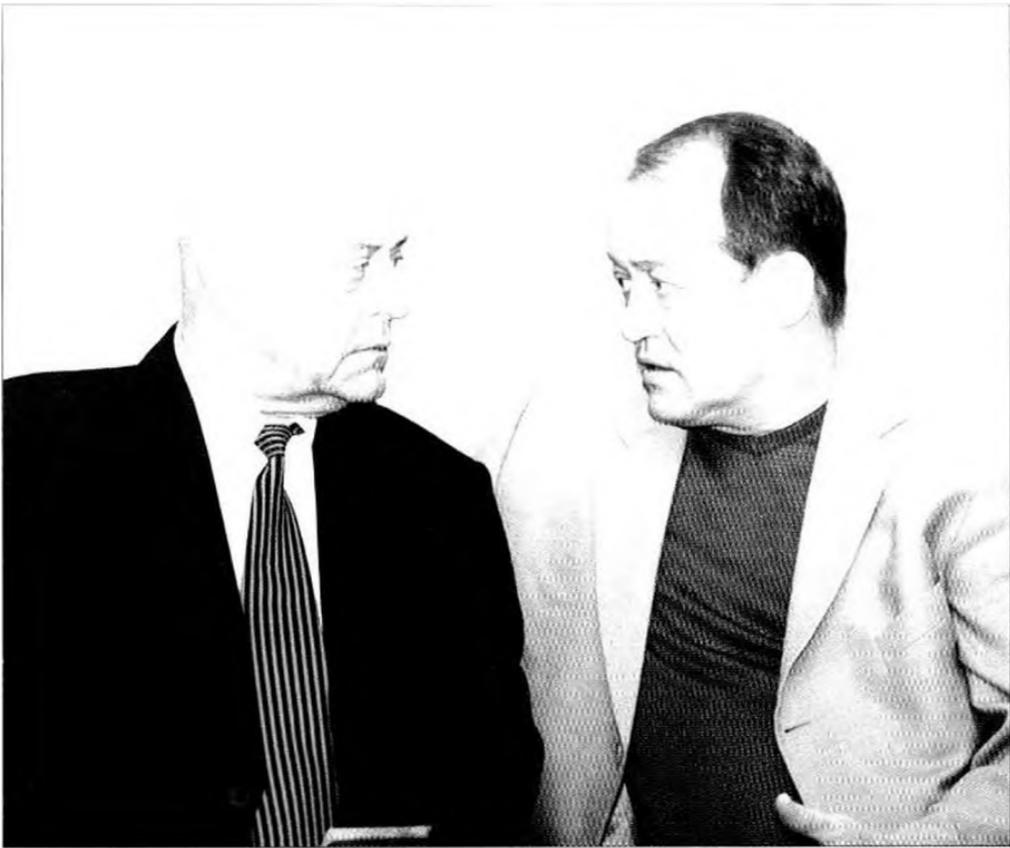
2001 Герою 70 лет. Ученики поздравляют

2001. Коллеги с юбиляром

Уф! Юбилей позади

2003. И.С. Капцугович и профессор С. Суханов о делах сердечных

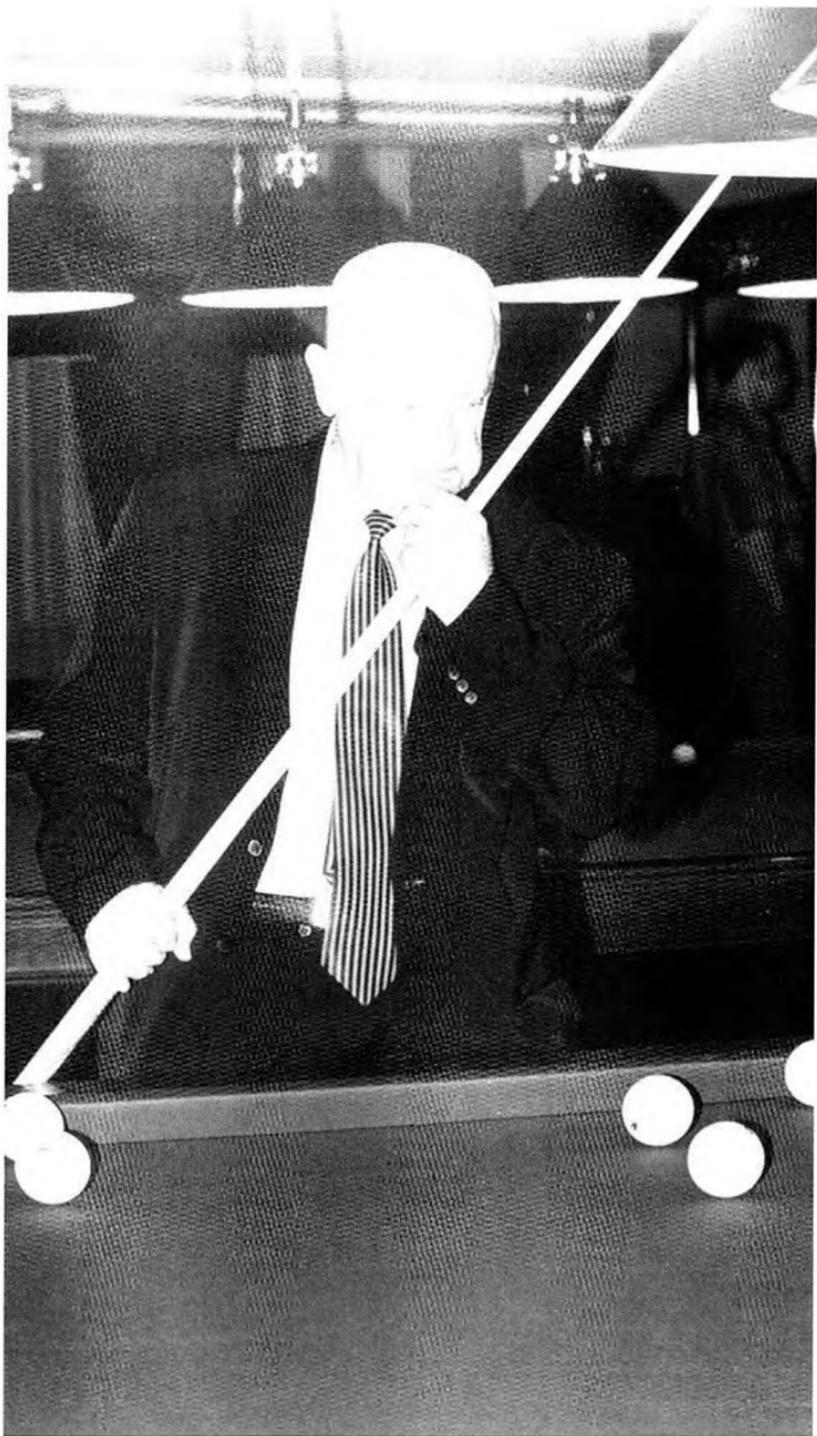
Биографический справочник ПГ ПУ издан 23.12.2003.

23 февраля 2004. Ну что, мужики?

2003. И.С. Капцугонич и чемпион мира по бильярду Е. Сталев

Вся наша жизнь — игра.

была его студенткой и не слушала его лекций, мы не общались домами и не встречались в праздничных компаниях, я не была с ним в общем застолье и не наблюдала его в «дружеских пирушках». Но, как оказалось, все это и не важно, чтобы человек не просто запомнился, а растревожил твою душу, вошел в сознание и стал неотъемлемой частью твоей молодости и биографии.

Блестящий ум Игоря Севастьяновича, его мужской шарм, элегантность его личности и утонченное человеческое обаяние – все это вошло в состав тех подарков и личных сюрпризов, которые нам случается получить от судьбы. Игорь Севастьянович, спасибо!

И вот теперь Ваш юбилей... Поверим мудрецам Востока, говорившим, что возраст – это оплошность природы. Ваш возраст замечателен, ибо Вы вошли в тот круг света, когда, по Гоголю, видно во все концы, когда все уже понимаешь и еще остается большой простор жизни.

Мы ведь с годами мудреем и научаемся жить не благодаря радостям, которые нам подбрасывает жизнь, а вопреки невздам, которые она же нам и устраивает. Пусть не сужаются дали Вашей жизни, энергия не теряет способности к самообновлению, а Ваш молодой дух и неиссякаемое чувство юмора еще многие годы послужат Вашей бодрости, мудрости и опыту души.

Игорь Севастьянович, спасибо!

В МУЗЕЙ КАК ДОМОЙ

О.Н. Зонова,

А.С. Стабровский

С чего все началось?

А банально просто.

Идея возникла при просмотре старых фотографий.

Лица первых преподавателей, студентов и сотрудников университета вдохновляли. Благородные, интеллигентные... И мысль о том, что их могут забыть в спешке совдеповских новостроек, взволновала Игоря Севастьяновича. Раздумья не давали покоя и в результате оформились в идею создания музея.

Было сложное в идеологическом отношении время. Действительно непросто было реализовать свои инициативы. Но Капцугович сумел убедить ректора В.П. Живописцева, и тот его поддержал. Идея стала потихоньку воплощаться в жизнь...

Не было финансовой поддержки, ставок. Приходилось схитрить, как только можно.

И вот первым хранителем была назначена О.Н. Зонова. Работа пошла.

Важно не только выносить и родить идею, важно, чтобы она воплотилась достойно в реальный проект, – и, несмотря на свою основную и общественную загруженность, Игорь Севастьянович всегда оставался идеологом и научным руководителем создаваемого музея.

А комплектование музея началось с поиска ветеранов университета. Одним из первых экспонатов была книга «Заря высшего просвещения на Урале», изданная на деньги Н.В. Мешкова, подаренная одной из первых студенток университета.

Именно первые студенты вуза – Хорошавин, В.В. Молодцов, М.А. Генкель, Е.А. Пермяк, П. Устюжанин – с энтузиазмом отозвались на просьбу Капцуговича о помощи и всеми силами помогали музею.

Работа была творческая, интересная, изыскательская. Охвачена была не только Пермь, но и другие города – Москва, Ленинград, Тарту, Киев и др. Так постепенно шел процесс комплектования, и не только основной фонд пополнялся, стали вырисовываться личные коллекции.

Благодаря усилиям Игоря Севастьяновича, его умению заинтересовать людей, убедить в значимости данного события, энтузиазм ветеранов передался многим сотрудникам университета – они стали сами приносить материалы. А ведь многие с трудом расставались с документами, фотографиями, личными архивами, вещами. Но заслуга Капцуговича в умении подобрать ключ к душе каждого, провести индивидуальную беседу, в его обаянии. Это зачастую решало все.

Когда сформировались фонды, то естественным выходом стало создание экспозиции, тем более что университету исполнялось 60 лет.

Первая временная экспозиция была открыта в дни юбилея в первом корпусе в коридоре около зала Ученого Совета. Это событие имело большой резонанс, и ректорат, скрепя сердце, выделил помещение под стационарную экспозицию. Более того, несмотря на сложности с финансированием, были выделены деньги...

Так начался уже второй этап в создании музея.

Прагматичным и прозорливым оказалось желание Игоря Севастьяновича (он тогда был деканом факультета) ос-

тавить работать в музее выпускника истфака А.С. Стабровского, который вот уже тридцать лет продолжает начатое Капцуговичем дело.

Долгая и кропотливая работа заключалась теперь не только в комплектовании фондов, но и в создании стационарной экспозиции. Несмотря на то, что в 1979 г. Капцугович возглавил пединститут, он продолжал интересоваться делами университетского музея, и именно благодаря ему стационарная экспозиция была открыта в 1981 г.

Создание подобного музея в советские времена – дело фантастическое: в те времена не особенно думали о корнях наших, все стремились вперед под Красным знаменем. А Игорь Севастьянович как истинный историк правильно оценивал ситуацию, понимал, что к чему...

Кстати, он сам подавал пример, передавая в фонды свои материалы – фотографии, вещи и документы. И уже будучи ректором пединститута к 40-летию Победы принес в музей ценные экспонаты – военные награды, документы, фотографии и личные вещи своего отца – С.И. Капцуговича, одного из первых заведующих военной кафедрой университета.

Следующий весомый подарок – коллекция карикатур из стенной сатирической газеты «Перец» – этакий «Фитиль» Пермского университета, где одним из главных иллюстраторов был сам Игорь Севастьянович, а также номера газеты «Пермский университет», редактором которой он являлся.

Кстати, коллекция карикатур стала основой выставки, посвященной «Перцу», в зале музея истории университета. А на открытии выступал художник-карикатурист И.С. Капцугович, его рассказы об этой газете, его воспоминания о сюжетах, сотоварищах вызвали бурный интерес студентов и всех присутствующих на открытии выставки.

Не побоимся сказать, но музей истории университета, созданный по инициативе и при личном участии И.С. Капцуговича, теперь знает вся страна. Наш музей в перечне государственных музеев страны (номер 2105).

А с возникновением художественного фонда – и за граница знает о нас.

Прошло более тридцати лет с мгновения зарождения мысли о музее... и сегодня Игорь Севастьянович, будучи в университете, всегда заходит в кабинет директора, в музей – как домой. Тянет...

В практике человеческого бытия давно замечена одна странная особенность. При всей объективности течения времени в повседневной жизни сохраняется иллюзия медленного хода дней и быстрого мелькания лет.

Игорь Севастьянович Капцугович стал ректором Пермского педагогического института (ныне педуниверситета) без малого тридцать лет назад, а кажется, что он ушел из классического университета на новое «место службы» совсем недавно. Именно в ПГУ он состоялся как ученый и педагог, пройдя путь от ассистента до профессора, доктора исторических наук. Здесь долгие годы он был заведующим кафедрой истории советского общества (ныне новейшей истории России), деканом исторического университета.

Мы, бывшие студенты истфака ПГУ, ученики Игоря Севастьяновича, с глубоким уважением и пиететом относимся и относимся к нашему Учителю. Нашему курсу, где я учился в 1960–1965 гг., – первому курсу самостоятельного исторического факультета (до того существовал объединенный историко-филологический факультет), может быть, это присуще еще в большей степени, поскольку мы считали себя «крестниками» Игоря Севастьяновича, и на то есть определенные причины.

Помню этот день, 30 августа 1960 года, когда нас, человек двадцать студентов-первокурсников (прием на истфак был тогда всего 25 человек), после недолгих сборов на двух колхозных грузовых машинах отправили на уборку картофеля в село Межовку Ординского района. Руководителем нашего небольшого коллектива от преподавательского корпуса истфака был назначен молодой факультетский ассистент, не имевший тогда никаких высоких регалий, Игорь Севастьянович. До конечного пункта по раскисшей от дождей дороге, чумазые и голодные, мы прибыли только в час ночи. По инициативе руководителя была вскрыта дверь сельсовета (здесь мы оценили его организаторские способности, умение принимать неординарные решения), а далее Игорь Севастьянович нас полностью обаял своим музыкальным и песенным дарованием (позже узнали, что он и хороший художник). В руках Игоря Севастьяновича появилась гитара, мы подпевали, впервые познав обширный репертуар заводных археологических и студенческих песен. Тогда и был сделан вывод: истфак – это здорово!

В дальнейшем, в годы учебы в университете, были блестящие лекции Игоря Севастьяновича по истории Урала, истории России новейшего времени, в которых всегда были четко выстроенная сюжетная линия, значимые обобщения, необходимая доказательность. Часто мы встречались и вне аудиторий. Такие встречи со студентами, беседы – свидетельство демократизма Игоря Севастьяновича – и сейчас вспоминаются с благоговением (не побоюсь этого слова).

Особо хочется сказать об Игоре Севастьяновиче как декане истфака ПГУ. Факультетский корабль он вел верным курсом, всегда отличался богатством идей, тем, что сейчас бы назвали инновациями. По инициативе его и Льва Ефимовича Кертмана был внедрен комплексный подход к обучению студентов-историков, реализован учебный план, основанный на синхронном принципе изучения исторических и смежных дисциплин. Опыт истфака, обобщенный в работах, опубликованных в центральной печати, и направленный на совершенствование образовательного процесса, затем получил применение в организации учебной деятельности ряда вузов. Синхронный принцип обучения лежит в основе учебной работы истфака и поныне.

С «легкой руки» декана началась, например, история ансамбля политической сатиры «Посат», созданного во второй половине 60-х гг. и ставшего чрезвычайно популярным не только в университете, но и за его пределами. В сатирических песенках и театрализованных сценках ансамбля находили отражение самые злободневные проблемы мировой политики. Сам Игорь Севастьянович выступал в данном случае и режиссером, и художником, и «мотором» начинаний.

...Игорем Севастьяновичем выращено могучее дерево, давшее щедрые плоды. Это ценящие и уважающие его многочисленные ученики.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ УРАЛА В РАБОТАХ УЧИТЕЛЯ И ЕГО УЧЕНИКОВ

ИСТОРИК

В. А. Шмыров

Игорь Севастьянович является успешным человеком.

Сразу после окончания университета работа на кафедре, аспирантура, кандидатская диссертация, в 35 – декан исторического факультета университета, в 44 – доктор и профессор, в 48 – ректор педагогического института. Фотография в Галерее Славы на аллее Комсомольского проспекта, безмерное уважение студентов, поклонение и повальная влюбленность студенток. Партнерство, дружба, а то и приятельство с ведущими историками страны. Вкус, такт, чувство юмора и собственного достоинства. А кроме того, – стройный, поджарый шатен, любимец женщин. Порода, черт побери! В Перми равных ему, казалось нам, не было. О таких недруги говорят – баловень судьбы!

Баловень...

Обе диссертации – на грани. На грани «партийности» (без партийного подхода и марксистско-ленинской методологии тогда, как известно, нельзя было написать работу даже о слонах или звездах), истины и честности. Гражданская война и левые эсеры. И грань была соблюдена всегда! А это уже не просто такт и интуиция. Это профессионализм. Тончайший профессионализм порядочного историка советской эпохи, писавшего об абсолютно неоднозначных в тогдашних и сегодняшних оценках процессах! Писавшего так, что ни тогда, ни сейчас краснеть и стыдиться ему не пришлось...

Спустя много лет, когда историки моего поколения из бывших его студентов и учеников стали молодыми его коллегами, когда пришла вторая «оттепель», он, выросший

из первой, дал как-то по случаю прочитать написанный им в абсолютно глухие времена пронзительный исторический очерк о судьбе Первого Морского Кронштадтского полка.

История эта была примерно следующая:

...Стоял в селе Исады Кунгурского района скромный обелиск с надписью: «Вечная память матросам Первого Кронштадтского полка, павшим в боях за советскую власть». Стоял много лет...

И не помнил уже почти никто, что это был за полк, почему моряки эти погибли почти в центре России, в тысячах верст от ближайших морей, как, наконец, погибли...

И вот факт этой непонятной гибели их некоторые из ветеранов – были в те времена при партийных комитетах, от районных до областных, специальные советы ветеранов, руководство которых как раз и состояло, как правило, из ушедших на пенсию секретарей все тех же райкомов и обкомов – а точнее, некоторые из руководителей областного ветеранского совета в вину полку и поставили, обвинили полк в анархизме и предательстве. И добились того, что надпись, которая была выбита на обелиске, стесали, и заменили на еще более непонятную и абсолютно безликую – «Вечная память советским морякам, павшим смертью храбрых за советскую власть на Урале в 1918–1919гг.».

Но сделать это ветеранам, несмотря на все их влияние, удалось не без некоторой борьбы и сопротивления. И в ходе споров о судьбе памятника обком поручил разобраться в этой истории Игорю Севастьяновичу.

Результатом исследования, проведенного на основании материалов местных и центральных архивов, стали следующие выводы: памятник в деревне Исады установлен действительно матросам Первого Морского Кронштадтского полка; что Первый Морской Кронштадтский полк оказался не только первым, но и единственным и последним; что другие морские полки в Кронштадте так никогда сформированы не были; что полк этот был собран из революционных матросов-добровольцев Кронштадта осенью 1918 г., когда из Омска выступила армия Колчака, и когда советским руководством был брошен лозунг «Все на защиту Урала!»; что два батальона этого полка, прибыв на Восточный фронт, заняли позиции у деревень Верхние и Нижние Исады; что оба этих батальона погибли в ночь на 14 декабря 1918 г. Что, наконец, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневого построена на истории именно этого полка.

Гибель этих батальонов во многом оставалась тайной. Были ли измена? Был ли повод стесывать с обелиска траурную надпись? Были ли в полку, как то описано у В. Вишневого, изменники-анархисты, снявшие посты и тайно проводившие казаков в расположение частей?

Выводы Игоря Севастьяновича были однозначны: в самих погибших батальонах предательства не было – оба они были уничтожены полностью. Если и было предательство, а, возможно и не предательство вовсе, а обычное разгильдяйство, то в командовании. И не полка, а штаба фронта, который по непонятным причинам почти месяц не менял находившиеся на передовой батальоны, в то время как резервы без дела стояли в Кунгуре.

А анархисты в полку и правда были... И погибли вместе с полком...

Ветеранов Игорю Севастьяновичу переубедить не удалось. Действительное наличие в полку анархистов и пьеса В. Вишневого свое дело сделали.

И тогда, прекрасно понимая, что делает, видимо, бесполезную работу, что результаты его исследования никогда не увидят свет, что пишет он в стол, что все его благополучие кончится ровно в тот самый момент, когда рукопись попадет в руки активистов-ветеранов, Игорь Севастьянович еще глубже зарылся в архивы и написал исторический очерк о действительной судьбе Первого Морского Кронштадтского полка.

О том, как формировался этот полк. Как вскоре после его отправки добровольцы стали разбегаться. Что после Вологды двери вагонов пришлось запереть, и непонятно было, кого везут на фронт – добровольцев, рекрутов или арестантов. О том бедламе, который царил в Кунгуре и в штабе фронта. О реальном положении брошенных в снежных окопах Исадов без запасов продуктов и боеприпасов моряков. О том, в каком состоянии крайней измученности были эти моряки. О том, какие остававшиеся без ответа рапорты слали они в штаб. О том, наконец, что ночью на 14 декабря погибли все они до единого...

Вся история полка переотложилась в драме В. Вишневого.

Не было в полку лихой комиссарши. Правда, была она почти в это время и почти в этом месте. Имя ее – Лариса Рейснер. Комиссар Волжской флотилии. Пламенная до фанатизма революционерка.

Был почти в то самое время и почти в том же самом

месте и Всеволод Вишневский. Плавал по Каме на знаменитом пароходе «Ваня-коммунист». А когда белые расстреляли и пустили этот пароход ко дну, разобраться с инцидентом прибыла сама «товарищ комиссар». И разбирательство то было, как обычно в то время, не судом, а разборкой – выстроили под высоким яром спасшихся матросиков, а против них – расстрельную команду с винтовками.

И оставалось только выкрикнуть «пли!», но успела братва в последний момент вытолкнуть из своей среды самого говорливого – матроса Севу. И сумел-таки матрос Сева рассказать, объяснить что-то грозной комиссарше. И появилась годы спустя «Оптимистическая трагедия», в ткани которой причудливо сплелись и Первый Морской Кронштадтский полк, и железная комиссарша, и анархисты, и последний ночной бой, и правда, и вымысел...

А еще, на сплаве истории и литературы, – легенда. Или, если угодно, – антилегенда.

А историческая правда оказалась жестче и страшнее как литературы, так и этой антилегенды.

И очерк о Кронштадтском полку не единственный среди «неопубликованного» Игоря Севастьяновича. Была еще серьезная работа о Лбове – мотовилихинском боевике, эволюционировавшем в бандита, о котором почти с восторгом писал А. Гайдар, и который до конца считался среди революционной гвардии Мотовилихи.

Были, наверное, и другие, не известные мне работы, добросовестно и скрупулезно написанные «в стол».

Ныне все мы знаем (хотя знали и тогда), что и за меньшее в то время если не сажали и не слали «за Можай», то, во всяком случае, с грозным и подсудным – была такая статья – «антисоветская агитация и пропаганда» в уголовном кодексе с санкцией до 7 лет – обвинением в антисоветизме гнали «поганой метлой», как было принято писать о таких сюжетах в газетах, со всех должностей, с лишением всех наград, степеней и званий.

Но Игорь Севастьянович был не «антисоветчиком». Он был историком. Честным и добросовестным историком не в самое честное и не самое добросовестное время...

1-й МОРСКОЙ КРОНШТАДТСКИЙ ПОЛК И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЕГО ГИБЕЛИ

И.С. Капцугович

ПРОЛОГ*

В истории гражданской войны на Урале важное место занимает 30-я дивизия, боевые действия которой зимой 1918 года имели очень большое значение. Дивизия вела упорные бои на центральном участке 3-й армии, во многом предопределявшие положение левого фланга армии 29-й дивизии и Особой бригады.

В ноябрьские дни 1918 г. в состав 4-й стрелковой дивизии (с 10 ноября 1918 г. – 30-й дивизии) влился 1-й Морской Кронштадтский полк, который прибыл из Петрограда. 27 декабря 1918 г. от штаба Петроградского окружного комиссариата по военным делам было получено предписание о ликвидации полка.¹ Это решение было принято в связи с тем, что как боевая единица полк к этому времени уже не существовал – основной его состав погиб в середине декабря 1918 г.

На старом Гороблагодатском тракте между деревнями Верхние и Нижние Исады (Березовский район Пермской области) 2 декабря 1961 г. был открыт памятник погибшим матросам 1-го Морского Кронштадтского полка. На металлической плите постамента написано: «Этих дней не смолкнет слава. Вечная память матросам Первого Кронштадтского полка, павшим в боях за советскую власть». На второй плите отлиты слова: «Здесь похоронены балтийские моряки, погибшие в боях за советскую власть 13–14 декабря 1918 г.»².

В последние годы председателем историко-революционного сектора Совета ветеранов революции и гражданской войны при краеведческом музее, членом КПСС с 1908 г. В.Ф. Сивковым и членом КПСС с 1925 г. Н.Ф. Пазниковым ставится вопрос о том, что 1-й Кронштадтский полк не имеет права на бессмертие. В предложении В.Ф. Сивкова и Н.Ф. Пазникова указывается, что для исправления ошибки, вызванной недостаточной информацией ко времени сооружения памятника, следует изменить текст надписи на памятнике-обелиске. Предлагается, удалив намено-

* Пролог написан профессором И.С. Капцуговичем 18 мая 2006 г.

¹ Центральный государственный архив Советской армии. В настоящее время – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф.4812 – Оп.1 – Д.14. – Л.193.

² Памятники истории и культуры Пермской области. – Пермь, 1971. – С. 110.

вание 1-го Кронштадтского полка, поставить новую надпись – «Светлой памяти моряков Советского флота, павших смертью храбрых в боях за Советскую власть, за Урал».

В январе 1973 г. директор Пермского областного краеведческого музея Л.Г. Дворсон и председатель совета секции ветеранов революции и гражданской войны В.Ф. Сивков обратились к декану исторического факультета Пермского университета доценту В.А. Оборину. Они просят поручить историкам университета рассмотреть прилагаемые материалы и дать заключение о действительных обстоятельствах гибели 1-го Морского Кронштадтского полка.

В июне 1973 г. декан В.А. Оборин сообщил в отдел агитации и пропаганды Пермского обкома КПСС, директору музея Л.Г. Дворсон и председателю исторической секции Совета ветеранов В.Ф. Сивкову, что историки университета, опираясь на изучение дополнительных документов Центрального государственного архива Советской Армии, источников и литературы, подготовили справку-заключение об обстоятельствах гибели 1-го Морского Кронштадтского полка. «Открытие памятника не является ошибкой, а надписи на памятнике должны быть сохранены», – писал В.А. Оборин. Кстати, заключение после коллективного обсуждения на факультете подписали проф. Ф.С. Горовой, доценты М.А.Иванова, И.С. Капцугович, ст. преп. Е.Н. Лукьянова, доценты В.В. Мухин, В.А. Оборин.

Тем не менее, в 1974 г. по указанию обкома КПСС Областное отделение общества охраны памятников истории и культуры приняло решение установить на памятнике новую мемориальную доску. Вместо слов «Вечная память матросам 1-го Кронштадтского полка, павшим в боях за советскую власть», была сделана другая надпись: «Вечная память советским морякам, павшим смертью храбрых за советскую власть на Урале в 1918–1919 гг.»

Следует заметить, что надпись 1961 г. – «Здесь похоронены Балтийские моряки, погибшие в боях за советскую власть 13–14. XII. 1918 г.» осталась. Получился памятник «неизвестному солдату». Легко переписали историю – Кронштадтский полк ушел в небытие. Памятник с годами пришел в запустение. Он был восстановлен 30 августа 2001 г. по распоряжению губернатора Ю.П. Трутнева. К сожалению, осталась новая запись 1974 г.

Заключение об обстоятельствах гибели Кронштадтского полка, которое подписали историки университета в 1973 г.,

было написано мною. Но тогда оно не могло быть опубликовано. Объяснение можно найти в конъюнктурной статье Ю. Николаева в газете «Звезда» 6 декабря 1974 г. — «Что произошло под Исадами?» Основной вывод: памятник должен символизировать мужество и отвагу многих других подразделений военных моряков, сражавшихся в годы гражданской войны на Урале. Автор, видимо, не знал, что на одной из плит сохранены даты — 13–14. XII. 1918 г. И к кому они относятся?

Прошло 33 года, но полагаю, что память о моряках 1-го Кронштадтского полка пусть сохранится хотя бы в заключении 1973 г., которое я представляю без изменений.

СПРАВКА-ЗАКЛЮЧЕНИЕ О 1-м МОРСКОМ КРОНШТАДТСКОМ ПОЛКУ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЕГО ГИБЕЛИ*

Для того, чтобы сделать некоторые выводы, следует, на наш взгляд, остановиться на краткой характеристике литературы и источников, рассмотреть предысторию полка, показать боевые действия и обстоятельства гибели полка на Кунгурском направлении в декабре 1918 года.

Надо отметить, что специальных опубликованных исследований по 1-му Морскому Кронштадтскому полку не имеется. Об этом, кстати, писал в Пермский краеведческий музей в сентябре 1972 г. заместитель начальника Института военной истории Министерства Обороны СССР доктор исторических наук А. Бабин.

В опубликованных источниках и литературе дается следующая оценка 1-му Кронштадтскому полку.

7 января 1919 г. орган Политотдела штаба 3-й армии газета «Красный набат» поместила заметку «Расправа белых с пленными»: «Не так давно наша N часть, поддавшись контрреволюционной агитации, целиком сдалась в плен белым. И как же последние приняли перебежчиков? Они разоружили всех, затем раздели донага; связав и разложив на снегу, стали колоть тесаками и рубить шашками. Лишь небольшой части удалось избежать кровавой встречи. У многих спасшихся бегством насчитывалось до 15 колотых ран. По-видимому, такой случай отобьет у шкурников охоту переходить к белым»³. Через неделю в «Известиях Вятского губисполкома» была помещена замет-

* Справка-заключение написана доцентом И.С. Капцуговичем 18 июня 1973 г.

³ Красный набат. — 1919. — № 4 — 7 января.

ка «Зверская расправа белых со сдавшимися». В тексте, близком по смысловому содержанию с заметкой в «Красном набате», дается более развернутое описание событий. «В первой половине декабря в двух батальонах Морского Кронштадтского полка усиленно велась контрреволюционная пропаганда кулацкими элементами из мобилизованного крестьянства. Агитация, к несчастью для этой усталой и деморализованной части, имела успех и в результате оба батальона, в бою 14 декабря, в числе 930 человек сдались белым. Белогвардейцы раздели их, приказали лечь на снег и стали рубить их тесаками и шашками... Ввиду такой зверской расправы сдавшиеся начали перебегать обратно. Спаслось таким образом всего 213 человек, причем у некоторых было до 15 колотых ран»⁴.

Таким образом, почти через месяц после гибели полка в газетах сообщалось о сдаче его в плен. По времени это совпадало с работой комиссии ЦК партии и Совета Оборона по расследованию причин сдачи Перми и поражений на фронте, а также принятию мер к восстановлению партийной и советской работы в районе 3-й и 2-й армии. Материалы комиссии были опубликованы позднее – в 1927, 1935 и 1942 гг. – и мы на них еще остановимся.

Но в 1919 г. о Кронштадтском полку напомнила газета «Красный Балтийский флот». В ней был помещен «Призыв» 13 бежавших из колчаковского плена матросов 1-го Морского Кронштадтского полка – Габова, Логинова, Ворончихина, Шибанова, Сырчина и др. Обращаясь к матросам Красного флота, они призывали их «сомкнуться в стальные ряды вокруг Красного знамени и биться до последнего, ибо белые нам пощады не дадут... Пусть гордо, победно развеваются ленты Красного флота. Только Советская власть даст нам все»⁵. И далее матросы писали: «Вперед! Кровь наших расстрелянных товарищей взывает к отмщению. А их много: не найдешь ни одного уголка на Урале, где бы ни был расстрелян моряк. Обращая к вам свой призыв, передаем немую мольбу товарищей 1-го Кронштадтского Морского полка, гордо шедших на расстрел в 1918 г. в Пермской губернии, селе Нижние Исады»⁶.

Этот документ любопытен тем, что в нем речь идет о расстреле кронштадтцев, а не о гибели сдавшихся в плен

⁴ Известия Вятского губисполкома. – 1919. – № 9. – 14 января.

⁵ Красный Балтийский флот. – 1919. – № 60. – 21 октября.

⁶ Там же.

матросов. Попутно заметим, что Вс. Азаров в книге «Вс. Вишневский» упоминает об этих матросах, которым удалось сбежать из Актюбинской тюрьмы, перейти линию фронта и добраться до Петрограда⁷.

В начале 20-х гг. в краеведческой периодике появляются воспоминания Белканова и Занина. Они были опубликованы в сборнике Кунгурского бюро комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б). Белканов в целом дает негативную оценку балтийцам. «Близко соприкасавшимся с матросами было ясно, что только половина из них здорова, а другая часть может в любой момент за булку и мясо перейти к белым»⁸.

Обстоятельства гибели батальона в Исадах Белканов передает со слов женщины, которая была очевидцем этих событий. Воспоминания Занина тоже являются пересказом сведений о зверствах колчаковцев, которые он узнал от спасшегося матроса⁹.

В 1932 г. появилась публикация, в которой были представлены, наряду с другими, документы о мятеже в июне 1919 года. Известно, что мятеж на главных фортах Кронштадта – Красная Горка, Серая Лошадь и Обручев – был тесно связан со шпионской кадетской организацией «Национальный центр». Первоначально мятеж вспыхнул в 1-м и во 2-м Кронштадтском крепостных полках, которые самовольно оставили позиции, что позволило белогвардейцам подойти к фортам, на которых подняли головы мятежники. Начальник сухопутной обороны Кронштадтского укрепрайона Делль, осуществляя планы заговорщиков, опирался на сообщника-начальника левого боевого участка Кокоулина и вместе с ним пытался обманном путем захватить и разоружить 1-й экспедиционный отряд моряков¹⁰. Комиссар этого отряда 19 июня 1919 г. докладывал о попытке Кокаулина¹¹ арестовать коммунистов. Итак, еще одна фамилия, связанная с 1-м Морским Кронштадтским полком: в декабре 1918 г. П. Кокоулин был командиром 1-го батальона полка.

В 1935 г. в газете «Правда» впервые был опубликован «Отчет комиссии ЦК партии и Совета Обороны товарищу Ленину о причинах падения Перми в декабре 1918 г.».

⁷ Азаров Вс. Всеволод Вишневский. – Л., 1970. – С. 155.

⁸ Сб. «Крот», – 1923. – № 3. – Июль.

⁹ Там же. – 1923. – № 7. – Ноябрь.

¹⁰ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. – М. – Л., 1932. – С. 199.

¹¹ Так в документе.

который 31 января 1919 г. подписали члены комиссии И. Сталин и Ф. Дзержинский¹². В разделе «Третья армия и резервы» было указано, что «1-й Кронштадтский морской полк (1248 человек) сдался в плен...»¹³.

В книге А.И. Гуковского этот раздел отчета был помещен почти дословно. «О качестве пополнений, — пишет Гуковский, — говорят такие факты: 1-й Кронштадтский морской полк (1248 человек) сдался в плен...»¹⁴ и т.д.

Однако в работе А. Федорова была дана иная интерпретация гибели Кронштадтского полка. Автор подробно дает оперативную сводку о положении 30-й дивизии, раскрывает тактический замысел начальника дивизии по подготовке наступления. «Одновременно, — пишет Федоров, — противник повел наступление со стороны д. Магино (правильно — Мачино. — И.К.) на Верхние и Нижние Исады, окружил 1-й Морской Кронштадтский полк и полностью его уничтожил»¹⁵. После этого предложения Федоров делает сноску, которую мы проводим полностью: «ЦГАОР, ф.1447, оп 1, д.44, ч. II, л. 319, оперсводка екатеринбургской группы. Белые в сводке говорят не о пленении 1-го Кронштадтского полка, а об его уничтожении»¹⁶.

Два момента обращают на себя внимание. Первый из них: Федоров не говорит о сдаче полка, а утвердительно пишет о его окружении и уничтожении. Но в сноске он обращает внимание на то, что так сообщалось об этом в оперсводке белогвардейцев. То есть можно подумать, что Федоров не согласен с этим документом, приводит его как свидетельство мнимых заслуг колчаковцев — они пишут об уничтожении полка, а не о сдаче его в плен и уничтожении. Но тогда почему автор все же не считает нужным писать о сдаче полка в плен?

Второй момент: Книга Федорова вышла одновременно с работой Гуковского, в которой давалась противоположная оценка обстоятельств гибели полка. Федорову хорошо был известен отчет комиссии ЦК партии от 31 января 1919 г., надо полагать, редактору книги тоже. Как же могло появиться такое описание гибели 1-го Кронштадтского полка, идущее вразрез с официальным документом? На эти вопросы пока трудно ответить.

¹² Сталин И. Соч. — Т.4. — С. 197–224.

¹³ Там же. — С. 205.

¹⁴ Гуковский. А.И. Ликвидация Пермской катастрофы. — М., 1939. — С. 17.

¹⁵ Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. — М., 1939. — С. 77.

¹⁶ Там же.

В 1942 г. впервые напечатан «Доклад В.И. Ленину», который был написан И. Сталиным и Ф. Дзержинским 19 января 1919 г. во время расследования причин сдачи Перми. В докладе указывалось: «О двух полках. Сдались в плен два полка: 1-й советский и полк матросов из Питера. Враждебных действий против нас они не открывали»¹⁷. Далее называются части, которые открыли враждебные действия. «Причина перехода к противнику, как и враждебных действий, – указывается в докладе, – контрреволюционность полков, объясняемая старыми методами мобилизации и формирования без предварительной чистки призванных на военную службу, при отсутствии минимальной политической работы в полках»¹⁸. Таким образом, этот вывод комиссии распространялся и на Кронштадтский полк.

Шли годы, продолжалась научно-исследовательская работа, в исторической литературе начинают более подробно освещаться памятные дни времен гражданской войны. С конца 50-х и начале 60-х гг. XX в. резко увеличивается количество статей, книг и монографий по этой проблеме.

На страницах печати снова появляется 1-й Морской Кронштадтский полк. В 1958 г. в книжке А.С. Пухова, в которой показана роль Балтийского флота в защите Петрограда, упоминаются две фамилии, которые имеют непосредственное отношение к 1-му Морскому Кронштадтскому полку. Автор подробно останавливается на описании контрреволюционного мятежа в июне 1919 г. в Кронштадте. «Находившийся в резерве... 2-й Кронштадтский крепостной полк тоже восстал, – пишет Пухов. – Командир этого полка Татаринов и начальник левого боевого участка Какаулин (оба подполковники царской армии)... выстроили полк и заявили политически мало развитой массе красноармейцев... необходимо немедленно арестовать коммунистов... началась вакханалия арестов и избиения комиссаров...»¹⁹. Н. Татаринов, бывший капитан 1-го ранга, в декабре 1918 г. был командиром 1-го Морского Кронштадтского полка, П. Какаулин, как уже известно, командовал в то время 1-м батальоном полка.

В 1965 г. Н. Кондратьев повторяет А.Федорова: «Противник сосредоточил крупные силы в районе Кунгура.

¹⁷ Сталин И. – Соч.Т.4. – С. 190-191

¹⁸ Там же.

¹⁹ Пухов А.С. Балтийский флот на защите Петрограда. М., 1958. – С. 70.

У деревни Верхние Исады белогвардейцы окружили и уничтожили 1-й Морской Кронштадтский полк»²⁰.

Затем выходит в двух изданиях книга В. Душенькина «От солдата до маршала». В ней автор, в частности, пишет: «На помощь Особой бригаде В.К.Блюхер бросил 1-й Морской Кронштадтский полк. Мужественно сражались моряки в районе деревень Сая и Березовая Гора. Неприятель окружил их с трех сторон, но они не оставили своих позиций и не пожелали воспользоваться оставшимся проходом, чтобы выйти из кольца. В районе Березовой Горы бой достиг высокого напряжения, — сообщал начдив. — Моряками отбито шесть яростных атак противника. Предпринятый неприятелями-лыжниками обход нашего левого фланга также не имел успеха. На помощь морякам пришел эскадрон 1-го Уральского кавполка. Совместными усилиями белогвардейцы были разбиты и отброшены»²¹. Наконец о гибели полка Душенькин пишет следующее: «14 декабря противник направил свой главный удар на Кунгур. Он атаковал деревни Верхние и Нижние Исады, окружил 1-й морской Кронштадтский полк и разбил его. Чтобы сдержать напор белогвардейцев, Василий Константинович (Блюхер. — И.К.) бросил в бой свой последний резерв — Белорецкий полк под командованием А.В. Пирожникова»²².

В академическом издании сборника документов «Балтийские моряки в борьбе за власть Советов» имеются данные о формировании 1-го Кронштадтского полка³³. Обращает на себя внимание редакционное примечание, в котором говорится о формировании полка, о пленении 5-й роты, о том, что «13 декабря были разбиты 1-й и 2-й батальоны...». Но самое главное заключается в том, что редколлегия считает, что «одной из решающих причин трагической гибели полка явилось предательское поведение офицеров. Командовал полком бывший подполковник Татаринев — один из главарей контрреволюционного мятежа на Красной Горке в 1919 году»²⁴. Это уже нечто новое.

В книгах Пермского книжного издательства также речь идет о трагической гибели 1-го Кронштадтского

²⁰ Кондратьев Н. Маршал Блюхер. — М., 1965. — С. 149.

²¹ Душенькин Н. От солдата до маршала. — М., 1966. — С. 78.

²² Там же. — С. 79.

²³ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов — Л., 1968. — С. 266.

²⁴ Там же. — С. 330.

полка, авторы не поддерживают тезис о сдаче полка в плен²⁵.

В 1970 г. Вс. Азаров пишет о крепких узах дружбы, которые связывали Урал с Балтикой. Гибель 1-го Морского Кронштадтского полка им воспринимается как трагедия матросов, попавших в окружение²⁶.

Одно из последних упоминаний о кронштадтских моряках имеется в книжке Пухова и Юрковского, где говорится о формировании 1-го Кронштадтского полка²⁷.

Наконец, следует добавить, что в периодической печати с начала 60-х годов появилось значительное количество статей и заметок о 1-м Морском полку. Разнообразные по содержанию и форме, они написаны военнослужащими, журналистами, краеведами, участниками походов по местам боевой славы²⁸. Все они посвящены героизму балтийских моряков, раскрывают обстоятельства их трагической гибели и проникнуты доброй памятью о 1-м Морском Кронштадтском полку. Краевед Ю. Мальцева в статье «Память сердца» пишет: «... Стоит на старом Гороблагодетском тракте памятник... И живет в Прикамье память о героях – балтийцах»²⁹.

Отметим, однако, что в газетных статьях дается односторонняя оценка тех обстоятельств, которые привели к гибели и при которых погиб Кронштадтский полк. Некоторым статьям присуще известное приукрашивание событий, допускается искажение фактов. К примеру, в упомянутой статье Мальцева комиссаром полка назван «Семен Кирсанов, умерший уже в 1963 году»³⁰. Полковой комиссар Семен Васильевич Киселев скончался 27 октября 1967 г.

Таким образом, если подвести общий итог опубликованным материалам, то следует признать, что подавляющее большинство историков, журналистов и краеведов, которые в 60–70-гг. писали или косвенно касались истории 1-го Кронштадтского полка, не говорят о сдаче его в плен. Более того, последние дни этого полка окрашены героикой

²⁵ Адрес-Календарь. – Пермь, 1966.; Капцугович И.С. Прикамье в огне гражданской войны. – Пермь, 1969. – С. 62–63; Торопов С.А. По местам боев особой бригады и полков 30-й дивизии под командованием В.К.Блюхера // Дорогами народной славы. – Пермь, 1969. – С. 33–38.

²⁶ Азаров Вс. Всеволод Вишневский. – С. 155.

²⁷ Пухов А.С., Юрковский Н.К. Балтийцы на защите Петрограда. – Л., 1972. – С. 46.

²⁸ Искра. – 1961. – 10 декабря; 1963. – 29 июня; Молодая гвардия. – 1966. – 2 сентября; Звезда. – 1966. – 16 июля; Страж Балтики. – 1967. – 4 марта; Слава Севастополя. – 1967. – 15 февраля; Искра. – 1968. – 8 августа; 1969. – 1 мая; Звезда. – 1971. – 17 марта; Кировская правда. – 1971. – 28 сентября.

²⁹ Страж Балтики. – 1967. – 4 марта.

³⁰ Там же.

и трагедией. Насколько это соответствует истине, мы стараемся показать в наших выводах.

Известное значение для выяснения обстоятельств гибели полка имеет такой источник, как воспоминания очевидцев, современников тех событий. Это воспоминания комиссара полка С.В. Киселева (автобиография), матросов 5-й роты полка И.И. Кодачигова и Д.И. Конышева, очевидцев и сторожилов Березовского района И.А. Брагина, Е.В. Брагиной, Н.К. Гущина, А.П. Маракулина, П.Д. Мозжерина, Е.И. Сидоровой.

В «Автобиографии» С.В. Киселева приводятся краткие сведения о формировании полка, о боевых действиях. К сожалению, память автора не сохранила фактов обстоятельств гибели полка: они заимствованы из книги Душенькина «От солдата до маршала». Попутно заметим, что в письме к Душенькину 2 мая 1962 г. Киселев писал, что «полк моряков, не имея теплого обмундирования, [при] отсутствии в достаточной мере вооружения, в весьма тяжелых условиях уральской зимы, сдерживал превосходящие силы хорошо вооруженных колчаковских войск». Киселев пишет, что «полк был окружен превосходящими силами противника и разбит. Высказывание И.В. Сталина об измене полка и переходе на сторону врага от начала до конца вымышлено».

В воспоминаниях И.И. Кодачигова и Д.И. Конышева говорится о последних днях полка. Не останавливаясь на фактических деталях, отметим, что Кодачигов и Конышев путают пленение 5-й роты в ночь с 7 на 8 декабря, в которой оба служили и попали в плен, с гибелью 1-го и 2-го батальонов в ночь с 13 на 14 декабря. И.И. Кодачигов и Д.И. Конышев, естественно, не могли быть свидетелями событий 13 и 14 декабря.

Большая часть мемуаров местных жителей относится к описанию колчаковских зверств, кое-где делается попытка дать штрихи последнего боя. Каких-либо деталей о сдаче в плен матросов полка по воспоминаниям не прослеживается. Вообще надо отметить, что эти воспоминания, записанные зав. отделом культуры Лысьвенского горисполкома О.С. Поповой в 1958 г., т.е. спустя 40 лет после событий 1918 г., существенных дополнений в обстоятельства гибели полка не вносят. Как и те, что были опубликованы в журнале «Крот» в 1923 г. Источники мемуарного жанра нуждаются в перепроверке, в сравнении с архивными документами и литературой.

Наконец, архивные материалы. Значимость их для истории 1-го Морского Кронштадтского полка возрастает

пропорционально тому интересу, который вызван обстоятельствами гибели полка.

Основная часть документов сосредоточена в Центральном архиве Советской Армии, в фондах 1346, 1352, 4812, 176 и др. (В настоящее время – Российский государственный военно-исторический архив. – И.К.). По своему характеру это самые разнообразные источники: донесения в штаб 30-й дивизии и 3-й армии, приказы, рапорты, телефонограммы и т.д. Значительный интерес представляют оперативные сводки, помещенные в журнале военных действий штаба 3-й армии в 176-м фонде. В распоряжении исследователей, таким образом, имеются материалы, которые могут способствовать выяснению исторической правды. Но не все архивные документы следует абсолютизировать. Некоторые нуждаются в критическом анализе, в сопоставлении с другими источниками. Например, в архиве сохранилось «Краткое описание о возникновении, формировании, военных действиях и ликвидации 1-го Морского Кронштадтского полка» (ф. 4812, оп 1, д.14.) Этот документ был составлен в крепости Кронштадт в 1919 г., по-видимому, в январе-феврале. Автор его – небезызвестный бывший командир полка Татаринов, который в июне 1919 г. принял участие в контрреволюционном мятеже.

Архивные документы, дополненные другими опубликованными и неопубликованными материалами дают, в известной степени, возможность проследить историю 1-го Кронштадтского полка.

27 августа 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет о призыве вновь на военно-морскую службу бывших моряков пяти возрастов. В сентябре в Кронштадт стали прибывать мобилизованные моряки. Частично они пополняли команды боевых судов, но в основном из них формировали сухопутные отряды, которые отправлялись на фронты гражданской войны.

Формирование 1-го Морского Кронштадтского полка закончилось в октябре 1918 г. Он был сформирован из мобилизованных во флот бывших моряков, частично из личного состава 1-го Кронштадтского крепостного полка, из учебно-артиллерийского и учебно-минного отряда, команды службы связи, команды машинной школы и из других частей и кораблей Кронштадта. В формировании полка принимал участие Кронштадтский военно-морской комитет. 8 октября 1918 г. председатель Кронштадтского военно-морского комитета И.А. Загвоздкин доносил главному

комиссару Балтийского флота И.П. Флеровскому, что «полк сформирован [и разбит] на роты, взводы и специальные группы, как то: пулеметные команды, служба связи, подрывные и т. д., настроение и отношение хорошие и слегка приподнят дух»³¹.

В двухбатальонном полку 2131 человек личного состава³², только 500 моряков были отобраны из команд кораблей Кронштадтской базы³³. Таким образом, три четверти полка состояло из бывших моряков, большая часть которых была мобилизована из деревень Новгородской, Тульской, Вологодской, Рязанской, Вятской, Московской, Пермской и других губерний. В классовом отношении эта часть полка не была пролетарской, скорее ей была присуща мелкобуржуазная, крестьянская психология. Наиболее последовательны в понимании революционных задач защиты завоеваний социалистической революции были моряки из команд кораблей Кронштадтской базы. Из них в первую очередь создавались ячейки коммунистов, цементирующие полк. Комиссаром полка был назначен старшина гальванер с линкора «Петропавловск», делегат V Всероссийского съезда Советов коммунист С.В.Киселев, военным комиссаром 1-го батальона – Никифоров, 2-го – М.Ф. Бабин.

Командный состав полка, батальонов и рот подбирался из более лояльного старого офицерства. Командиром полка был назначен бывший капитан I ранга, командир 2-го Кронштадтского крепостного Морского пехотного полка Н. Татаринев. Его ближайшими помощниками были капитан 2-го ранга Иванов и командир 1-го батальона П. Кокоулин. Вначале полк подчинялся Кронштадтской крепостной морской бригаде. В 20-х числах октября полк перешел в подчинение Петроградского окружного военного комиссариата.

За короткий срок формирования полка трудно было провести политическое воспитание личного состава полка. Партийная прослойка в батальонах и ротах была небольшая, и она не могла оказать заметного влияния на улучшение революционной дисциплины. Кроме того, моральное и политическое состояние полка было подорвано затянувшимся и неудовлетворительным снабжением обмундирования и боевым снаряжением. Этим воспользовались

³¹ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. – С. 266.

³² РГВИА. – Ф.4812. – Оп.2. – Д.12. – Л.32–61.

³³ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. – С. 330.

крикуны и демагоги, которые требовали денежного аванса и улучшения снабжения³⁴. Конечно, сказывался неоднородный состав полка.

1 ноября 1918 г. 1-й Морской Кронштадтский полк двумя эшелонами выехал из Петрограда на Восточный фронт. В пути не обошлось без инцидентов – самовольное вооружение моряков за счет Тихвинского военного комиссариата, попытка некоторых моряков на станции Череповец присвоить имущество железнодорожников³⁵. Коммунистам полка пришлось провести большую работу по укреплению дисциплины. В Вологде командующий 6-й армией отметил хороший порядок, который соблюдал полк во время стоянки эшелона³⁶.

7 ноября полк прибыл в Пермь в распоряжение командования 3-й армии. Сводная рота полка участвовала в параде войск по случаю годовщины пролетарской революции. На следующий день полк был направлен в Кунгур в распоряжение начальника 4-й Уральской дивизии. 9 ноября 1918 г. 1-й Морской Кронштадтский полк влился в состав 4-й (30-й) дивизии. Командование дивизии предприняло все возможное для обеспечения полка обмундированием и вооружением.

Здесь следует остановиться и привести некоторые данные о численности полка.

В докладе комиссара управления Особых формирований при штабе 3-й армии, составленном 12 января 1919 г. в г. Глазове, указывалось, что «1-й Морской Кронштадтский полк прибыл в Пермь вместо двух тысяч только 1136, остальные 864 дезертировали на дороге»³⁷. Иными словами, в Пермь прибыло 56,8 процентов наличного состава полка.

В ротных списках полка на 14 ноября, т.е. когда полк уже находился в Кунгуре, количество моряков, отставших от эшелона во время следования полка из Кронштадта в Кунгур, определяется в 1298 человек³⁸. Далее в других документах количество моряков, отставших от эшелона, доходит до 1304 человек³⁹. Если даже учесть, что сюда были включены заболевшие в пути (по официальным докумен-

³⁴ РГВИА. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.186 об.

³⁵ Там же. – Л.188 об. – 189.

³⁶ Там же. – Л. – 189 об.

³⁷ Там же. – Ф.176. – Оп.6. – Д.69. – Л.11.

³⁸ Там же. – Ф.4812. – Оп1. – Д.11. – Л.169–194.

³⁹ Там же. – Оп.2. – Д.12. – Л.69–85.

там 92 человека)⁴⁰, то процент прибывших в Пермь все равно ниже данных комиссара управления Особых формирований при штабе 3-й армии. Если из 2131 человека полка 1298 отстали в пути, то значит, в Пермь полк прибыл в количестве 833 человека, то есть около 40% наличного состава полка.

Последняя цифра, на наш взгляд, является наиболее правильной. Подтверждением служит донесение командира и комиссара полка начальнику штаба 6-й бригады 22 ноября 1918 г. о том, что в полку 966 человек⁴¹, и донесение 28 ноября о численности состава полка в 1126 человек⁴². 1 декабря 1918 г. командир 6-й бригады Кононов сообщал в штаб 30-й дивизии о том, что в 1-м Морском Кронштадтском полку состояло 1152 человека, в том числе 865 строевых солдат⁴³. Некоторое увеличение численности состава полка происходило за счет вернувшихся в полк матросов. Только за 10 дней, с 19 по 30 ноября, в полк вернулись 337 человек⁴⁴, что, приблизительно, соответствует увеличению полка до цифры, указанной комбригом 1 декабря 1918 г.

Отметим, что 30 ноября 1918 г. в приказе по 1-му Морскому Кронштадтскому полку говорилось о «назначении полку 1500 пайков по аттестату 30-й дивизии»⁴⁵. Надо полагать, что здесь речь идет о «лимитной» (фондовой) численности полка, превосходившей списочный его состав⁴⁶.

Итак, мы говорим о том, что численный состав полка в Кунгуре увеличился по сравнению с его контингентом в Перми. Среди вернувшихся, надо полагать, были матросы, которые отстали от полка в силу объективных обстоятельств, по болезни и т. д. Но большая часть была дезертирами. 23 ноября 1918 г. комендант управления Особых формирований при штабе 3-й армии направил начальнику штаба 30-й дивизии следующий документ: «При сем препровождается команда моряков 1-го Морского Кронштадтского полка, прибывшая из города Вятки от этапного коменданта, задержанные как дезертиры в количе-

⁴⁰ РГВИА. – Л.112.

⁴¹ Там же. – Ф.1352. – Оп.1. – Д.8. – Л.220–221.

⁴² Там же. – Л.243.

⁴³ Там же. – Д.17. – Л.44.

⁴⁴ Там же. – Оп.2. – Д.12. – Л.97.

⁴⁵ Там же. – Оп.1. – Д.6. – Л.112.

⁴⁶ Там же. – Л.144,145.

стве 31 человека для передачи командиру вышеуказанного полка»⁴⁷.

Какие же выводы напрашиваются из рассмотренных фактов о численности полка, который к началу боевых действий едва достиг 60% первоначального состава?

При формировании 1-го Кронштадтского полка были допущены очень серьезные просчеты. Дело не только в том, что половина полка была сформирована из политически незрелых мобилизованных моряков. Главное, на наш взгляд, заключается в том, что агитационная и пропагандистская работа в полку находилась не на должном уровне, что контрреволюционно и анархистски настроенные группы вносили дезорганизацию в жизнь полка, способствовали дезертирству. В полку оказались демагоги, которые, спекулируя на трудностях военного времени, расшатывали воинскую дисциплину. Командование полка не приняло решительных мер, способных пресечь крикунов и демагогов. Политическая атмосфера в полку оставляла желать лучшего.

Возвращение в полк дезертиров в ноябре 1918 г. в какой-то мере создавало рецидивы недавнего прошлого. 19 ноября в приказе по полку отмечалось, что «некоторые моряки позволяют себе сквернословить и вести непристойно по отношению своих хозяев обывательской квартиры, а также в общественных местах»⁴⁸. Обращая внимание на то, что «один человек может покрыть дурной славой весь полк», в приказе предписывалось командирам «внушить морякам, что подобные инциденты неуместны и что за них в полосе фронта виновные могут понести очень строгую кару»⁴⁹.

Таким образом, в истории полка до прибытия его на Восточный фронт имеются страницы, позорящие революционный Кронштадт.

Нам представляется, что чрезмерная идеализация революционности вновь сформированного полка является неуместной, а если говорить точнее – она не соответствует исторической действительности. К сожалению, некоторым произведениям Вс. Вишневского присущи литературно-художественные обобщения, в которых подлинные исторические события чередуются, а чаще подменяются па-

⁴⁷ Там же. – Д 11. – Л 212.

⁴⁸ Там же. – Д 3. – Л 6.

⁴⁹ Там же.

тетически преувеличенными характеристиками 1-го Кронштадтского полка в целом⁵⁰. Но если на этом поставить точку, это не значит сказать всю правду. Правдой было и то, что прибывшие в Пермь и Кунгур моряки 1-го Морского Кронштадтского полка в основном составляли наиболее стойкую пролетарскую часть сформированного полка, которая вливалась в ряды защитников Красного Урала.

Следует иметь в виду, однако, что возвращение в полк около 20% моряков, так называемых отставших от эшелона, не могло не сказаться на боеспособности полка, на его морально-боевых качествах.

Наконец, еще об одном эпизоде, на который иногда обращают внимание. Речь идет о телеграмме из штаба 3-й армии, которую подписали начальник дежурств Никулин и комиссар штаба Рейхардт. Эта телеграмма была направлена в Кунгур в штаб 30-й дивизии 4 декабря 1918 г. В ней сообщалось, что за подписью С.С. Каменева и И.Т. Смилги Реввоенсовет Восточного фронта «на вашей телеграмме (т.е. телеграмме командования 30-й дивизии. – И.К.) наложил следующую резолюцию... первое: присылку моряков прекратить... второе: отправку моряков исполнить»⁵¹. В этой же телеграмме Никулин и Рейхардт уведомляют начальника штаба 30-й дивизии, что если дивизия действительно «не нуждается в 1-м Морском Кронштадтском полку, то таковой можно немедленно отправить к новому месту назначения»⁵².

Из этого документа напрашивается логический вывод о том, что командование 30-й дивизии было против включения Кронштадтского полка в состав дивизии. В действительности дело обстояло иначе. Временно исполняющий должность начальника 30-й дивизии Н.Д. Каширин сделал две карандашные записи на телеграмме: «С нашей стороны никакого запроса не было. Н.К.», «Просить разъяснение и указать, что с нашей стороны никакого ходатайства о переводе полка не было. Н.К.»⁵³. Надо полагать, что телеграфный запрос из штаба 3-й армии явился результатом какого-то недоразумения. Зимой 1918 г. 30-я дивизия вела упорные бои и ее командование, конечно, было заинтересованно в пополнении.

⁵⁰ Вишневецкий Вс. Песнь братьям моим, матросам-коммунарам. – Соч.Т.2. – М., 1954.

⁵¹ РГВИА. – Ф.1346. – Оп.2. – Д.49. – Л.22.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

Рассмотрим характер боевых действий 1-го Морского Кронштадтского полка и обстоятельства его гибели.

Этот раздел написан нами полностью по материалам Центрального государственного архива Советской армии. За основу взяты в первую очередь «Журнал военных действий штаба 3-й армии» за декабрь 1918 г., оперативные сводки штаба 30-й дивизии и 3-й армии, разведывательные сводки, телеграммы, записи разговоров по прямому проводу командования 3-й армии 30-й дивизии (Ф.176). Мы используем также приказы по 1-му Морскому Кронштадтскому полку, донесения командиров 1-го и 2-го батальонов полка (Ф.4812). Наконец, нами привлекается «Краткое описание о возникновении, военных действиях и ликвидации 1-го Морского Кронштадтского полка», составленное командиром полка Татариновым. Данные этого, в известной степени, тенденциозного источника приводятся нами в сравнении с другими документами.

Известно, что к декабрю 1918 г. Колчаку удалось сформировать 250-тысячную армию. Основной удар командование белогвардейской армии предполагало нанести по войскам 3-й армии, захватить Пермь и в районе Вятки-Котласа выйти на соединение с интервентами, действовавшими на севере, для общего наступления на Москву. Во второй половине ноября на Восточном фронте установилось временное затишье. В конце ноября Реввоенсовет Восточного фронта отдал приказ о наступлении для освобождения Екатеринбургa, Уфы, Оренбурга и Уральска.

Наступление Красной армии наиболее успешно развивалось на центральном и южном участках фронта. Иначе разворачивались события на северном крыле Восточного фронта, где действовала 3-я армия, прикрывавшая Пермь. Противник сосредоточил на Пермском направлении отборные части – около 50 тыс. штыков и сабель; 3-я армия насчитывала 30 тыс. штыков и 4,8 тыс. сабель.

Колчаковцы, перехватив инициативу, обрушились на левый фланг 3-й армии, где действовали Особая бригада и 29-я дивизия. Особая бригада защищала район ст. Кын Крутой Лог. 30-я дивизия прикрывала подступы к Кунгуру. 5-я Уральская дивизия защищала район Осы. 3-я армия перешла к тяжелым оборонительным боям.

В тяжелом положении находились 29-я дивизия и Особая бригада, которые вели оборонительные бои с отборными и превосходящими по численности и вооружению частями белогвардейцев. Отступление 29-й дивизии и Особой

бригады резко ухудшило обстановку на левом фланге 3-й армии.

Колчаковцам удалось обойти левый фланг Особой бригады и расчистить себе путь на Лысьву с северо-востока. Для того, чтобы облегчить положение Особой бригады и 29-й дивизии и отвлечь силы противника, командующий 3-й армией М.М. Лашевич отдал приказ о наступлении 5-й Уральской и 30-й стрелковой дивизии. Но упорные встречные бои частей центра и правого фланга 3-й армии не смогли существенно изменить обстановку. Белогвардейцам 7 декабря удалось захватить Бисер. 9 декабря 1-й Средне-сибирский корпус Пепеляева, продвигаясь по линии железной дороги, вышел на окраины Лысьвы. В ночь на 13 декабря, сосредоточив большие силы, белые заняли станцию Калино. 29-я дивизия (в которую к этому времени влились остатки Особой бригады) была расчленена на две части.

Командование 3-й армии, естественно, придавало большое значение наступательным боевым действиям 30-й дивизии, от успеха которых во многом зависело положение левого фланга 3-й армии. С этой целью усиливался левый фланг 30-й дивизии — 4 резервных полка пехоты (в том числе 1-й Морской Кронштадтский полк) и 3 полка конницы были сведены в 6-ю бригаду дивизии, которой командовал Кононов. В первой декаде декабря 6-я бригада принимает участие в боях. Ее решающие наступательные действия начальник 30-й дивизии В.К. Блюхер назначает на 13 декабря 1918 г.

Рассмотрим более подробно события, связанные с участием в них Кронштадтского полка. Военные действия, о которых пойдет речь, проходили в основном по линии старинного Гороблагодетского тракта, идущего от Кунгура на северо-восток через села Березовское, Сосновское, Верхние Исады, Нижние Исады, Сая (Кузнецовский завод), Березовая Гора, Матвеево, Кормовище, Кыновский, Серебрянский заводы и дальше.

На этом направлении действовал Красный кавалерийский полк Фандеева⁵⁴, в который, на основании приказа по 30-й дивизии 1 декабря 1918г., входил 1-й Уральский кавалерийский полк и отряд Красных гусар⁵⁵. Кстати, командиром 1-го эскадрона 1-го Уральского кавполка был К.К. Рокоссовский.

⁵⁴ В документах Красный кавполк часто называется «отряд Фандеева». — И.К.

⁵⁵ РГВИА — Ф.176. — Оп 3. — Д.169. — Л.51.

Вечером 1 декабря 1918 г командир 1-го Кронштадтского полка получил приказ начальника 30-й дивизии «об отправке части полка на фронт для активных действий»⁵⁶.

Основанием для включения в боевые операции кронштадтских моряков явилось решение В.К.Блюхера оказать помощь Особой бригаде, которая вела бои на Лысьвенском направлении. Ударом отряда Фандеева во фланг наступающему противнику не только облегчалось положение отходящих частей Особой бригады, но предпринималась попытка не допустить продвижения белогвардейцев по тракту Кормовище – Кунгур⁵⁷. Важность боев возрастала в связи с тем, что 1 декабря колчаковцы захватили с. Кормовище, а 2 декабря с. Матвеевское.

2 декабря вечером 1-й батальон (командир Кокоулин) в составе 4 рот и команды разведчиков, имея на вооружении четыре пулемета, выступил из Кунгура. Утром 3 декабря батальон моряков прибыл в село Сосновское в распоряжение командира полка Фандеева⁵⁸.

2 декабря начальник 30-й дивизии приказал отряду Фандеева (включая 1-й батальон Кронштадтского полка) «по сосредоточению в с. Сосновское перейти в решительное наступление вдоль тракта и, заняв с. Матвеевское, энергично действовать во фланг и тыл противника»⁵⁹.

4 декабря двум ротам и команде разведчиков 1-го батальона Кронштадтского полка было приказано занять позицию в дер. Березовая Гора, сменив 2 эскадрона 1-го Уральского кавполка. Для выхода на исходные рубежи балтийцам предстояло занять Верхние и Нижние Исады, Саю. 4 декабря роты 1-го батальона без боя заняли Верхние Исады, выслав разведку дальше⁶⁰.

В ночь на 5 декабря разведчики сообщили, что в Нижних Исадах противника нет. Утром 5 декабря 2 роты 1-го батальона без боя заняли Нижние Исады, продвинулись к Березовой Горе и не обнаружили белогвардейцев⁶¹. Однако разведка, высланная дальше в сторону с. Матвеева, вскоре была обстреляна противником около д. Красоты.

⁵⁶ РГВИА. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.189 об

⁵⁷ Там же – Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.190.

⁵⁸ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169. – Л.51.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.190.

⁶¹ Там же. – Л.190.190 об

Дальше Березовой Горы, следовательно, моряки не продвинулись.

В разведывательной сводке 30-й дивизии 5 декабря сообщалось, что в с. Красоты и Матвеево противник сосредоточил полк в 1400 человек, имеет 12 пулеметов и эскадрон кавалерии⁶².

Таким образом, к 5 декабря две роты и команда разведчиков 1-го батальона смогли без боя занять населенные пункты по тракту от Сосновского до Березовой Горы. Однако этот успех был весьма относителен, т.к. на протяжении почти 16 км в тылу не было, по существу, охраны. Фланговый обход противником Березовой Горы мог бы свести на нет наступательную операцию отряда Фандеева. По-видимому, активные боевые действия не входили в это время в планы белогвардейского командования. Позднее, 16 декабря, зав. отделом Военно-полевого контроля 30-й дивизии Баранов сообщал начальнику дивизии, что в задачу 5-го Томского полка входило продвижение на Лысьву. Когда полк занял с. Матвеево, ему была поставлена задача охраны левого фланга Лысьвенской группы белогвардейцев, «при возможности продвигаясь по тракту на Кунгур»⁶³.

Тем не менее, в течение 5 декабря противник силою до одного батальона предпринял 4 атаки на позиции моряков в д. Березовая Гора, которые были отбиты. Потеряв 30 человек убитыми и ранеными, белогвардейцы отступили к Матвеево. Во время одной из атак белогвардейцев моряки, по данным оперсводки 30-й дивизии, «сами перешли в контрнаступление и захватили 1 пленного»⁶⁴. Всего в этот день в плен было взято 7 солдат и офицеров. Через некоторое время артиллерийская батарея колчаковцев в д. Красоты в течении часа вела обстрел Березовой Горы.

События 5 декабря явились первым боевым крещением для Кронштадтского полка.

Командование 30-й дивизии, учитывая важность наступления в районе Матвеево, 6 декабря отдало приказ о выступлении на фронт в распоряжение начальника отряда Фандеева оставшейся в Кунгуре части 1-го Морского Кронштадтского полка⁶⁵ (5-я, 6-я, 7-я, 8-я роты 2-го батальона

⁶² РГВИА. — Ф.176. — Оп.3. — Д.169. — Л.53.

⁶³ Там же. — Ф.1346. — Оп.2. — Д.561. — Л.137.

⁶⁴ Там же. — Ф.176. — Оп.3. — Д.169. — Л.49.

⁶⁵ Там же. — Ф.4812. — Оп.1. — Д.1. — Л.15.

под командованием Бормана, саперная, подрывная, пулеметная и связная команды, штаб полка). Одновременно кавалеристы 1-го Уральского кавполка выступили в д. Сая и Березовая Гора.

6 декабря в оперативной сводке 30-й дивизии в 10 утра сообщалось, что «в 9 часов противник открыл огонь по деревне Березовая Гора, который продолжается в данное время»⁶⁶. Наступательных действий со стороны белогвардейцев в этот день не было.

7 декабря командир Кронштадтского полка Татаринев телеграфировал в 30-ю дивизию, что в с. Березовское прибыл 2-й батальон полка, который с оперативной частью штаба направлен в Сосновское⁶⁷. В с. Березовская были оставлены хозяйственная рота, часть саперной и команды связи.

В этот же день, 7 декабря, белогвардейцы с утра начали артиллерийский обстрел Березовой Горы⁶⁸. В 14 часов арт-огонь возобновился с западной стороны (д. Горюшки) и северной стороны (д. Красоты). Через час противник начал наступление на Березовую Гору, пытался обойти левый и правый фланги, которые обороняли моряки и кавалеристы Уральского полка. «Противник понес большие потери, – сообщалось в оперсводке 30-й дивизии, – так как его атакующие цепи буквально сметались нашим огнем. После первой атаки противник под прикрытием своих пулеметов подбирал раненых»⁶⁹. Всего «моряками было отбито 6 яростных атак противника»⁷⁰. Причем, в оперсводке к 23 часам сообщалось, что «бой, начавшийся в 15 часов, несколько стих только сейчас»⁷¹.

Из допроса пленных стало известно, что в д. Красоты прибыл колчаковский батальон ударников⁷². В связи с усилившейся активностью белогвардейцев было принято решение послать подкрепление двум ротам 1-го батальона. Вечером 7 декабря 3-я и 4-я роты прибыли в Саю, расположились на квартирах и выставили сторожевое охранение⁷³. 5-я рота 2-го батальона, которая также была направлена

---

⁶⁶ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169. – Л.54.

⁶⁷ Там же. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.1. – Л.20.

⁶⁸ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169. – Л.62.

⁶⁹ Там же. – Л.71.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.191.

⁷³ Там же.

для связи и подкрепления 1-го батальона, расположилась на ночлег в д. Верхние Исады⁷⁴.

В ночь с 7 на 8 декабря белогвардейцы, по всей вероятности это был ударный батальон, предприняли глубокий обходной маневр, окружили Верхние Исады и целиком захватили в плен спящих матросов 5-й роты⁷⁵. В Верхних Исадах противник занял круговую оборону, установил пулеметы, построил смежные окопы. В результате ночного маневра белогвардейцы перерезали дорогу, которая была коммуникацией между с. Сосновским и Березовой Горой. 1-й батальон Кронштадтского полка и эскадрон кавалеристов 1-го Уральского полка оказались отрезанными от штабов 6-й бригады и 1-го Морского Кронштадтского полка. Противник, таким образом, оказался в тылу матросов.

На рассвете 8 декабря, как отмечалось в оперсводке 30-й дивизии, «начавшийся вчера бой в районе деревни Березовая Гора и несколько стихший ночью, возобновился с новой силой»⁷⁶.

На этот раз командование противника предприняло комбинированное наступление на основное средоточие группы Фандеева. Колчаковцы после артподготовки под прикрытием беглого артогня начали наступление на Березовую Гору с фронта. Цепи пехоты белогвардейцев «были встречены пулеметным и ружейным огнем, вследствие чего в рядах неприятеля произошла паника»⁷⁷. Тогда противник перенес огонь на северо-западную окраину деревни и начал наступление со стороны д. Горюшки⁷⁸. Во время артиллерийского обстрела Березовой Горы было принято решение, оставив заставу, отвести роты из деревни. «Вскоре, – сообщалось в оперсводке, – противник повел энергичное наступление, потеснил нашу заставу и занял дер. Березовая Гора, но нашим контр наступлением был выбит, и положение на этом участке восстановлено»⁷⁹.

Удар с фронта совпал с фланговым наступлением колчаковцев, которое было подготовлено ночным маневром и захватом Верхних Исад.

8 декабря противник занял д. Мачино (южнее Саи) и

⁷⁴ РГВИА. Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.191.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169. – Л.76.

⁷⁷ Там же. Ф.4812. Оп.1. – Д.14. – Л.191.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169. – Л.83.

повел наступление в юго-западном направлении⁸⁰. Из Верхних Исад колчаковцы предприняли попытку развернуть наступательные действия в тыл батальону матросов в д. Сая и Березовая Гора, а так же в сторону с. Сосновское⁸¹.

В результате 1-й батальон Кронштадтского полка и кавалеристы Уральского полка, занимавшие Саю и Березовую Гору, оказались в кольце окружения. Как отмечалось в оперсводке 30-й дивизии, «оставался только узкий проход в восточном направлении, но доблестные моряки, несмотря на утомление трехдневным боем, артиллерийский огонь противника и превосходящие его силы, не желали воспользоваться оставшимся проходом, чтобы выйти из кольца, и стойко отражали все атаки»⁸². Моряки Кронштадтского полка при поддержке кавалеристов 1-го эскадрона К.К. Рокоссовского сумели обратить колчаковцев в бегство⁸³. Как сообщалось в донесении командира полка, «в 17 часов противник открыл орудийный, пулеметный и ружейный огонь и держал его до 20 часов, пока под его прикрытием не убрал убитых и раненых»⁸⁴.

Для того чтобы ликвидировать опасный фланговый прорыв колчаковцев, захвативших Исады и Мачино, а также облегчить положение 1-го батальона Кронштадтского полка в Сае и Березовой Горе, командование 6-й бригады отдало приказ о наступлении 2-го батальона Кронштадтского полка и эскадрона кавалеристов.

После нескольких часов атаки Верхние и Нижние Исады были заняты ротами 2-го батальона. Командир 7-й роты Евтихийев доносил командиру батальона, что «дер. Исады свободны от противника», который отступил в восточном направлении к д. Уткино⁸⁵. Кавалеристы, рассеяв противника, освободили д. Мачино⁸⁶.

Таким образом, нависшая угроза полного окружения 1-го батальона была ликвидирована. Командир Кронштадтского полка писал, что «настроение у моряков было неважное после того, как они просидели в кольце более 6–7 часов, да еще в продолжении 4 ночей отбивали атаки противника»⁸⁷.

⁸⁰ Там же. – Л.76.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Кардашов В. Рокоссовский. – М., 1972. – С. 58.

⁸⁴ РГВИА. – Ф 4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.191 об.

⁸⁵ Там же. – Д.1. – Л.11.

⁸⁶ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169. – Л.83.

⁸⁷ Там же. – Ф 4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.191 об.

В оперативной сводке к концу дня сообщалось: «В настоящее время положение восстановлено и противник отбит во всех пунктах. Потери противника громадны. По тракту Сая-Сосновское валяется много его трупов»⁸⁸.

Подводя итоги военным операциям 8 декабря, следует отметить, что в планы белогвардейцев, по-видимому, не входило развернутое стратегическое наступление на Кунгур. Основной удар в это время колчаковцы направили против советских войск на лысьвенском направлении. Прикрывая, однако, левый фланг своей группировки, они сосредоточили в районе Матвеево – Красоты 5-й Томский полк и ударный батальон. Наличие этих воинских частей подтверждается оперсводкой 30-й дивизии⁸⁹.

Тем не менее, бои 8 декабря имели важное значение для обеих сторон. В телеграмме начальнику 30-й дивизии командующий 3-й армией М.М.Лашевич 8 декабря подтвердил свое указание на проявление активности в районе левого фланга 30-й дивизии в общем направлении на Кормовище. «Побольше размаха в действиях, – телеграфировал Лашевич, – занимайте и бросайте все, что можно бросить. Медлить нельзя»⁹⁰.

Поэтому командование дивизии и бригады придавало большое значение укреплению левого фланга 30-й дивизии и развертыванию наступательных операций в сторону Матвеево-Кормовище. Однако следует обратить внимание на замедленные темпы подготовки наступления. Военные действия 5–8 декабря со стороны советских войск носили, скорее, оборонительный характер. Иначе и не могло быть: двум ротам Кронштадтского полка и эскадрону кавалеристов, действовавшим в районе Березовой Горы, противостоял полк белогвардейцев и эскадрон кавалеристов. Соотношение сил было не в пользу красноармейских войск, хотя командование 30-й дивизии принимало дополнительные меры к сосредоточению воинских подразделений в этом районе.

Надо отметить, что потери Кронштадтского полка были относительно небольшими. По данным оперсводки дивизии, 7 ноября во время боя в районе Березовой Горы было ранено 9 моряков⁹¹. 12 декабря командир 1-й роты докла-

⁸⁸ РГВИА. – Ф. 176. – Оп.3. – Д. 169. – Л.76.

⁸⁹ Там же. – Л.88.

⁹⁰ Там же. – Л.88.

⁹¹ Там же. – Л.71.

дывал командиру полка, что «во взверенной мне роте после боя 8 декабря при дер. Сая – Кузнецовская заболели 9 моряков, которые выбыли из роты»⁹².

Итак, события развивались дальше. 1-й батальон по-прежнему занимал оборону в Сае и Березовой Горе. До 2 часов ночи с 8 на 9 декабря белогвардейцы продолжали обстреливать д. Березовая Гора⁹³. В 4 часа ночи противник обошел 3-ю и 4-ю роты с тыла и атаковал позицию моряков. Связь полка с Березовой Горой была прервана. Ночная атака не была неожиданностью для моряков и была отбита⁹⁴. Около 6 часов утра атака возобновилась. На этот раз белогвардейцы наступали одновременно с четырех сторон. Не выдержав ружейного и пулеметного огня балтийцев, неся большие потери, противник отступил. В 8 часов утра колчаковцы повели наступление на д. Уткино (в 4 км юго-восточнее Саи). Конная застава 1-го Уральского полка отступила к д. Верхние Исады⁹⁵. Одновременно, сосредоточив две сотни кавалерии и батальон пехоты, колчаковцы захватили д. Мачино и Курбаты.

Таким образом, на рассвете 9 декабря противник сосредоточил свои силы для нанесения флангового удара по позиции 1-го батальона Кронштадтского полка в Сае и Березовой Горе.

Командир 1-го батальона Кокоулин доносил командованию полка, что утром 9 декабря белогвардейцы численностью около батальона атаковали с юго-востока, северо-востока и запада 1-ю и 2-ю роты в Сае, одновременно были окружены и атакованы 3-я и 4-я роты в Березовой Горе. «И получилось что-то ужасное, – писал комбат, – стрельба заглушала уши, что в котле кипит. Адский такой бой продолжался около 4 часов. Товарищи не унывали и не падали духом и гордо сражались, атаку за атакой отбивали»⁹⁶. В середине дня цепи атакующих дрогнули, и колчаковцы начали отступать. «Моряки расстреливали отступающего противника, залезали на крыши сараев и ставили пулеметы, не обращая внимание на то, что противник бьет по ним из орудий шрапнелью и гранатами», – сообщал командир 1-го батальона⁹⁷.

⁹² Там же. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.11. – Л.351.

⁹³ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169 – Л.80

⁹⁴ Там же. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.1. – Л.186.

⁹⁵ Там же. – Д.14. – Л.192.

⁹⁶ РГВИА. – Ф. 4812. – Оп. 1. – Д.1. – Л.186.

⁹⁷ Там же.

Отступив, белогвардейцы подвергли моряков артобстрелу. Затем под прикрытием орудийного, пулеметного и ружейного огня вновь перешли в атаку. В этот критический момент в 17 час. 26 мин. командир Кронштадтского полка Татаринов получает тревожное, с налетом патетики донесение от командира 1-го батальона Кокоулина: «Спасайте! С 4 часов окружены противником. Патроны на исходе, пулемет действует только один, моряки изнервничались. Много раненых и убитых. Противник настойчиво ведет атаку за атакой. Крепко стою и буду стоять до последней пули и штыка, и суди бог меня за это»⁹⁸.

Все попытки колчаковцев выбить моряков из Саи и Березовой Горы, однако, оказались безрезультатными. К вечеру под прикрытием артогня они начали убирать с поля боя убитых и раненых. Вечерним донесением в штаб полка командир 1-го батальона передал, что «в течение 15 часов противник вел 18 атак силою около полка и пулеметов не менее 15»⁹⁹. Он просил также разрешения о смене уставшего батальона, тем более, что кавалеристы уехали в с. Сосновское до боя.

В 23 часа 9 декабря в Саю на смену 1-му батальону прибыли 6-я, 7-я и 8-я роты и второй батальон под командованием Бормана¹⁰⁰. В ночь с 9 на 10 декабря 1-й батальон начал перебазироваться в Верхние и Нижние Исады. 3-я рота и команда разведчиков располагалась в д. Н. Исады, 2-я и 4-я – в Верхних Исадах, 1-я рота была направлена в с. Сосновское¹⁰¹. Ночью 10 декабря в Саю прибыло 10 кавалеристов Уральского полка¹⁰².

Борман, докладывая командиру полка о прибытии рот к месту назначения, сообщал: «Доношу, что у меня пока все спокойно, только так слегка попукивают и [...] порядочно»¹⁰³. Правда, в донесении было написано: «перестрелка усиливается».

Подводя некоторые итоги, заметим, что с 5 по 9 декабря в боевых действиях принимали участие четыре роты 1-го батальона, поддержанные Уральским кавполком.

Моряки Кронштадтского полка, оказавшись порою в трудных условиях, не только отразили многочисленные

⁹⁸ РГВИА. – Ф. 4812. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 185.

⁹⁹ Там же. – Л. 186.

¹⁰⁰ Там же. – Л. 193.

¹⁰¹ Там же. – Л. 194.

¹⁰² Там же. – Ф. 4812. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 192.

¹⁰³ Там же. – Д. 1. – Л. 7. (Пропущенное слово не удалось расшифровать. – И.К.)

атаки противника, но сбили его наступательную активность 8 и 9 декабря. Во время боя 9 декабря, как сообщалось командиру полка, в батальоне было 27 раненых и убитых¹⁰⁴.

В сведениях на 10 декабря, которые были направлены в инспекторскую часть 30-й дивизии командиром 6-й бригады Кононовым и начальником штаба Рябовым, указывалось, что в 1-м Морском Кронштадтском полку насчитывается 1152 человека, в том числе 865 строевых солдат¹⁰⁵. Если учесть, что на 5-е декабря, по данным командования 6-й бригады, в Кронштадтском полку насчитывалось 1248 человек¹⁰⁶, то к 10 декабря из полка выбыло 96 человек. Сюда, по-видимому, были включены матросы 5-й роты 2-го батальона, которая была окружена и взята в плен колчаковцами в ночь с 7 на 8 декабря.

Потери 1-го батальона с 5 по 10 декабря, по нашему мнению, были незначительными. Дело в другом. Изматывающие атаки белогвардейцев, силы которых намного превосходили кронштадтцев, суровые условия уральской зимы – все это привело к моральной усталости батальона и снижению его боевых качеств. Это было отмечено и командованием 30-й дивизии.

10 декабря в разговоре по прямому проводу с командармом Лашевичем, Каширин и Блюхер подчеркивали, что «три последних дня непрерывного боя в районе селений Березовая и Сая ясно показали, что наших сил совершенно недостаточно для наступления на Матвеевское и дальше на Кормовище. Только благодаря особой самоотверженности матросов и красных гусар мы удерживаем эти пункты за собой»¹⁰⁷. При решении вопроса о сроках наступления советских войск, в разговоре с начальником штаба 3-й армии Алафузо начальник штаба 30-й дивизии Цветков 11 декабря говорил о «сильной усталости» Кронштадтского полка¹⁰⁸, «люди которого, ведя непрерывные бои, страдают от холода, не имея теплой одежды, опухли, глаза покраснели...»¹⁰⁹.

Следует, вероятно, признать, что командование 6-й бри-

¹⁰⁴ Там же. – Л. 186.

¹⁰⁵ Там же. – Ф. 1352. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 52.

¹⁰⁶ Там же. – Ф. 1352. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 289, 290. Эта цифра была приведена в отчете комиссии ЦК и Совета обороны о причинах падения Перми. См.: Сталин И. – Соч. – Т. 4. – С. 205.

¹⁰⁷ Там же. – Ф. 176. – Оп. 3. – Д. 93. – Л. 355.

¹⁰⁸ Речь идет в основном о 1-м батальоне полка. – И. К.

¹⁰⁹ РГВИА. – Ф. 1346. – Оп. 2. – Д. 62. – Л. 64.

гады и Кронштадтского полка проявило беспечную медлительность в выдвигении резерва на линию фронта. Целых 2 дня потребовалось 2-му батальону, чтобы из Исад совершить бросок в несколько верст для оказания помощи 1-му батальону. Командование 30-й дивизии, в свою очередь, несмотря на вторичные указания 8 декабря командарма Лашевича о проявлении активности в направлении на Матвеево, не приняло надлежащих мер для сосредоточения батальонов Кронштадтского полка и резерва.

Командир полка Татаринов, зная из донесений Кокоулина о положении первого батальона, с запозданием на двое суток отдал приказ о выдвигении второго батальона в район Саи. Даже в том случае, если нельзя было «оголеть» тракт в районе Верхних и Нижних Исад, второй батальон мог бы начать активные правофланговые действия в направлении Курбаты, Уткино, Мачино. Тем более, что белогвардейцы в течении последних дней отказались от фронтового удара, используя эти пункты для фланговых атак.

В результате допущенных командованием Кронштадтского полка просчетов 1-й батальон был доведен до крайней усталости. Очередь была за 2-м батальоном, роты которого, как доносил Борман 10 декабря, «понемногу обстреливаются и уже привыкают к выстрелам»¹¹⁰.

10 декабря белогвардейцы ограничились захватом д. Курбаты и одиночной атакой на расположение моряков в районе Березовой Горы¹¹¹. По сравнению с предыдущим, этот день напоминал затишье.

Тем временем, начальник 30-й дивизии принимает все возможные меры для усиления левого фланга дивизии и подготовки наступления на Матвеево-Кормовище.

В упомянутом нами разговоре по прямому проводу с Лашевичем 10 декабря вридначдив Каширин считал своим долгом познакомить командира с истинным положением дел. Он подчеркнул, что силами Кронштадтского полка и Красных гусар начать наступление на Матвеево и Кормовище невозможно¹¹². Только благодаря их особой самоотверженности колчаковцем не удалось захватить Саю и Березовую Гору. Далее Каширин информировал Лашевича, что в этот район направляются две сотни полка имени

¹¹⁰ РГВИА. - Ф.4812. - Оп.1 - Д.1 - Л.54.

¹¹¹ Там же. - Д.14. - Л.192.

¹¹² Там же. - Ф.176. - Оп.3. - Д.93. - Л.355

С. Разина, 1-й и 2-й Кунгурские полки. «12 (декабря), – по мнению Каширина, – можно будет начать активные действия на Матвеевское и дальше на Кормовище»¹¹³. Лашевич настаивал: «Поймите, от ваших операций зависит судьба всей армии... надо было бы снять все боеспособные части и бросить их на Матвеевское, а вы посылаете 1-й и 2-й Кунгурские полки, которые абсолютно не боеспособны... Торопитесь, а то будет поздно, я настаиваю, чтобы на левый фланг были брошены испытанные, стойкие части, только в этом есть еще надежда поправить положение»¹¹⁴. «Кунгурцы посланы потому, – отвечал Каширин, – что это единственные части, которые могли быть выдвинуты сразу же»¹¹⁵. Командование 30-й дивизии снимает с правого фланга Белорецкий полк под командованием А.В.Пирожникова.

В этот же день Лашевич в разговоре с членом Реввоенсовета Восточного фронта Смилгой высказал свои сомнения: «Для удара во фланг и тыл противнику, наступающему от Калино, Блюхером стягивается четыре полка, но боюсь, что они опаздают с ударом»¹¹⁶. Последние события показали, что он был прав.

Не ожидая подхода полков, Блюхер выезжает в Сосновское в штаб 6-й бригады, чтобы на месте разобраться с создавшейся обстановкой.

10 декабря комбриг подписал приказ, в котором ставил задачу не допустить продвижения противника по тракту Матвеево – Кунгур и облегчить положение частей Особой бригады¹¹⁷. Выполнение приказа возлагалось на Кронштадтский полк, поскольку других пехотных частей в этом районе не было. В приказе определялась локальная, но важная в тактическом отношении задача: нанести удар по белогвардейцам и выбить их из д. Курбаты, развивая дальше наступление, занять д. Уткино закрепиться на этом рубеже¹¹⁸. Дело в том, что, удерживая за собой Уткино и Курбаты, противник постоянно создавал угрозу флангового удара на Верхние и Нижние Исады, а перерезав тракт, он мог не только нанести удар по частям 6-й бригады с тыла, но и развить наступление в юго-западном направле-

¹¹³ РГВИА. – Ф. – 176. – Оп.3. – Д.93. – Л. 355.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. – Д.169. – Л.99об.

¹¹⁷ Там же. – Ф.1352. – Оп.1. – Д.2. – Л.1.

¹¹⁸ Там же.

нии в сторону Сосновское – Кунгур. Следовательно, наступление советских войск на Курбаты и Уткино приобретало важное значение для наступления левого фланга 30-й дивизии.

Выполнение боевой задачи комбриг Кононов возложил на 1-ю роту 1-го батальона, которая только что прибыла в Сосновское после боев под Саей¹¹⁹. 1-я рота направлялась на Курбаты. Для флангового удара на Курбаты командир полка должен был выдвинуть взвод 3-й роты, которая находилась в Нижних Исадах.

Наступление, таким образом, возлагалось на роты 1-го батальона, которые после боев 5–9-го декабря не отличались высокой боеспособностью. Настроения отсталой части моряков на этот раз взяли верх. Командир 3-й роты Куцинов в телефонограмме сообщил, что выполнить приказ командира полка он не смог ввиду отказа выступить на Курбаты 1-го, а там и 3-го взводов¹²⁰. Матросы заявили Куцинову, что «если пойти, так пойти целым полком, а не отдельными кучками». Их поддержали пулеметчики, заявив: «Мы с одним взводом не пойдём, ибо рискуем оставить пулеметы у противника»¹²¹. Невыполнение приказа следует рассматривать как тягчайшее преступление матросов 3-й роты.

11 декабря из Сосновского в Верхние Исады прибыла 1-я рота, которая так же отказалась от выступления на Курбаты¹²². Положение в 1-й роте было сложным: в ночь на 10 декабря она совершила переход из Саи в Сосновское, затем, получив приказ о наступлении, практически без отдыха была направлена в Верхние Исады для наступления на Курбаты. И тем не менее, отказ от выполнения приказа свидетельствовал о ее деморализации и ставил под удар выполнение военной операции. 11 декабря комбриг Кононов и военком Никифоровский ввиду «неприведения в исполнение приказа от 10 декабря» вынуждены были приказать роте 2-го Кунгурского полка, находящегося в д. Печатки (на пути от Сосновского к Верхним Исадам. – И.К.), «наступать со лба на д. Курбаты»¹²³. 1-й роте было приказано оставаться в д. Верхние Исады в распоряжении командира полка.

¹¹⁹ РГВИА. – Ф. 1352. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1.

¹²⁰ Там же. – Ф. 4812. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2.

¹²¹ Там же. – Л. 2, 3.

¹²² Там же. – Л. 200, 201.

¹²³ Там же. – Ф. 1352. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 2.

В 11 часов утра 11 декабря батарея в Верхних Исадах (одно орудие) начала обстрел д. Курбаты и Уткино. Через некоторое время колчаковцы повели ответный огонь по Верхним Исадам¹²⁴, временно отведя свои подразделения из Курбат.

В это время сотни из полка С.Разина повели наступление на Мачино и Уткино. В результате противник был выбит кавалеристами из Мачино¹²⁵. Для закрепления успеха 4-й роте Кронштадтского полка было приказано наступать из Верхних Исад на Курбаты, поскольку рота 2-го Кунгурского полка еще была на марше. Не обнаружив противника в Курбатах, 4-я рота вернулась в Верхние Исады¹²⁶.

В 22 часа 30 мин. 11 декабря начальник штаба 30-й дивизии Цветков передал в штаб 3-й армии, что предпринятое наступление на Мачино и Уткино не увенчалось успехом. «Сотни из полка С.Разина заняли селение Мачино, но из-за недостатка связи и управления произошло замешательство... Разинцы, благодаря непришедшей пехоте, под нажимом противника вынуждены были оставить Мачино...»¹²⁷.

Хотя 1-я рота, как и рота 2-го Кунгурского полка, имела приказ наступать не на Мачино, а на Курбаты, тем не менее ее участие в боевых действиях в этом районе отвлекло бы силы белогвардейцев. Тем самым создавалась возможность закрепить достигнутый успех в районе Мачино. Но этого, как известно, не случилось. Рейд 4-й роты в Курбаты и обратно свидетельствовал о пассивности командира 1-го батальона Кокоулина.

Вернемся к разговору Цветкова со штабом 3-й армии. Цветков докладывал, что Блюхер, ознакомившись с состоянием частей, особенно Кронштадтского полка, люди которого устали от непрерывных боев, все же принял решение 12 декабря повторить атаку на Уткино и Мачино. «Операция же на Матвеевское и Кормовище буде предпринята послезавтра, когда будет на месте Белорецкий полк...»¹²⁸. И далее Цветков доложил: «Ввиду того, что сейчас не все силы сосредоточились, Блюхер не находит возможным операцию на Матвеевское заранее, не желая обречь ее на

¹²⁴ Там же. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.192,192 об.

¹²⁵ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169. – Л.108–109.

¹²⁶ Там же. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.192 об.

¹²⁷ Там же. – Ф.1346. – Оп.2. – Д.62. – Л.63.

¹²⁸ Там же. – Л.65.

гадательный успех...»¹²⁹. Тем более, что пленный 6-го Мариинского полка белогвардейцев «подтверждает здесь присутствие двух уже полков с ударными батальонами, с артиллерией»¹³⁰.

12 декабря, однако, повторных атак на Уткино и Мачино не предпринималось. Командование 30-й дивизии проводило сосредоточение частей для наступления на Матвеево-Кормовище, уточняло задачи полков.

Следует обратить внимание на один документ – «Сведения о потерях личного состава в 1-м Морском Кронштадтском полку 12 декабря 1918 г.». В сведениях приводятся данные: убитых – 2, раненых – 34, пропавших без вести – 67, всего 103 человека¹³¹. Если учесть, что после 9 декабря наступило относительное затишье, то станет ясно, что здесь приводятся данные общих потерь полка с 5 по 12 декабря. Данные эти, кстати, совпадают с цифрами потерь полка, которые приводились нами из оперативных сводок. «Пропавших без вести» 67 человек следует отнести к 5-й роте 2-го батальона, которая была взята в плен с 7 на 8 декабря. Для полноты картины следует добавить, что 11 декабря из Кронштадтского полка в кунгурский госпиталь было отправлено 36 человек¹³², 12 декабря – 15 человек больных¹³³.

Вернемся к событиям 12 декабря. В этот день 1-я, 2-я, 4-я роты 1-го батальона, команда связи и команда разведчиков находились в д. Верхние Исады, 3-я рота и саперы – в д. Нижние Исады. В д. Сая, Березовая Гора боевые позиции занимали 6-я, 7-я и 8-я роты 2-го батальона¹³⁴. В приказе по войскам 6-й бригады указывалось, что роте Кронштадтского полка (это была 2-я рота 1-го батальона. – И.К.) «выйти по дороге из Нижних Исад на деревню Утку (Уткино. – И.К.) и незаметно расположиться у крайних домов означенной деревни, где ждать сигнала о подходе частей 1-го и 2-го Кунгурских полков к деревне Утка»¹³⁵. Кронштадтскому полку предлагалось «усилить охранение логов, прилегающих к деревне Верхние Исады, и русло реки Барды – к Нижним Исадам, дабы не дать противнику воспользоваться последними»¹³⁶.

¹²⁹ РГВИА – Ф. 1346. – Оп. 2. – Д. 62. – Л. 63.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. – Ф. 1352. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 62.

¹³² Там же. – Ф. 4812. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 430.

¹³³ Там же. – Л. 351.

¹³⁴ Там же. – Д. 14. – Л. 193.

¹³⁵ Там же. – Ф. 1352. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 4.

¹³⁶ Там же.

1-й и 2-й Кунгурские полки по общему плану командования имели задачу развить наступление на Мачино¹³⁷. Рота моряков 2-го батальона наносила удар во фланг противника на Уткино со стороны Саи¹³⁸. Несмотря на задержку Белорецкого полка, начальник 30-й дивизии назначил наступление на 13 декабря. В ночь с 12 на 13 декабря 2-я рота 1-го батальона должна была занять исходные позиции¹³⁹.

Таким образом, удар планировалось нанести по левому флангу белогвардейцев в район Уткино – Мачино. Выполнение задачи возлагалось на 1-й и 2-й Кунгурские полки, а также на роты 1-го и 2-го батальонов Кронштадтского полка.

Теперь сделаем небольшую паузу и обратимся к важному документу – сводке №29 агентурных сведений о 1-м Морском Кронштадтском полку, составленной 18 декабря 1918 г.¹⁴⁰ Ее подписал заведующий военно-полевым контролем 30-й стрелковой дивизии Н.В. Баранов. Сводка характеризует настроения моряков накануне наступления. Следует сразу заметить, что в этом документе агентурные данные характеризуют события 13 декабря. Между тем, 13 декабря Кронштадтский полк уже не существовал и, по всей вероятности, в сводке речь идет о 12 декабря.

В ней далее сказано, что деревню Исады занимали 1-й и 2-й батальоны¹⁴¹. Это неверно, здесь, как известно, находились роты 1-го батальона.

В агентурных сведениях сообщалось, что «матросы были собраны на митинг; некоторые были с винтовками, так как боялись, чтобы их не разогнали пулеметчики»¹⁴². Здесь также следовало бы уточнить: митинг проходил или в Верхних, или в Нижних Исадах, поскольку вряд ли удалось бы собрать для митингования весь батальон в одной деревне. По нашему мнению, в агентурных данных говорится о митинге в д. Нижние Исады, где располагалась небезызвестная нам 3-я рота.

«На митинг, – отмечалось в сводке, – прибыл комиссар полка, которому матросы заявили, что, по слухам, Петроград занят союзниками, а их маленькая горсть заброшена сюда и им не за что воевать... Выступавшие с речами мат-

¹³⁷ Там же – Ф.176 – Оп.3. – Д.169. – Л.123. – Ф.1346 – Оп.2 – Д.116. – Л.9

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. – Ф.4812. – Оп.1. – Д.14. – Л.193

¹⁴⁰ Там же. – Ф.1346. – Оп.2. – Д.561. – Л.140.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. – Ф.1346. – Оп.2. – Д.561 – Л.140

росы — коммунисты успеха не имели. Атмосфера сгустилась, и комиссар должен был ретироваться, так как слышны были сзади возгласы «давай его сюда».

Между собой матросы говорили, что в наступление ни под каким видом не пойдут; высказывалось недовольство по поводу того, что последовал разрыв дипломатических отношений с союзниками, порицались действия комиссаров и Советов.

Больше всего на эту тему высказывались мобилизованные матросы Пермской, Вятской и Вологодской губернии.

На митинге решили послать делегатов в Петроград для осведомления с положением, а также не скрывалось настроение сдать в плен»¹⁴³. В сводке говорится о том, что «на эту тему высказывались мобилизованные матросы». По нашему мнению, среди них было много моряков, которые в свое время дезертировали из полка, а затем были включены в его состав. Как бы там ни было, часть матросов 1-го батальона поддавалась настроениям отсталой враждебно настроенной группы. К сожалению, как отмечалось в сводке, «матросы-коммунисты успеха не имели».

В этой же сводке агентурой отмечалось, что «после митинга вечером в дер. Исады пришла от белых женщина, бывшая у них в подводах, которая говорила, что у белых 20 пулеметов и 4 орудия, а также передавала, что с взятыми в плен в Кузнецовском заводе матросами ничего не сделано и они отправлены в тыл»¹⁴⁴. Во-первых, надо полагать, женщина пришла в д. Нижние Исады, где проходил митинг, во-вторых, ее сообщение, зафиксированное агентурой, носило явный провокационный характер. 12 декабря на Саю (Кузнецовский завод) белогвардейцы наступления не проводили. В оперативных сводках 30-й дивизии нигде нет упоминания о пленении какой-нибудь роты 2-го батальона. Неудивительно, что в сводке агентурных данных говорится, что сообщения женщины подлило масла в огонь»¹⁴⁵.

В-третьих, на основании этих данных сделать вывод о сдаче в плен роты 2-го батальона, стоявшей в Кузнецовском заводе, было бы слишком опрометчиво.

В сводке отмечалось далее, что после сообщения женщи-

¹⁴³ РГВИА. — Ф. 1346. — Оп. 2. — Д. 561. — Л. 140.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

ны «почти все матросы 1-го и 2-го батальона решили сдаться в плен»¹⁴⁶. Возникает вопрос, когда матросы 2-го батальона успели сдаться в плен в Кузнецовском заводе, если они были на митинге в Исадах? Впрочем, мы уже писали выше, что речь идет о митинге 3-й роты 1-го батальона, и противоречивость агентурных сведений очевидна.

Итак, с 12 на 13 декабря, как отмечалось в оперативной сводке 3-й армии, части 6-й бригады «во исполнение задачи удара в направлении на ст. Кормовище в полночь перешли в наступление из района Сосновское на селение Мачино»¹⁴⁷.

Однако белогвардейцы, сосредоточив силы 5-го Томского полка, ударного батальона 1-го Уфимского полка, до подхода 1-го и 2-го Кунгурского полков начали наступление на Саю, Кузнецовский завод, Березовую Гору и одновременно из района Уткино-Курбаты начали глубокий обходный маневр в сторону Исад с тыла. Во время этого маневра и завязался бой с наступающими 1-м и 2-м Кунгурскими полками. В оперативной сводке 3-й армии указывалось, что «на половине дороги между указанными пунктами (т.е. Сосновское – Мачино. – И.К.) части 1-го и 2-го Кунгурского полков встретили наступающего противника. Завязался встречный бой, в результате которого противнику удалось, отеснив указанные полки, выйти на тракт между селом Сосновское и Исады»¹⁴⁸. В оперативной сводке 30-й дивизии на 18 часов 13 декабря последствия этого боя даются более подробно: «...части полка начали отступать, и отход под напором противника превратился в бегство. Противник, преследуя кунгурцев, вышел на тракт между Сосновское и Верхние Исады»¹⁴⁹.

В результате колчаковцам удалось окружить Верхние и Нижние Исады. 1-я, 3-я и 4-я роты первого батальона оказались во вражеском кольце.

Несколько ранее описываемых событий, выполняя приказ командира 6-й бригады, в 3 часа 47 минут утра 2-я рота во главе с командиром 1-го батальона Кокоулиным выступила из Верхних Исад на д. Уткино¹⁵⁰. О том, что же произошло дальше, историки не располагают никакими дан-

---

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. – Ф. 176. – Оп. 3. – Д. 117. – Л. 16. Речь идет о 1-м и 2-м Кунгурском полках, которые выступили из Печатки.

¹⁴⁸ Там же. – Ф. 176. – Оп. 3. – Д. 169. – Л. 123.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. – Ф. 4812. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 192 об.

ными, кроме донесения Кокоулина командиру полка Татаринову, которое и было позднее включено в «Краткое описание» полка. Позволим себе привести донесение Кокоулина полностью: «Отошедши с ротой на 3/4 версты от д. Верхние Исады, услышал сзади меня в деревне стрельбу, остановил роту, узнать что такое. Вдруг прибегает связь от роты Кунгурского полка и докладывает, что роты Кунгурского полка попали в плен противника. Во время доклада прибегает наш моряк, отставший от 2-й роты, и сообщает, что противник наступает на 1-ю и 4-ю роты. Я быстро повернул роту назад на выручку 1-й и 4-й ротам своего батальона, только добежал с ротой до северной окраины деревни, как вся деревня была в руках противника и вдоль деревни бежали колонны с криком «ура». Подал команду открыть огонь залпом, но не один такового не произвел. Категорически начал кричать и подал команду «пальба ротою», по этой команде один из моряков дал мне по затылку и выстрела ни один не сделал, но, не обращая на это внимания, усиленно приступил, чтобы броситься в контратаку, но все усилия и энергия были бесполезны. Моряки вместо контратаки начали бросать винтовки в снег. Видя безвыходное положение, так как первые были в руках противника, крикнул мерзавцам: «Спасайтесь, кто как может, я вас покидаю». Только успел перелезть через забор, как противник крикнул: «Руки вверх, сдавайтесь в плен». Минут 15 лежал я за забором и слышу крики противника: «Выходи, выходи, стройся», и в то же время слышны выстрелы и временами пулеметная стрельба в деревне Нижние Исады, где стояла 3-я рота. После чего решил во время темноты добраться до леса. Отбежав шагов 300, противник заметил меня и открыл по мне оружейный огонь. В лес я скрылся, где остановился послушать, что творится в деревне. В деревне Верхние Исады было тихо, только редкие выстрелы были в деревне Нижние Исады. Пробирался все лесом, когда вышел на дорогу перед деревней Печатки, в это время была слышна пулеметная стрельба в деревне Сая Кузнецовская, где стоял 2-й батальон. О всем случившемся доложено командиру отряда Блюхеру»¹⁵¹.

Знакомство с этим документом наводит на мысль – чего здесь больше: правды командира, которого предали моряки, сдавшись в плен, или вымысла, который был нужен

¹⁵¹ РГВИА. — Ф.4812. — Оп.1. — Д.14. — Л.192 об.

командиру, чтобы реабилитировать себя? Вероятно, по ровну и того, и другого. Командир полка писал, что после того как рота попала в кольцо вражеского окружения и отказалась стрелять, «некоторые из моряков пытались броситься в контратаку, но им мешали товарищи, тогда эта кучка моряков, видя, что их товарищи сдаются, бросилась врассыпную...»¹⁵². Далее Татаринов писал, что «деревня Нижние Исады была окружена противником и в ней была сильная оружейная и пулеметная стрельба. Что происходило в дер. Березовая Гора, Сая Кузнецовская и Кузнецовский завод, неизвестно, но по слухам и там шла усиленная стрельба»¹⁵³.

Что же происходило в районе расположения 2-го батальона? Выполняя приказ командира бригады, одна из рот этого батальона, как сообщалось в оперсводке 30-й дивизии 13 декабря, «высланная со стороны Сая для удара во фронт противнику на село Уткино, в двух верстах северо-восточнее Мачино была окружена и взята в плен»¹⁵⁴. Эти данные оперсводки 30-й дивизии к 18 часам 13 декабря приводились в аналогичном документе 3-й армии 13 декабря к 24 часам¹⁵⁵.

После окружения белогвардейцами 1-го батальона в Верхних и Нижних Исадах связь с частями, действующими в районе с. Сая, была прервана. В вечерних оперсводках 30-й дивизии (на 18 часов) и 3-й армии (на 24 часа) сообщалось, что «из района села Сая, где стоял также батальон моряков, до последнего момента слышна стрельба, и судьба этого батальона неизвестна»¹⁵⁶.

Наконец о судьбе полка стали поступать отрывочные сведения от матросов, прорвавшихся из окружения. Вечером 13 декабря в оперсводке 30-й дивизии сообщалось, что, по сведениям матроса, роты 1-го батальона в Верхних и Нижних Исадах взяты в плен «по-видимому, вместе со штабом полка и комбригом Б. Кононовым. Удалось бежать сильно обмороженному военкому этой бригады Никифорову, который еще не опрошен»¹⁵⁷.

В армейской оперсводке за 14 декабря сообщалось, что «в село Сосновское продолжают прибывать одиноч-

---

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же. — Ф.176. — Оп.3. — Д.169. — Л.123.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. — Д.117. — Л.16.

¹⁵⁶ Там же. — Д.169 — Л.126.

¹⁵⁷ Там же. — Л.123.

ные люди 1-го Морского Кронштадтского полка: большинство из них ранено огнестрельными и колотыми ранениями»¹⁵⁸.

Командир полка Татаринов писал, что «прибежавшие же 14-го декабря двое моряков сказали, что 2-й батальон был окружен и атакой взят противником»¹⁵⁹.

Но самое широкое распространение в это время получила оперативно-разведывательная сводка к 17 часам 15 декабря, направленная из 6-й бригады начальнику штаба 30-й стрелковой дивизии¹⁶⁰. Через 2 часа она была направлена в Пермь в штаб 3-й армии, начальникам штабов 5-й и 29-й дивизий, а также командирам 6-й бригады¹⁶¹.

В ней сообщалось, что «прибежавший возчик из села Матвеевское, который находился в с. Сая, в 13.12 передает следующее: батальон моряков, стоявший в дер. Сая, сдался противнику почти без сопротивления.

Взятые в плен матросы частично были перебиты, частично отправлены в Н. Исады.

Прибежавший моряк из В. Исад передает следующее: что все трупы моряков, в числе около 250, были вывезены на поле близ Исад и сброшены в кучу, к трупам моряков были приставлены часовые, которые добивали оказавшихся живыми»¹⁶².

Как видно из этой сводки, 15 декабря вридначштаба 30-й дивизии Цветков и военком Калнин информировали командование армии и дивизий о судьбе Кронштадтского полка на основании двух показаний. В.К. Блюхер и Р.П. Вайнян были более осторожны в выводах о судьбе моряков. В телеграмме Н.Д. Каширину 16 декабря они сообщали, что «из слов возвращающихся матросов судьбу батальона выяснить не могли. Одни говорят, что второй батальон разделит судьбу первого. Другие говорят, что батальон 13-го вечером еще держался. Третьи говорят, что о судьбе батальона ничего не знают, слышали 13-го редкую перестрелку»¹⁶³.

18 декабря в сводке №29 агентурных сведений о 1-м Морском Кронштадтском полку заведующий отделом военно-полевого контроля 30-й дивизии Баранов дал вполне

¹⁵⁸ Там же. - Ф. 176. - Оп. 3. - Д. 117. - Л. 18.

¹⁵⁹ Там же. - Ф. 4812. - Оп. 1. - Д. 14. - Л. 193 об.

¹⁶⁰ Там же. - Ф. 1352. - Оп. 1. - Д. 4. - Л. 17, 18.

¹⁶¹ Там же. - Ф. 1346. - Оп. 2. - Д. 544. - Л. 32, 33.

¹⁶² Там же. - Ф. 1352. - Оп. 1. - Д. 4. - Л. 17, 18.

¹⁶³ Там же. - Ф. 176. - Оп. 3. - Д. 169. - Л. 152.

определенную оценку действиям батальонов полка¹⁶⁴. В сводке сообщалось, что 14-го (на самом деле – 13 декабря. – И.К.) на рассвете деревня была атакована противником и взята в подкову (почти окружена).

После короткой, не более как получасовой перестрелки деревня была занята белыми, и они сразу двинулись на Печатку. Все, кто не хотел сдаться в плен, выбрались в имевшийся выход. Пулеметы и орудия остались в добычу белым. Суммируя все изложенное, можно прийти к заключению, что 1-й и 2-й батальоны 1-го Кронштадтского морского полка, не оказав должного сопротивления, сдались в плен»¹⁶⁵.

На этом, пожалуй, исчерпываются официальные документы, составленные на основе агентурных данных, на показаниях немногочисленных свидетелей. Вридначдив Каширин 16 декабря сообщал, что для расследования обстоятельств, «при которых произошла гибель 1-го Морского Кронштадтского полка, мною назначено расследование...»¹⁶⁶. К сожалению, материалы этого расследования в архивах не обнаружены.

Так и остается без ответа очень важный вопрос – что же на деле произошло с полком. В оперсводках, в агентурных и разведанных много противоречивых толкований. При знакомстве с ними возникают разночтения, и, прежде всего, потому, что источников с подробной и объективной информацией в то время было крайне недостаточно. Тяжелая оперативная обстановка на Кунгурском направлении не позволила, видимо, советскому командованию разобраться с обстоятельствами гибели полка.

В какой-то степени, с некоторыми оговорками, мы можем использовать воспоминания очевидцев тех событий.

Белканов, например, считал, что «наряду с истинными революционерами, в отряде было много и шкурников, и малодушных... Близко соприкасавшимся с матросами было ясно, что только половина из них здорова, а другая часть может в любой момент за булку и мясо перейти к белым...»¹⁶⁷. Когда Белканов по заданию Кыновского исполкома приехал в распоряжение белых в Исады, ему стало известно, что в батальоне была низкая дисциплина. Одна-

¹⁶⁴ РГВИА. – Ф.1346. – Оп.2. – Д.561. – Л.140. Мы уже писали об этом документе. В нем идет речь о митинге 12 декабря, о настроении моряков. – И.К.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. – Ф.176. – Оп.3. – Д.169. – Л.152.

¹⁶⁷ Сб. «Крот». Кунгур. – 1923. – №3. – Июль.

ко, несмотря на внезапное наступление белогвардейцев, некоторые из моряков отбивались до последнего, втаскивали пулеметы в баню, так как на морозе они отказывались работать. Половина матросов, добровольно сдавшаяся в плен, была переколота штыками»¹⁶⁸.

В воспоминаниях Занина приводятся показания бежавшего матроса, на глазах которого колчаковцы зверски замучили 200 человек¹⁶⁹.

Житель с. Нижние Исады И.А. Брагин в воспоминаниях отмечал, что появление белогвардейцев с северо-запада, со стороны Горюшек, было неожиданным, так как наиболее вероятным было нападение с востока или юго-востока. «Белые, входя в избы, заставляли матросов спящими, раздетыми, захватывали сразу же оружие. Кто не поднимал рук – кололи штыками. Пулеметчиков постреляли»¹⁷⁰. Гуцин Н.К. твердо убежден в том, что белогвардейцев в обход провел местный житель. В его воспоминаниях говорится о том, что 14 декабря в Сае колчаковцы расстреляли на льду пруда 10 матросов Кронштадтского полка. Здесь же в Сае трагически погиб отстреливавшийся комиссар 2-го батальона М.Ф. Бабин¹⁷¹.

В показаниях местных жителей Е.В. Брагиной, А.П. Маракулиной, П.Д. Мозжерина, Е.И. Сидоровой говорится о том, что белогвардейцы часть матросов захватили в плен спящими, другие, не успев оказать сопротивление, тоже оказались в плену. В этих воспоминаниях не говорится о том, что ночью в Исадах шел бой, что матросы пытались оказать сопротивление. Напротив, речь в них идет о неожиданном нападении колчаковцев и о захвате в плен. Ни один очевидец из местных жителей не говорит о сдаче в плен моряков.

Из воспоминаний очевидцев создается потрясающая картина зверской расправы колчаковцев с пленными моряками.

«Видела: расстреливали матросов внизу под горой, выстроенных шеренгой... Стреляли долго, матросы были все раздетые. Холода стояли большие. Как падали, так и замерзали», – говорится в показании Е.В. Брагиной¹⁷².

П.Д. Мозжерин вспоминал, что в Нижних Исадах уби-

¹⁶⁸ Сб. «Крот». Кунгур. – 1923. – №3. – Июль.

¹⁶⁹ Там же. – 1923. – № 7. – Ноябрь.

¹⁷⁰ Воспоминания И.А.Брагина. Заверенная копия.

¹⁷¹ Запись Н.К. Гуцина. Заверенная копия

¹⁷² Воспоминания Е.В. Брагиной. Заверенная копия

тых матросов он не видел. «Когда стали подъезжать к Верхним Исадам, у самой деревни кучи заколотых матросов и в деревне также по всей улице. Днем нагляделся, как закалывали матросов, которых нашли где-нибудь, где они спрятались. Раздевали и тут же закалывали. У белых все штыки в крови, кровь замерзшая. Запах воздуха-то был смертный, так кровью все и дышало»¹⁷³. И далее: «Матросы лежали не зарытыми, пока были белые. После, когда никого не стало, по наряду стали копать ямы. Я копал в Нижних Исадах. Матросов было 400. В яму складывали крест-накрест. Ям было несколько»¹⁷⁴.

Показания местных жителей, таким образом, дают представление о масштабах одного из самых варварских преступлений белогвардейщины в годы гражданской войны.

Если внимательно проследить за ходом военных операций накануне и в ночь с 12 на 13 декабря, тщательно проанализировать военные сводки, данные агентуры и разведки, показания очевидцев, то при объективном подходе к обстоятельствам гибели 1-го и 2-го батальонов Кронштадтского полка напрашиваются следующие выводы:

Первое. 1-й и 2-й батальоны Кронштадтского полка в ночь с 12 на 13 декабря были окружены превосходящими силами белогвардейцев. 2-й батальон, расположенный в Сае, Кузнецовском заводе, Березовой Горе, пытался оказать сопротивление. Однако без опыта боевых действий его сопротивление было незначительным.

1-й батальон, который был измотан в оборонительных боях и часть моряков которого была деморализована, застигнутый врасплох неожиданным прорывом белогвардейцев, не смог оказать существенного сопротивления противнику.

Считать, что в целом попавшие в окружение батальоны героически сопротивлялись и погибли в неравном бою, было бы неверно. Также неправильно было бы считать, что окруженные моряки не вступили в бой с белогвардейцами. Мы говорим о той части полка, которая была предана революционным идеалам, о матросах-коммунистах, павших смертью героев.

Второе. Во взаимосвязи с изложенным находится вопрос о сдаче полка, точнее 1-го и 2-го батальонов, в плен. Здесь следует, на наш взгляд, поставить вопрос двояко: а) про-

¹⁷³ Воспоминания П.Д. Мозжерина. Заверенная копия.

¹⁷⁴ Там же.

изошла ли добровольная сдача в плен или б) полк был взят (захвачен) в плен. Это две разные вещи, не только в смысловом понятии, но и по существу обстоятельств. Нет оснований абсолютизировать те или иные обстоятельства захвата в плен рот полка и переносить их в обобщенном виде на характеристику полка. Бесспорным является тот факт, что захват в плен 1-го батальона во многом объясняется притуплением боевой бдительности, слабой дисциплиной.

Наконец, когда говорится о захвате в плен 1-го и 2-го батальонов, то имеется в виду весь Кронштадтский полк. В этом есть элемент относительности. Конечно, в плен был захвачен основной состав полка, т.е. его боевая ударная сила. Это имел в виду Н.Д. Каширин, когда 13 декабря передал начальнику полевого управления штаба 3-й армии И.И. Герасимову: «...можно сказать, что от Морского Кронштадтского полка ничего не осталось»¹⁷⁵. Однако следует учитывать, что штаб полка и его командный состав, хозяйственная рота, подрывная команда, часть саперной и команды связи, в общей сложности свыше 300 человек, не разделили участи двух батальонов. Несмотря на гибель 2-х основных единиц полка, формально полк продолжал существовать. Сообщение оперсводки екатеринбургской группы белогвардейцев о том, что в Исадах уничтожили весь 1-й Кронштадтский полк, является преувеличением.

Третье. В обстоятельствах гибели полка следует учитывать его потери. В приказе № 81 от 19 декабря 1918 г. по 1-му Морскому Кронштадтскому полку говорится о том, что в боях с белогвардейцами при д. Березовая Гора, Нижних и Верхних Исадах, Сае Кузнецовской пропало без вести 816 человек¹⁷⁶. В исторической литературе, в популярных работах эту цифру обычно приводят, когда пишут о событиях в ночь с 12 на 13 декабря. Здесь допускается ошибка. Дело в том, что цифра 816 относится к общим потерям полка за все время его пребывания на фронте. Сюда включены убитые с 5 по 12 декабря, 5-я рота и т.д. К примеру, в список 816 включен моряк 5-й роты Д.И. Кобышев, хотя эта рота, как известно, никакого отношения к событиям 13 декабря не имела.

Установить численность погибших 13 декабря не просто. Дело в том, что роты, например, 1-го батальона были недоукомплектованы в результате потерь (убитые и раненые,

¹⁷⁵ РГВИА. - Ф.176. - Оп.3. - Д.169. - Л.122.

¹⁷⁶ Там же. - Ф.4812. - Оп.1. - Д.6. - Л.159

больные, отправленные в госпиталь). Известно также, что из окружения удалось прорваться очень немногим.

Надо полагать, что потери полка с 12 на 13 декабря составляли около 700 человек. Из них не менее 500 человек были убиты или зверски замучены колчаковцами. Косвенным подтверждением этому служат показания П.Д. Мозжерина и Е.И. Сидоровой о захоронении в Нижних Исадах по нарядам из двух деревень (Верхние и Нижние Исады), по наказу старост в январе 1919 г. 400 матросов¹⁷⁷. Часть матросов была похоронена в Сае.

В числе погибших, кроме командира 1-го батальона Кокоулина и командира 8-й роты 2-го батальона В. Жилинского, был почти весь командный состав двух батальонов.

Таким образом, в гибели основной части Кронштадтского полка, наряду с героизмом коммунистов и преданных бойцов революции, презиравших смерть, мы видим и трагедию моряков, захваченных в плен, и горькую расплату тех, кто предпочел плен борьбе за власть Советов. Унифицированной оценки гибели полка, по нашему мнению, быть не может. Однозначность может носить лишь самый общий характер: Кронштадтский полк был захвачен в плен и трагически погиб.

...В ночь на 13 декабря белогвардейские части предприняли наступление на Сосновское, которое было остановлено Белорецким полком. В оперсводках 30-й дивизии и 3-й армии 13 декабря сообщалось, что Белорецкий полк обороняет Сосновский район. «Наступление 11/2 роты этого полка по тракту на Н. Исады не увенчалось успехом, так как встретило сильное сопротивление со стороны противника»¹⁷⁸.

В.К. Блюхер телеграфировал, что «несмотря на ряд попыток проникнуть в д. Сая для выяснения судьбы батальонов морского полка все наши попытки не привели ни к чему. Наши конные разъезды до сотни и пехота до роты дальше Верхних Исад проникнуть не могла, неизменно встречая противника у последней»¹⁷⁹. 18 декабря начальник полевого управления штаба 3-й армии Герасимов спрашивал у начштаба 30-й дивизии Цветкова: «Почему вы Белорецкий полк поставили в затылок, а не дали ему маневренного движения?» Цветков отвечал: «Белорецкий полк

¹⁷⁷ Воспоминания П.Д. Мозжерина и Е.И. Сидоровой. Заверенные копии

¹⁷⁸ РГВИА. – Ф. 176. – Оп. 3. – Д. 169. – Л. 123.

¹⁷⁹ Там же. – Л. 152.

у нас стоял в резерве, и предполагалось использовать его для удара, а когда моряки были уничтожены, а остальные части отодвинулись на одну линию с Белорецким, то он, естественно, и оказался в первой линии, снять с которой полк не удалось»¹⁸⁰.

Действительно, основной удар на себя принял Белорецкий полк, который спас положение 6-й бригады. Однако полк смог лишь приостановить белогвардейцев. В.К. Блюхер 16 декабря телеграфировал в Кунгур, что если учесть, что противником заняты д. Тары, Курбаты (Мачино 2-е), Уткино, Верхние и Нижние Исады, то «наступление можно было бы провести не менее как тремя группами...». Далее он сообщал, что у белогвардейцев на этом направлении сосредоточен Уфимский полк (1000 штыков), 5-й Томский полк, батальон 6-го Мариинского полка. Для наступления, по мнению Блюхера, пришлось бы ввести все силы 6-й бригады, однако, «учитывая положение 6-й бригады, считаем подобную операцию чрезвычайно рискованной, ибо на устойчивость Кунгурского полка рассчитывать трудно»¹⁸¹.

В этот же день 16 декабря Лашевич в разговоре с Кашириным интересовался, «в каком положении сейчас батальоны кронштадтцев и окончательно ли ваше мнение, что никаких операций вы предпринять не можете?»¹⁸². Каширин ответил, что «о развитии сейчас действий против Матвеевского говорить не приходится, т.к. в 6-й бригаде пока держится все только на Белорецком полку»¹⁸³.

Все эти данные говорят о том, что колчаковское командование к середине декабря 1918 г. сконцентрировало значительные силы для наступления на Кунгур. Части 6-й бригады оказались в трудном положении и вынуждены были перейти к тяжелым оборонительным боям. Гибель Кронштадтского полка, который принял на себя удар наступательного противника и был уничтожен, значительно осложнила положение 30-й дивизии.

Дальнейшая судьба Кронштадтского полка выглядит следующим образом. По приказу начальника 30-й дивизии хозяйственная рота и остатки полка 14 декабря были отправлены в Кунгур.

¹⁸⁰ РГВИА. - Ф. 176. - Оп. 3. - Д. 169. - Л. 164.

¹⁸¹ Там же. - Л. 152.

¹⁸² Там же. - Д. 98. - Л. 16.

¹⁸³ Там же.

Командование 30-й дивизии понимало, что остатки Кронштадтского полка не могут быть основой для формирования новой воинской части в Кунгуре. Это объяснялась тем, что 30-я дивизия не имела каких-либо возможностей пополнения, тем более для формирования полка. В донесении начдива было высказано предложение отвести остатки Кронштадтского полка в тыл для формирования.

17 декабря начштаба 30-й дивизии Цветков дважды запрашивал начальника Оперативного отдела 3-й армии Любимова о решении Военного совета о желательности отвести Кронштадтский полк в тыл для формирования¹⁸⁴.

Командир Кронштадтского полка Татаринев получил приказ Каширина: «Выступить на ст. Кунгур, где и приступить к погрузке. Состав, приготовленный для вас, находится на 7 пути»¹⁸⁵. В приказе по полку Татаринев указывал на «спешность приказания» начдива «...погрузиться и отправиться в течение двух часов...»¹⁸⁶. 19 декабря 1918 г. Кронштадтский «полк» в количестве 372 человек по решению дивизионного начальства выехал в Петроград¹⁸⁷.

Кронштадтский «полк» по решению штаба Петроградского Окружного комиссариата по военным делам от 27 декабря 1918 г. ликвидировался. Это решение было закреплено в приказе по полку № 102 от 9 января 1919 г. На этом и заканчивается история 1-го Морского Кронштадтского полка.

Выводы.

1. История 1-го Морского Кронштадтского полка охватывает небольшой промежуток времени – около 3 месяцев. Полк был сформирован в октябре 1918 г., в декабре было принято решение о его ликвидации. В течении 9 дней, с 5 по 13 декабря Кронштадтский полк принимал участие в боевых действиях в Прикамье в составе 6-й бригады 30-й стрелковой дивизии.

Состав сформированного полка был неоднородным. Три четверти его составляли бывшие моряки, большая часть которых была мобилизована из деревень с присущей им мелкобуржуазной психологией. Пролетарское ядро полка составляли кадровые моряки из команд кораблей Кронштадтской базы. Партийная прослойка в батальонах полка

¹⁸⁴ РГВИА. – Ф. 176. – Оп. 3. – Д. 49. – Л. 29.

¹⁸⁵ Там же. – Ф. 4812. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 223.

¹⁸⁶ Там же. – Д. 6. – Л. 158.

¹⁸⁷ Там же.

была небольшая, что затрудняло политическое воспитание личного состава.

В Пермь Кронштадтский полк прибыл в сорокапроцентном составе, к началу боевых действий численность полка едва достигла 60 процентов первоначального состава. Если не считать отставших от полка во время следования на фронт по объективным обстоятельствам, то следует констатировать, что большую часть отставших по условиям военного времени следует отнести к дезертирам.

Поэтому идеализация революционности вновь сформированного полка, которая встречается в некоторых произведениях, не соответствует исторической правде.

Наряду с этим отметим, что на фронт прибыла наиболее стойкая часть полка, которая влилась в ряды защитников Красного Урала. Однако возвращение в полк около 20 процентов «отставших» от эшелона не могло не сказаться на боеспособности полка, на его морально-боевых качествах.

2. В боевых действиях Кронштадтский полк принял участие 5 декабря 1918 г. Причем основная тяжесть легла на 1-й батальон, роты которого с 5 по 9 декабря вынуждены были вести оборонительные бои, которые имели важное значение в планах командования 3-й армии. Моряки Кронштадтского полка, оказавшись порою в трудных условиях, не только отразили многочисленные атаки противника, но сбили его наступательную активность 8 и 9 декабря. 10 декабря командование 30-й дивизии доносило командующему 3-й армии, что наших сил для наступления совершенно недостаточно, что только благодаря особой самоотверженности матросов и Красных гусар удается удерживать важные в стратегическом отношении пункты.

При анализе военных операций обращает на себя внимание беспечная медлительность командования полка с выдвиганием резервов, в частности 2-го батальона полка на боевые позиции. В результате допущенных просчетов 1-й батальон был доведен до крайней усталости. В ночь с 9 на 10 декабря 1-й батальон отводился на вторые рубежи, его место занял 2-й батальон.

10 декабря командование 6-й бригады и Кронштадтского полка поставило перед 1-м батальоном новые, важные в тактическом отношении задачи по наступлению. Не отличаясь к тому времени высокой боеспособностью, поддавшись настроениям отсталой части моряков, 1-я и 3-я роты 1-го батальона не выполнили приказ комбрига. Предпринятое наступление не увенчалось успехом.

В общем итоге боевых действий полка с 5 по 12 декабря мы видим проявление противоречивых начал: массовый героизм моряков 1-го батальона и отказ от выполнения приказа в двух ротах, где взяли верх политически незрелые и отсталые элементы из среды моряков.

Однако было бы неверно переносить настроение в этих ротах на весь Кронштадтский полк, давать обобщенные характеристики. Надо, видимо, еще очень внимательно изучить документы, чтобы выяснить, почему именно 1-я рота 1-го батальона, которая с 5 по 9 декабря участвовала в боях, в ночь на 10 декабря совершает переход от Саи в Сосновское, снова получает приказ о наступлении и, практически без отдыха, направляется обратно в Верхние Исады для дальнейшего наступления? И это в то время, когда 2-й батальон полка «привыкает к выстрелам».

Изучение приказов и оперативных сводок наталкивает на многочисленные вопросы, которые пока остаются без ответа. Один из них – почему в течение 9 дней пребывания на фронте Кронштадтского полка в центре внимания командования был 1-й батальон, который почти каждый день получал новые боевые задания?

В подготавливаемом на 13 декабря наступлении на левый фланг белогвардейцев, наряду с другими полками 6-й бригады, должна была принять участие и 2-я рота 1-го батальона.

В целом, когда идет речь об участии Кронштадтского полка в боях, должна быть дана объективная положительная оценка той заметной роли, которую сыграли моряки, отбивая многочисленные изнуряющие атаки колчаковцев. Не следует, разумеется, скрывать и тех отрицательных моментов, которые имели место в ходе намеченных операций.

3. В ночь с 12 на 13 декабря части 6-й бригады при поддержке рот Кронштадтского полка перешли в наступление. Однако белогвардейцы перехватили инициативу и развернули наступательные операции с разных направлений. В ходе ночного боя героически погиб батальон 1-го Кунгурского полка, который должен был взаимодействовать с двумя ротами 1-го и 2-го батальонов Кронштадтского полка.

Белогвардейцы окружили 1-й и 2-й батальоны кронштадтцев.

Анализ документов убеждает нас в том, что, попав в окружение, батальоны полка были взяты в плен. При этой общей оценке следует учитывать, что часть моряков, не

оказав сопротивления, добровольно сдалась в плен. Другие оказались в плену в силу обстоятельств: они были схвачены во время сна. Наконец, попав в окружение, часть матросов погибла в бою или, исчерпав возможность сопротивления, оказалась в руках колчаковцев. В гибели основной части Кронштадтского полка, наряду с героизмом коммунистов и преданных бойцов революции, презиравших смерть, мы видим и трагедию моряков, захваченных в плен, и горькую расплату тех, кто предпочел плен бою.

Около 500 человек было расстреляно и зверски замучено колчаковскими палачами. Таким образом, Кронштадтский полк был захвачен в плен и трагически погиб.

4. Решение начальника 30-й дивизии об отправлении остатков полка в распоряжение Петроградского военного округа было единственно верным решением.

5. В печатной и устной пропаганде, на наш взгляд, не следует преувеличивать героизм вообще и чрезмерно идеализировать Кронштадтский полк. Его участие в гражданской войне должно найти правдивое и объективное отражение, которое он заслуживает.

6. В надписи на обелиске-памятнике говорится о матросах Кронштадтского полка, павших в боях за советскую власть и похороненных на кунгурской земле. В каждом памятнике есть элемент символики, обобщенности. Памятник на старинном Гороблагодатском тракте символизирует мужество моряков Кронштадтского полка, которые сражались и погибли за власть Советов, за Урал.

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА: ПУТЬ В 1000-ЛЕТИЕ

М.Г. Нечаев

В условиях радикальных изменений всех сфер жизни нашего общества центральным вопросом остается возрождение культурной миссии церкви. Культура – это особый социальный механизм накопления, хранения и трансляции информации, представляющей особую ценность и способствующий сохранению и одновременно с этим развитию общества в целом и человека в частности. Огромное значение в этой связи имеет просвещение и образование.

В отечественной атеистической литературе сложилась традиция не просто игнорировать роль и значение просветительской деятельности православной церкви, но и рассматривать ее как врага просвещения. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно лишь прочитать названия глав

книг известного исследователя-атеиста Е.Ф. Грекулова: «Духовное и политическое разращение народа в начальной школе»; «Гонения на просвещение и науку»; «Церковь против просвещения и науки»; «Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы» и т.д.¹. В нашей историографии до сих пор преобладают критические оценки роли и места церковных школ в системе образования.

Однако в настоящее время все больше исследователей обращаются к опыту дореволюционной российской школы и считают, что необходимо возродить традиции православной концепции обучения и образования².

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятой на Юбилейном Архиерейском Соборе (прошедшем в Москве 13–16 августа 2000 г.), в этой связи отмечается: «С православной точки зрения желательно, чтобы вся система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях. Тем не менее Церковь, следуя многовековой традиции, уважает светскую школу и готова строить свои взаимоотношения с ней исходя из признания человеческой свободы»³.

В этой же концепции констатировалось, что «к сожалению, донныне во многих учебных курсах истории недооценивается роль религии в формировании духовного самосознания народов. Церковь постоянно напоминает о том вкладе, который внесло христианство в сокровищницу мировой и национальной культуры»⁴.

Известный российский педагог XIX в. П.Ф. Каптерев выделил три главных периода в развитии русской педагогики: церковный, государственный и общественный⁵. Эта периодизация вполне приемлема для истории российской школы в целом. «Церковный период» начинается с «Крещения Руси» и завершается петровскими преобразованиями, «государственный период» – XVIII – первая половина

---

¹ Подробней об этом см.: Грекулов Е.Ф. Православная церковь враг просвещения. – М., 1962; Он же. – Православная инквизиция в России. – М., 1964; Он же. – Церковь, самодержавие, народ: (2-я половина XIX – начало XX в.). – М., 1969.

² Например, см.: Шичалин Ю.А. Пути российского образования и православия: Сборник статей. – М., 1999. – 96 с.

³ Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М., 2000. – С. 169.

⁴ Там же.

⁵ См.: Каптерев П.Ф. Общий ход развития русской педагогики и ее главные периоды // Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. – М., 1982. – С. 258–269.

XIX вв., и «общественный» охватывает вторую половину XIX – начало XX вв.

Семивековой исторический этап в развитии отечественного образования можно без преувеличения назвать церковным. И казалось бы, доминирующая роль и место церкви в становлении и развитии средневековой церкви не должно вызывать никаких сомнений. Однако, в историографии сложилась точка зрения, что школьное дело на Руси изначально было светским. Об этом пишет А.С. Пругавин: «Замечательно, что ни в церковном уставе Владимира св. или Ярослава В., ни в одном из семи ярлыков, данных ханами орды нашему духовенству, и ни в одной из грамот, впоследствии жалованных нашими князьями духовным властям и монастырям, – нигде не упоминается о школах или училищах, об учителях или учениках, хотя в каждом из названных законоположений подробно вычисляются все лица, сколько-нибудь принадлежавшие к составу церковного суда и управления, от нищих и больных до крестьян и мастеров. Очевидно, сюда не входили одни училища с принадлежавшими к ним лицами, и не входили потому, что не составляли предмета церковного управления, образуя собою чисто светские, вполне народные, мирские установления, не имевшие права на привилегии ханские или на льготы княжеские и существовавшие и действующие по силе собственной внутренней жизни»⁶.

Однако более убедительным выглядят по этому поводу рассуждения знаменитого историка русской церкви П.В. Знаменского: «Начало образования на Руси было положено одновременно с введением христианства, которое пробудило в русском обществе первую потребность книжного учения, принесло с собой первые книги. <...> Первое грамотное поколение русских христиан образовалось еще при Владимире. Сам он остался неграмотным, но дети его Ярослав, Мстислав, Изяслав, Борис и Глеб были уже люди книжные. <...> Дело Владимира поддержал Ярослав, еще более распространивший грамотность в России и умноживший число школ. Строя церкви по городам и селениям, он велел священникам везде обучать народ. <...> Оттого и самые средоточия образования – школы и библиотеки – были при церквях и монастырях. Кроме упомянутых школ в Киеве, Новгороде и на Волыни, в житиях Авраамия Смо-

⁶ Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. – СПб., 1985. – С. 418.

денского и Феодосия Печерского упоминаются еще школы в Смоленске и в Курске, наверное, были они в других местах, где были церкви и монастыри»⁷.

До XVIII в. государственных школ в России не было. Учились, как правило, у местного священника или у старца – наставника старообрядцев. Открытие государственных светских школ связано с преобразовательской деятельностью Петра I. Русское образование первой половины XVIII в. имело узкопрактический, сословно-служебный характер. Правительство открывало специальные школы: цифирные, навигацкие, артиллерийские и другие.

Очень характерны в этой связи появление на Урале горнозаводских школ. Известный русский просветитель В.Н. Татищев (1686–1750 гг.) предложил устроить во всех слободах и селениях, приписанных к горным заводам, «избы для школ». Во время его первого пребывания на Урале (1720–1722 гг.) было открыто 4 горнозаводские школы. К 1737 г. во всех горнозаводских школах Урала обучалось 654 человека. Первая горнозаводская школа на территории современной Пермской области была открыта в Кунгуре в 1721 г., вторая – в Соликамске в 1723 г. В 1737 г. на Урале было уже 11 горнозаводских школ, в которых обучались 654 ученика⁸.

Однако в «петровских школах» не было места Закону Божьему. При Елизавете в 1743 г. вышло распоряжение о том, чтобы родители обучали детей катехизису, иначе грозил штраф в 10 руб., а «при определении на службу молодые люди были испытываемы в знании краткого катехизиса»⁹.

По указу Екатерины II с 1786 г. утвердили первый единый государственный школьный устав, на основании которого во всех губернских городах учреждались главные народные, а в уездных – малые народные училища.

Главное народное училище представляло из себя четырехклассное учебное заведение с пятилетним сроком обучения (в четвертом классе учились два года), где преподавали: русскую грамматику, арифметику, историю, географию, рисование, чистописание, Закон Божий, геометрию, механику, физику, естествознание, архитектуру, латинс-

⁷ Знаменский П.В. Указ. Соч. — С. 46–49.

⁸ См.: Гаврилов Д.В. Грамотность и образовательный уровень горнозаводского населения Урала в 1861–1885 гг. // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1990. – С. 48–49.

⁹ См.: Знаменский П.В. Указ. соч. — С. 420–421.

кий и немецкий языки. Возрастной состав обучающихся был разный – от четырех-пяти лет до пятнадцати и даже двадцати. Детям из малообеспеченных семей или не имевшим родителей приказ общественного призрения оказывал материальную поддержку: давали бесплатно учебные книги, деньги на питание (50–58 коп. в месяц), одежду¹⁰.

Однако наряду с появлением бесплатных общеобразовательных школ у приходского духовенства, традиционно занимающегося обучением своих прихожан при церквях, стали требовать «свидетельства» и закрывать эти стихийно существующие школы. Так прокомментировал эту ситуацию церковный историк П.В.Знаменский: «Возревновав за свои школы и за их «нормальный», по тогдашним понятиям, метод, правительство стало теснить старых учителей, требовать от них свидетельств об изучении ими нормального метода и закрывать самые их школы, но достигло этим самым нежеланных результатов: старинный и привычный источник народного образования действительно ослабло, а своих казенных школ все-таки не подняло и народными не сделало»¹¹.

В 1803 г. в указе императора Александра I «О введении наук в России» духовенство призвали усилить заботу о просвещении народа. В 1833 г. министром народного просвещения становится Сергей Семенович Уваров. С его именем связано создание фундамента системы народного образования, сыгравшего такую значительную роль в судьбах российского государства, общества, отечественной науки, искусства. Лозунгом министерской деятельности он сделал ставшую знаменитой формулу «Православие, Самодержавие, Народность», перефразировав старинный военный призыв «За Веру, Царя и Отечество!». Впервые это прозвучало в его докладе императору Николаю I от 19 ноября 1833 г.: «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения»¹². В своем докладе он писал: «Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространения разрушительных начал, Россия к счастью сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и по-

¹⁰ См.: Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. – Пермь, 2000. – С. 43.

¹¹ Знаменский П.В. Указ. Соч. – С. 428.

¹² См.: Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения// Река Времени (Книга истории и культуры). – Книга 1. – М., 1995. – С. 70–72.

литическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия. <...> Углубляясь в рассмотрении предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных:

- 1) Православная Вера.
- 2) Самодержавие.
- 3) Народность»¹³.

Несомненно С.С. Уваров становится инициатором указа императора Николая I об открытии народных школ при церквях и монастырях, вышедшего в 1836 г.¹⁴. В результате в 1839 г. появилось 2 000 церковных школ с 19000 учащихся, в 1841 г. – 2 700 школ с 25 000 уч-ся, в 1851 г. – 4 713 школ с 93 350 уч-ся, в 1860 г. – 7 907 школ с 133 660 уч-ся, в марте 1865 г. – 21 420 школ с 412 524 уч-ся. Затем идет неожиданно быстрое уменьшение количества этих школ. В 1881 г. их осталось только 4 064 с 105 317 учащихся обоого пола¹⁵.

В марте 1865 г. количество церковных школ достигло своего пика. Появление десятка тысяч церковных школ за короткий период с 1859 по 1864 гг. стало неожиданностью для российского общества. Инициатором этого школьно-церковного бума являлось приходское духовенство. Но церковные школы стали предметом критики. Так, данную ситуацию характеризует церковный историк П.В. Знаменский: «Самоотверженная просветительная деятельность духовенства не нашла, однако, сочувствия в странной русской «интеллигенции» 1860-х годов. Печать заподозрила самое существование этих десятков тысяч неожиданно возникших школ и затолковала и о невежестве духовенства, и об отсталости его методов обучения, и об узости самой программы этого обучения (т.е. православно-религиозной) и проч.»¹⁶.

В Министерстве народного просвещения поднялся вопрос о подчинении всех народных школ министерскому ве-

¹³ Там же. – С. 70.

¹⁴ См. Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. – М., 1997. – С. 835.

¹⁵ Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы. – СПб., 1911. – С. 18.

¹⁶ Знаменский П.В. Указ. соч. – С. 429.

домству. В 1862 г. вышел указ, по которому приходскими школами ведали и духовное ведомство, и Министерство народного просвещения в зависимости от того, кто их открывал.

«Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. утвердило новую систему руководства начальным образованием, окончательно ликвидировав старую систему управления. Народная школа изымалась из ведения директоров гимназии и штатных смотрителей уездных училищ и передавалось в ведение уездных и губернских училищных советов.

Народные училища, в том числе и воскресные школы по «Положению» 1864 г., могли открываться различными правительственными ведомствами, а также обществами и частными лицами. Они решали вопрос о платности и бесплатности обучения, о программах и устройстве этих училищ, а также могли изменяться в зависимости от местных условий.

В губернские и уездные училищные советы, кроме представителей различных правительственных ведомств (Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и др.), а также духовенства были допущены представители органов местного самоуправления – земств и Городских Дум (последнее только в уездных советах). Председатель уездного училищного совета избирался самим советом. В губернском училищном совете председательствовал архиерей. Училищные советы принимали решения об организации и закрытии народных училищ, занимались назначением и увольнением учителей и т.п.

В «Положении» говорилось, что начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространения первоначальных полезных знаний. В статье (16 «Положения» предусматривалось, что преподавать в начальных училищах могли лица, которые получали на звание учителя особое разрешение уездного училищного совета, «по представлении» удостоверения в доброй нравственности и благонадежности от лиц, совету известных. К лицам духовного звания эти требования не предъявлялись, духовенство могло преподавать любые предметы¹⁷.

Но в то же время «Положение» практически поставило духовенство в зависимость от чиновников Министерства

¹⁷ См.: Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. — Пермь, 2000. — С. 83.

просвещения, инспекторов, директоров школ и земств. П.В. Знаменский писал по этому поводу: «Все это не могло не отозваться дурно на усердии к школьному делу и самого духовенства. В министерских и земских школах оно очутилось в зависимости от светских лиц, предпочитавших ему своих светских учителей, в обидном пренебрежении и без помощи. Многие земства не желали оплачивать даже законоучительский труд священников, ставя этот труд в число обязанностей самого пастырского звания, другие назначали за него поурочную плату, и притом под контролем светских учителей школ, третьи определяли вознаграждение в форме только наград лучшим законоучителям – все вообще со своей культурной точки зрения считали нужным до минимума сокращать уроки по закону Божию на том основании, что это предмет специальный и что крестьянские дети готовятся не в дьячки. Не мудрено, что духовенство не только перестало открывать новые школы, но стало уклоняться даже от законоучительства в светских школах»¹⁸.

С 1871 г. Св. Синод вынужден был позволить замещение законоучительских вакансий светскими людьми. В 1874 г. архиереи были отстранены от председательства в училищных советах. На их место председателями стали назначаться предводители дворянства. Духовенству же в губернских и уездных училищных советах предоставлялось только одно место¹⁹.

Александр II в своем рескрипте на имя Министра народного просвещения 25 декабря 1873 г. отмечал недостатки начального народного образования и писал: «Народные школы, вместо служения истинному просвещению молодых поколений, могут быть обращены в орудие растления народа, к чему уже и обнаружены попытки»²⁰.

Однако только после смерти Александра II при Св. Синоде 26 января 1882 г. была образована под председательством присутствовавшего в Св. Синоде архиепископа Варшавского Леонтия комиссия по вопросу о предоставлении духовенству преобладающего участия в заведении народных школами. В этой комиссии деятельное участие принимал известный педагог и первый основатель русско-национальной школы С.А. Рачинский. На основании выра-

¹⁸ Знаменский П.В. Указ. соч. — С. 430–431.

¹⁹ Там же. — С. 431.

²⁰ Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода. — СПб., 1911. — С. 18–19.

ботанного комиссией «Положения о церковно-приходских школах» Св. Синод составил «Правила о церковно-приходских школах», которые были утверждены Александром III 13 июня 1884 года.

На всеподданейшей записке обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева с представлением этих «Правил» император собственноручно написал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле».

За три учебных месяца 1884 г. было открыто 1 167 церковно-приходских школ с 33 771 уч-ся и 840 школ грамотности с 15 074 уч-ся. К 1908 г. всех школ насчитывалось 39 749 и училось в них 1 930 782 человека.

Если взять Пермскую губернию, то можно увидеть рост церковных школ по сравнению со школами Министерства народного просвещения. Если в 70-х гг. XIX в. министерских школ было только в 2,3 раза больше церковных, то в 1880 г. уже в 51 раз, но через десять лет к 1890 г. картина кардинально поменялась: министерских школ по сравнению с церковными стало в 1,4 раза меньше, а в 1904 г. – в 3,4 раза.

Доминирование в системе образования земских школ начинается уже с 70-х гг. XIX в. Количество земских школ с 1871 г. по 1904 г., то есть за 35 лет, увеличилось в 5,6 раза, однако в то же время и за тот же период количество церковных школ этого же типа увеличилось в 21 раз, то есть по динамике роста церковные школы опередили всех²¹.

Источники содержания церковных школ были самые многообразные:

1. Пособие из государственного казначейства.
2. Средства церквей, монастырей, братств, миссий, миссионерских комитетов, церковно-приходских попечительств.
3. Пособие из сумм земских сборов.
4. Отчисление из средств городских управлений, волостных, сельских и станичных обществ.
5. Средства фабрик, заводов, частных лиц и т.д.²²

Начиная с 1883 г., государственное казначейство отпускало в пользу церковных школ небольшие ежегодные суммы. В 1895 г. на их содержание было отпущено уже

²¹ См.: Слудковская И.А. Народное образование в Пермском крае в конце XIX – начале XX века. – Пермь, 1998. – С. 160.

²² См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. – СПб., 1910. – С. 302.

700 000 руб., а с 1896 г. ассигнование увеличилось до 3 279 145 руб.²³

18 ноября 1905 года Св. Синод преподал правила и указания по созыву пастырских собраний. Настоятели церкви могли созывать общие церковно-приходские собрания из совершеннолетних прихожан, где должны были решать вопросы, связанные с финансированием и поддержкой церковных школ и избирать церковно-приходской совет. Уже 25 января – 6 февраля 1906 г. Св. Синод призвал церковно-приходские советы, попечительства, братства помочь церковным школам²⁴.

19 октября – 2 ноября 1905 года Св. Синод принял решение, что если кто-либо из лиц инославных проявит особое попечительство об устройстве церковных школ, то в случае ходатайства через епархиального преосвященного Св. Синод может утвердить такое лицо как исключение из правил в звании попечителя церковных школ²⁵.

Таблица

СОДЕРЖАНИЕ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ (1905–1907 гг.)²⁶

Годы	Казенные поступления по смете Св.Синода	Местные поступления	Итого
1905	10 091 916	6 956 276	17 048 192
1906	10 091 253	6 706 096	16 797 349
1907	10 065 509	6 667 897	16 733 406

Правилам 1884 г. о церковно-приходских школах с самого их появления давали диаметрально противоположные оценки. Одни авторы рассматривали «внедрение церковно-приходской школы» как «наступление воинствующей церкви на просвещение народа»²⁷. Однако другие полагали, что появление церковной школы явилось новым революционным шагом в области нравственного воспитания. Так, Витте, который всегда критически относился к православной церкви, говорил: «Я низко кланяюсь и благодарю К.П. (К.П. Победоносцева) за церковные школы. Это его креатура! Вот что он сделал! Я вернулся с дальних поездок по Родине, и что же я видел? В разных местах, в захолусть-

²³ См.: Знаменский П.В. Указ. соч. – С. 431.

²⁴ См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св Синода. – СПб., 1910. – С. 303.

²⁵ См.: Там же.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: Грекулов Е.Ф. Православная церковь враг просвещения – М., 1962. – С. 10.

ях, где нет ни водопроводов, ни мостовых, а непролазная грязь и нищета, в каком-нибудь несчастном селе с покосившимися избышками вдруг видишь чистенькую школу, где встречает учительница со светлой улыбкой и вокруг её опрятные детки с осмысленными личиками»²⁸.

Несмотря на противоположные оценки все сходились в одном: начиная с 1884 г. влияние на воспитание и образование со стороны церкви становится систематическим и общественно значимым. По мнению Ф.Ф. Ольденбурга правила 1884 г. о церковно-приходских школах в корне изменили основные принципы «Положения о народных училищах 25 мая 1874 г.», по которым училищные советы и поместное дворянство призваны были заботиться не только об отдельных училищах, а вообще «об удовлетворении потребностей населения в начальном образовании и о надлежащем нравственном направлении оно»²⁹.

В связи с этим Ф.Ф. Ольденбург писал: «Сотни школ в каждой губернии и десятки тысяч школ по всей России правилами 1884 года совершенно изъяты из пределов ведения училищных советов и всецело поручены попечению местного духовенства под руководством епархиального начальства и под высшим управлением Св. Синода»³⁰.

Основные компоненты содержания обучения и образования в церковных школах сложились к 1902 г.³¹ Это произошло в связи с утверждением 1 апреля 1902 г. «Положения о церковных школах ведомства православного исповедания». В этом положении сказано, что «Церковные школы ведомства Православного исповедания имеют целью распространять в народе образование в духе Православной Веры и Церкви»³². Церковные школы подразделялись на начальные, «предназначенные для начального обучения детей и взрослых», и учительские, «для приготовления учителей в начальные школы». К начальным школам относились: 1) школы грамоты, 2) церковно-приходские (одноклассные и двухклассные) и 3) воскресные. К учительским: 1) второклассные школы и 2) церковно-учительские³³.

²⁸ РГИА. – Ф.1574. – Оп.1. – Д.29.

²⁹ См.: Ольденбург Ф.Ф. Законодательство и справочные издания по начальному народному образованию // Всеобщее образование в России. Сб. статей. – Вып.1. – М., 1902. – С. 9.

³⁰ Там же

³¹ Подробней о становлении церковных школ см.: Нечаев М.Г. Церковные школы в Пермской епархии (1905–1916 гг.) // Прикамье, век XX: малоизвестные страницы истории края. – Пермь, 1997. – С. 73–75.

³² См.: Федотов Ф. Сборник узаконений и распоряжений о церковных школах ведомства православного исповедания. – СПб., 1907 – С.15.

³³ См.: Там же.

Церковные школы были мужскими, женскими и смешанными. В смешанные воскресные школы могли быть допущены лишь дети, не достигшие 12-летнего возраста. Особое внимание духовное ведомство обращало на женское образование. На чрезвычайном собрании Училищного Совета при Св. Синоде в августе 1898 г. было признано, что «обучение женщин является могущественнейшим средством для поднятия религиозно-нравственного уровня и распространения грамотности в народе». В связи с этим епархиальным Училищным советам было предложено: 1) «усилить заботу» об открытии отдельных церковно-приходских школ для девочек; 2) «возложить» на законоучителей обязанность при преподавании Закона Божьего обращать особое внимание «на святых жен и на черты семейственности в жизни святых»; 3) учебное дело в женских школах поручить учительницам, а не учителям (на духовенство это не распространялось); 4) сделать обязательным обучение в женских церковно-приходских школах рукоделию по программе, выработанной епархиальным училищным советам «применительно к нуждам местного населения»³⁴.

Говоря о церковных школах, нельзя пройти мимо такого факта, что данные школы были расположены среди «инородческого», «инославного» и старообрядческого населения. Под инородческим обычно понимали преимущественно финно-угорское население с языческим мировосприятием, а под инославным – мусульман, иудеев и других. В связи с полиэтноконфессиональным составом учащихся необходимо было менять содержание обучения и образования, подчинив его миссионерским задачам.

В определении Св. Синода от 18 декабря 1896 г. – 11 января 1898 г. «Об открытии церковно-приходских школ в местностях с инородческим населением» особо подчеркивалось: «Озаботиться возможно широким распространением в местностях с инородческим населением церковно-приходских школ и школ грамоты, предписав местному духовенству располагать инородческих детей к поступлению в эти школы»³⁵. Подробные указания как обучать «инородческих» детей были даны в циркуляре Училищного Совета от 29 мая 1899 г. «О мерах к улучшению учебно-воспитательного дела в инородческих церковно-приходских школах и школах грамоты». Училищный Совет при Св.

³⁴ См.: Там же. – С. 221.

³⁵ Там же. – С. 222.

Синоде рекомендовал в одноклассных инородческих школах вместо трехлетнего курса обучения вводить четырехлетний по системе Н.И. Ильминского. Исходя из этой системы, преподавание всех предметов, кроме обучения счету, проходило на «инородческих» языках (татарском, марийском, удмуртском, чувашском, мордовском, башкирском и т. д.).

Уже в 1901 г. епархиальным училищным советам было сообщено в циркулярном распоряжении о том, что обучающиеся в церковно-приходских школах дети иудейского и магометанского вероисповеданий не должны быть привлекаемы к обязательному изучению Закона Божьего. В определении Св. Синода от 7 марта – 12 апреля – 28 августа 1906 г. говорилось об освобождении обучающихся в церковных школах детей инославных исповеданий от обязательного изучения Закона Божьего у православного священника. В школах, где большинство учеников было из старообрядческих семей, преподавание Закона Божьего проводилось по старопечатным (старообрядческим) богослужебным книгам специально подготовленными для этой цели преподавателями. Любопытно, что в 1902 г. Св. Синод выпустил определение об открытии в местностях с сектантским населением церковно-приходских школ (под сектантами понимались баптисты, адвентисты, духоборы, хлысты, молокане, скопцы и т.д.), где однозначно было указано, что преподавание Закона Божьего в таких школах надо вести «без обличения и разбора сектантских заблуждений»³⁶.

4 мая 1907 г. во II Государственной Думе обсуждался вопрос о «всеобщем обучении» (речь идет о всеобщем начальном образовании) в России. На этом заседании Министр народного просвещения говорил о том, что для достижения «общедоступности обучения» потребуется 250 000 школ (вне школ было 7 300 000 детей), тогда как в России насчитывалось 90 000 школ (с 5 389 000 учащимися)³⁷. Для того чтобы достигнуть «общедоступности обучения», в Пермской губернии необходимо было открыть 1 590 новых школ. В период с 1908 по 1913 гг. происходит своеобразный «школьный бум». Только в Пермской губернии открылось свыше 1000 школ. В 1914 г. в Пермской губернии всего лишь 19% детей школьного возраста оставалось вне

³⁶ См.: Федотов Ф. Указ. соч. – С. 227–228.

³⁷ Прибавления к Церковным ведомостям. – 1907. – №19. – 12 мая. – С. 785.

школы. В Перми и во многих уездных городах губернии общедоступность обучения считалась достигнутой³⁸.

Если говорить о церковных школах, то здесь бума отнюдь не наблюдалось, как раз наоборот происходило в определенной степени сокращения этих школ. Так, если в 1905 г. в Пермской епархии функционировало 457 церковных школ, то в 1913 г. уже 427. Однако количество учащихся за этот же период в церковных школах возросло на 4104 человек с 16 942 школьников до 21 046.

Всех церковных школ в Пермской епархии в 1912–1913 уч. году было 399. Из них школ второклассных учительских – 5, двухклассных, одноклассных, образцовых при духовной семинарии, епархиальном училище и при второклассных школах 383 и школ грамоты 4³⁹.

Число церковных школ сокращалось прежде всего за счет ликвидации школ грамоты. Так, только за один 1911–1912 учебный год в Кунгурском уезде закрылись 2 школы грамоты – Галашинская и Крутоложская, так как в районах этих школ открыли согласно школьной сети земские училища. Несмотря на сокращения церковных школ, количество учащихся не сокращалось, а увеличивалось, и большая часть приходилась на долю девочек, которых охотнее отдавали в образовательные учреждения духовного ведомства. Как пишет наблюдатель церковных школ П. Богородицкий, «следует констатировать факт, что в населении крепнет сознание пользы и нужды предоставлять начальное образование, наравне с сыновьями, и дочерям, и что прирост учащихся объясняется этим отрядным явлением»⁴⁰.

Закон Божий был главным, основным предметом, вокруг которого группировались все остальные предметы школьного обучения в церковной школе. Содержание предмета: «По закону Божию дети обучались начальным молитвам, избранным утренним и вечерним молитвам, изучали положенный по программе курс Священной истории Ветхого и Нового заветов, краткий катехизис и краткий курс изъяснения богослужения»⁴¹. На кого возлагалось преподавания Закона Божия? Прежде всего, «ввиду его особой важности и значения» преподавание возла-

³⁸ См.: Обзор Пермской губернии за 1914 год – Пермь, 1915. – С. 124–125.

³⁹ См.: Отчет о состоянии церковных школ Пермской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912–1913 учебный год. – Пермь, 1914. – С. 1

²⁴⁰ Там же. – С. 7.

⁴¹ Там же. – С. 11.

галось на священников и заведующих школами. В исключительных случаях на дьяконов и псаломщиков «как ближайших помощников приходских священников в деле законоучительства»⁴². На 1913 г. в Пермской епархии из общего числа 395 преподавателей Закона Божия в школах двухклассных, одноклассных и грамоты законоучителей священников и дьяконов было 247, псаломщиков – 4, учителей и учительниц, преподававших Закон Божий, – 144, что составляет 36% или 1/3 из общего числа законоучителей⁴³.

Из отчета о состоянии церковных школ Пермской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912–1913 учебный год можно узнать оценку в постановки преподавания Закона Божьего в церковных школах: В 128 церковных школах епархии «Закон Божий преподавался обстоятельно, оживленно и назидательно, с соблюдением дидактических приемов обучения. В остальных 241 школах успехи по Закону Божию были удовлетворительны»⁴⁴. Школ «со слабыми успехами» по Закону Божию в отчетном году было 25. Из общего числа всех начальных школ это составляло 6,3% (в 1910–11 уч.г. – 12,5%, в 1911–1912 уч.г. – 8%).

Всего в Пермской епархии в церковных школах работали 563 преподавателя общеобразовательных предметов. Из них домашнее образование имели 11 человек, а не закончивших среднее учебное заведение было 90 человек⁴⁵.

После первой русской революции по прежнему церковные школы функционировали за счет пособий из государственного казначейства, а также средств, получаемых от церквей, монастырей, братств, миссий, миссионерских комитетов, церковно-приходских попечительств, земств, городского управления, волостных и сельских обществ, фабрик, заводов, частных лиц и т.д. Особое значение имели попечители школ.

После Февральской революции в мае 1917 г. московский съезд «деятелей средней школы» принял резолюцию о «необязательности преподавания Закона Божия в учебных заведениях»⁴⁶.

В вопросе о судьбе церковной школы и Закона Божьего в школах других ведомств Временное правительства заня-

⁴² См.: Отчет о состоянии церковных школ – Пермь, 1914 – С. 11.

⁴³ См.: Там же. – С. 11–12.

⁴⁴ См.: Там же. – С. 13.

⁴⁵ Там же. – С. 44–45.

⁴⁶ См.: Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – №22. – 22 июня

ло достаточно однозначную позицию⁴⁷. Уже 4 марта 1917 г. по решению правительства все учебные заведения, в том числе женские училища для дочерей священноцерковнослужителей и учреждения ведомства императрицы Марии, передавались в ведение Министра народного просвещения. Кроме того, Временное правительство вынесло постановление об освобождении от обязательного обучения Закону Божьему тех учащихся, которые относили себя к неверующим, и тех, чьи родители подписывали специальное заявление о том, что возьмут на себя заботу о религиозном воспитании своих детей.

8 мая 1917 г. Временное правительство постановило изъять из ведения Св. Синода с последующей передачей учебному ведомству почти 40 тысяч церковных школ, имущество которых оценивалось в 170 млн рублей⁴⁸. В связи с этим 20 июня 1917 г. было принято правительственное постановление «Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения», предусматривающее передачу церковных начальных учебных заведений⁴⁹. 14 июля в постановлении «О свободе совести» было указано, что предмет «Закон Божий» является необязательным.

Эти решения Временного правительства вызвали у православного духовенства мощную протестную волну. Вопрос о церковных школах и преподавании Закона Божьего обсуждался в церковных кругах на всех представительских уровнях – от приходских собраний до епархиальных съездов, и практически повсеместно отмечалось нежелание уступать правительственным решениям.

Закон о передаче церковно-приходских школах в ведение Министерства просвещения от 20 июня 1917 г. был опубликован в «Вестнике Временного правительства» 25 июня. Только через месяц Училищный совет при Св. Синоде уведомил о нем циркулярным письмом от 19 июля 1917 г. епархиальные училищные советы и уездные отделения. В этом циркуляре Училищный совет предложил

⁴⁷ См.: Королев Ф.Ф. Февральская революция и народное образование // Советская педагогика. – 1952. – №2; Лихачев М.Г. Буржуазная реформация управления народным образованием в России в предоктябрьский период (март-октябрь 1917 года) // Советская педагогика. 1975. – №7; Фомичев И.В. Проблемы народного образования в условиях первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917 г.): Дис... д-ра ист. наук. – М., 1999. – С. 250–259.

⁴⁸ См.: Лихачев М.Г. Указ. соч. // Советская педагогика. — 1975. – №7 – С. 102.

⁴⁹ См.: Распоряжения Временного правительства // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – №10. – С. 114.

епархиальным училищным советам и уездным отделениям «озаботиться передачей» церковных школ, включенных в «школьную сеть» или получающих средства от казны, «представителям Министерства народного просвещения или уполномоченным от него членам местного самоуправления». Однако от Департамента народного просвещения не поступили указания «о порядке, условии и сроке передачи церковных школ местным самоуправлениям», лишь 19 августа 1917 г. вышел циркуляр, где предлагалось городским и земским управам образовать особые комиссии, а также «в кратчайший срок» представить сведения о церковно-приходских школах в департамент. Это циркулярное письмо было получено в губерниях лишь в начале сентября⁵⁰. Но большинство ждали реакции Поместного Собора.

Этому вопросу участники Поместного собора посвятили ряд заседаний в сентябре – октябре 1917 г.⁵¹ Отдел о преподавании Закона Божьего в школе после шести заседаний вынес на рассмотрение собора проект обращения к Временному правительству, где решение о Законе Божьем как необязательном предмете объявлялось неприемлемым. С трибуны Поместного Собора прозвучали речи, в которых была выражена обеспокоенность по поводу «похода» политических партий и «педагогических организаций» на Закон Божий и их стремления объявить школу безрелигиозной. Выступления участников собора в защиту решений Временного правительства были восприняты как попытка нанести церкви удар⁵². В конце концов на 19-м соборном заседании было решено послать телеграмму с просьбой к Временному правительству не принимать каких-либо решений о преподавании Закона Божьего, пока не будет «сообщено постановление Священного Собора по этому делу»⁵³. На 27-м заседании Собор сообщил Временному правительству, что закон от 20 июня 1917 г. о передаче церковных школ в ведомство Министерства народного просвещения «причиняет большой вред Православной Церкви для ее христианско-просветительной деятельности в наро-

⁵⁰ См. Пинегин Ал. свящ. О ликвидации церковных школ // Оренбургский церковно-общественный вестник - 1917 - №42. - 8 октября.

⁵¹ См. Священный собор Православной Российской Церкви. Деяния. - Кн. II. - Вып. 1. - Деяния XVII-XIX. - Пг., 1918. - С. 35-96, Деяния. - Кн. II. Вып. 2. - Деяния XX-XXX. - Пг., 1918. - С. 140-150, 318-322.

⁵² См.: Священный собор ... Деяния. - Кн. II. - Вып. 1. - Деяния XVII-XIX. - Пг., 1918. - С. 35-69.

⁵³ См.: Там же. - С. 88-96.

де и внезапно отнимает у преобразованных приходов одно из средств выполнять свое важное назначение»⁵⁴.

Постановления Священного Собора о церковных школах были изложены в Указе Святейшего правительствующего Синода, в котором говорилось: «Церкви и монастыри, братства, попечительства и другие церковные организации, являющиеся ныне собственниками школ, не должны передавать школьных зданий, имуществ и капиталов в собственность Министерства народного просвещения или других учреждений, но могут только уступить помещения и имущества передаваемых школ во временное пользование...»⁵⁵.

Однако то, что не удалось осуществить Временному правительству, реализовали большевики. Тысячелетняя история церковных школ завершилась в 1918 г., а Закон Божий в школах перестали преподавать, начиная примерно с 1923 г.

Но на этом связь времен не оборвалась, и на рубеже второго и третьего тысячелетий опять актуализировался вопрос, связанный с православной традицией духовно-нравственного воспитания молодежи.

В своем докладе на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13 августа 2000 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II особо отметил изменения, происходящие сегодня во взаимоотношениях церкви и школы в сфере образования. Он говорил: «Православной Церковью ведется значительная духовно-просветительная работа. Созданы городские центры религиозного образования, православные гимназии и лицеи, все больше детей и взрослых занимаются в воскресных школах при храмах и монастырях. Значительное число светских школ вводит в программу обучения предмет «Основы православной культуры». Духовно-просветительная работа проводится в тюрьмах, больницах, домах ребенка, приютах, в армии и на флоте.

Опыт показывает, что в наше время духовно-нравственное воспитание молодежи немыслимо без сотрудничества Церкви с государственной системой образования. Отрадно, что инициативы Церкви в данном направлении встречают поддержку в Министерстве образования Российской Федерации, заключившим договор с Московским Патриархатом...»⁵⁶.

⁵⁴ Священный собор ... Деяния. — Кн II. Вып. 2. — Деяния XX–XXX. — Пг., 1918. — С. 318

⁵⁵ ГАСО. — Ф. 603. — Оп. 1 — Д. 739. — Л. 6.

⁵⁶ Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13–16 августа (машинописная рукопись)

История церковных школ спустя 1000-летие не завершилась и ждет своего естественного продолжения после длительного перерыва. Об этом говорят объективные тенденции, наметившиеся в нашей системе образования. Но это уже будет происходить в иной исторической ситуации. Опыт церковных школ – это прежде всего опыт нравственного воспитания, который так востребован в современных образовательных учреждениях всех уровней.

ЦЕРКОВЬ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX– XX ВВ.

Э.А. Абашев

Как уже неоднократно отмечалось историками, конец XIX – начало XX вв. чрезвычайно сложный для исследования период, противоречивый в области культуры вообще и особенно – в области духовной культуры. Рубеж XIX–XX вв. по праву можно считать переломной эпохой в отечественной истории. Различные по глубине преобразования затронули все сферы жизни общества: от политики и культуры до религии и мировоззрения.

В настоящее время в российском обществе вместе с поиском новых идеологических ориентиров и ценностей происходит активное возрождение культурных традиций дореволюционного прошлого России. Особое внимание уделяется возрождению русской православной традиции.

Деятельность Православной Церкви в России затрагивала многие стороны жизни общества, у нее были самые различные функции: религиозные, социальные, просветительские и другие. Особенно значимым на рубеже XIX–XX в. было служение Церкви в деле просвещения и образования. В одной из газет того времени отмечалось: «Путь, которым Россия дойдет до полного развития своих духовных и материальных сил, несомненно – путь просвещения. «Откройте в России столько школ, сколько есть в Америке», говорит Лавелэ, «и это государство превзойдет могуществом все остальные в мире»¹. До сих пор недостаточно изученный богатый просветительский опыт Русской Православной Церкви через годы забвения вновь становится актуальным и востребованным как практическими педагогами, так и исследователями.

---

¹ ЕЕВ (Екатеринбургские епархиальные ведомости). – 1888. – № 6. – С. 134.

Церковные школы являлись основным компонентом системы духовного образования и воспитания в дореволюционной России, расцвет которых пришелся на рубеж XIX–XX вв. Именно в церковных школах раскрылся богатый просветительский потенциал Церкви, где главное внимание уделялось нравственному и духовному воспитанию личности ученика. Подобный исторический опыт является весьма ценным, особенно в настоящее время поисков и реформ, происходящих в системе народного образования.

Важно отметить, что в русской православной традиции элемент просвещения присутствовал во всех сферах деятельности церкви, выполняя свое прямое назначение: «нести людям свет», свет знания, свет достойного христианина образа жизни. Поэтому вопрос образования напрямую и неразрывно был связан с просветительскими задачами церкви. Возможно, этим объясняется преобладающее значение в церковных школах воспитательного элемента над образовательным.

Становление церковных школ прошло несколько этапов в своем развитии. В 1839 г. в России насчитывалось 2000 церковных школ, в которых было 19 000 учащихся. В 1851 г. в 4 713 школах обучалось 93 350 учеников, а в 1865 г. соответственно – 21 420 школ и 41 2524 учащихся. В связи с реформами 1860–70-х гг. и развитием земской школы произошло резкое сокращение церковных школ. В 1881 г. их осталось только 4064, в них обучалось 105 317 учащихся. Ситуация изменилась с вступлением на престол Александра III, «подлинно церковного государя»². 26 января 1882 г. при Святейшем Синоде была образована комиссия по вопросу о предоставлении духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами. На основании выработанного комиссией проекта Святейший Синод составил «Правила о церковно-приходских школах», которые 13 июня 1884 г. были утверждены императором Александром III. Император, возлагая большие надежды на духовенство в деле воспитания и образования народа, на подлиннике «начертал»: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле»³. На церковно-приходские школы возлагалась задача: «Утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать пер-

² Тальберг Н. История Русской Церкви. – М., 1992. – С. 838.

³ Там же. – С. 335.

воначальные полезные знания». 1 апреля 1902 г. было утверждено «Положение о церковных школах ведомства православного исповедания», которое еще раз подтвердило, что «церковные школы ведомства православного исповедания имеют целью распространять в народе образование в духе православной Веры и Церкви»¹.

После опубликования указа начинается подлинное становление и расцвет церковной школы. Он выразился не только в количественно-качественном измерении, но и в форме сочувствия и поддержки со стороны общества. В это время в периодической печати основное внимание уделялось обсуждению темы церковных школ и начального образования. Так, в «Пермских епархиальных ведомостях» (№25 1885 г.) было опубликовано послание крестьян обер-прокурору Святейшего Синода, в котором они с восторгом отзывались об утверждении «Правил»: «Мы, нижеподписавшиеся, простые русские люди разных губерний,...от всей искренности русской души чтим Вас... за ваше внимание к истинным нуждам народа...Вы нам исходатайствовали церковно-приходские школы. Наши дети выучатся читать..., и всякая душеспасительная книга откроется им. Новые люди зародятся в народе; старая праотеческая набожность, погибающая теперь, возникнет опять у нас; ...духовная сила в народе пребывать будет...». Воспоминания учителей, работавших в церковно-приходских школах, также единодушно утверждают о большой любви крестьян к этим заведениям: «русский народ любит церковно-приходскую школу и охотно доверяет ей своих детей. Она «церковная», рассуждают они, следовательно, дурному в ней ребят не научат, и этих доводов для них совершенно достаточно, потому что связь простого народа со своим батюшкой – крепкая, неразрывная; для него священник, хотя бы он даже и не был достойным пастырем, всегда будет авторитетом, и одно слово его всегда будет иметь большее значение, чем целые речи светских деятелей»⁵. 4 мая 1891 г. вышло утверждение «Правил о школах грамоты», затем с 1896 г. были организованы второклассные школы, а в 1902 г. сформировался новый тип церковных школ – церковно-учительские школы.

В начале XX в. сложилась стройная система церковных школ, которые делились на 2 типа: начальные и учитель-

¹ Федотов Ф. Сборник узаконений и распоряжений о церковных школах ведомства православного исповедания. – СПб., 1907. – С. 15.

⁵ Воронова Е.А. Школа в Алуште. Из воспоминания учительницы. – СПб., 1905. – С. 5.

ские. К начальным относились церковно-приходские школы, школы грамоты и воскресные школы (для взрослых). К учительским, подготавливающим учителей для начальных церковных школ, относились второклассные и церковно-учительские школы.

В школах грамоты, как в самом простом и доступном типе церковных школ, обучали в основном молитвам, чтению и письму на русском и церковно-славянском языках.

В одноклассных церковно-приходских школах было 3 года обучения по следующим предметам: Закон Божий, русский язык, церковно-славянская грамота, пение и письмо. Сведения по отечественной истории и географии сообщались ученикам на уроках русского языка. Двухклассные отличались от одноклассных дополнительными двумя годами обучения и такими предметами, как краткая церковная и отечественная история, география с природоведением, черчение и рисование. Во второклассные школы обычно поступали дети 13–17 лет, окончившие курс начальной школы. За 3 года обучения они изучали: Закон Божий, церковную историю – общую и русскую, церковное пение, русский язык, церковно-славянский язык, отечественную историю, географию, арифметику, геометрическое черчение и рисование, дидактику и рукоделие в женских школах, получали начальные практические сведения по гигиене.

Особое внимание в церковно-приходских школах уделялось пению, которое давало возможность ученикам участвовать в богослужениях и укреплять нравственные основы христианского благочестия. Так, в своем циркулярном письме к благочинным Пермской епархии в 1890 г. архиепископ Владимир писал: «Весьма желательно, чтобы во всех школах дети обучались общему церковному пению, чтобы ученики привлекаемы были к чтению в церкви, а также прислуживали во время богослужения в алтаре и облачались в стихари»⁶.

Одним из важнейших предметов в церковной школе был Закон Божий. Поскольку главной задачей школы было воспитание личности в духе православной традиции и христианских ценностей, то на Закон Божий возлагался целый ряд этико-воспитательных и психологических функций. О них писали следующее: «Задача законоучителя в народной школе вникнуть, понять духовную природу каждого ребен-

⁶ ГАПО. – Ф.588. – Оп.1. – Д.1. – Л.388.

ка и, сообразно с этим, уметь вызвать и гармонически развить и укрепить добрые христианские влечения в нем. Развить в школьнике духовные силы, согреть их христианской любовью, озарить светом Божественного учения – есть основа всякого воспитания. Без этого условия немыслима никакая школа»⁷.

Знакомство с содержанием учебных программ убеждает, что церковная школа построила свой учебный план на общепризнанных началах образования того времени: «предоставив первое и руководящее положение религии, как источнику воспитания воли и созидания цельных нравственных характеров, она дала соответствующее место существенно-потребным элементам светского знания, дополнив то и другое образованием эстетическим»⁸.

Правила 1884 года не только закрепляли за церковно-приходскими школами статус начального заведения, но и разрабатывали учебные планы и программы, предусматривающие подготовку детей для дальнейшей жизни. Программы для церковно-приходских школ были утверждены в 1885 году, в отличие от земских, которые получили их значительно позже. В 1903 году программы одноклассных школ стали одинаковыми с примерными программами начальных училищ Министерства Народного Просвещения.

В связи с увеличением светского элемента в церковно-приходских школах год от года стал увеличиваться срок обучения. В начале XX в. он составил 3–4 года в одноклассных школах, 5 лет – в двухклассных.

Изменения, внесенные в содержание начального образования в церковно-приходских школах, привели к его соответствию со светским образованием, что обеспечивало ученикам полноценную подготовку к дальнейшему образованию. До сегодняшнего дня существует большое заблуждение, что в церковно-приходских школах воспитывали детей в узкоклерикальном духе.

Предметом заботы со стороны учащихся были и чисто внешние навыки: «опрятность детей, чистоплотность, аккуратность в одежде»⁹. Некоторые школы вырабатывали свои особые способы развития у детей нравственного сознания. Так, градо-Пермское Рождество-Богородицкое церков-

⁷ ПЕВ (Пермские епархиальные ведомости). – 1885. – №1. – С. 8–9.

⁸ ГАПО. – ФПИ. – №1176. – Л.15.

⁹ Там же. – Л.16.

но-приходское попечительство открыло 14 ноября 1888 г. Богородицкую женскую церковно-приходскую школу, где с 1895 г. были введены особые дни благотворительности. Их идея заключалась в том, что перед праздниками Рождества и Пасхи ученицы посвящали несколько дней специально делам благотворения, изготавливали одежду для неимущих детей прихода. Причем воспитанницам самим давалась возможность выбрать бедную семью, нуждающуюся в помощи. Таким образом, в детях на практике укреплялись религиозно-нравственные начала, отчего учебно-воспитательный процесс был более успешным.

Церковные школы подчинялись учрежденному при Св. Синоде 19 января 1885 г. Училищному Совету. По епархиям заведовал церковными школами епархиальный преосвященный при непосредственном участии епархиальных Училищных Советов. В уездах управление церковно-приходскими школами осуществляли уездные Училищные Советы.

Церковные школы функционировали за счет пособий от государства, а также средств, получаемых от церквей («кружечные сборы»), монастырей, братств, земств, попечительств, частных лиц и т.д. Так, в 1885 г. на церковно-приходские школы империи правительство ассигновало 550 000 руб., в 1896 г. – 3 454 645 руб., а в 1902 г. уже более 10 млн рублей¹⁰. Важно отметить, что, несмотря на конкуренцию церковных и земских школ, в Пермской губернии земства с сочувствием относились к церковно-приходским школам и оказывали им поддержку. Вскоре после опубликования «Правил» Екатеринбургское земское собрание назначило пособие на каждую церковно-приходскую школу по сто рублей серебром для приобретения книг и учебных пособий¹¹. Оханское земство выделяло подводы для посещения духовенством школ, а Кунгурское обеспечивало церковные школы в своем уезде дровами. Для сравнения, в Калужской епархии в 1885 г. только 9 церковно-приходских школ пользовались поддержкой земства.

Устройство, заведование церковно-приходскими школами, а часто и содержание, возлагалось на приходского священника. Он же первое время после 1884 г. преподавал не только Закон Божий, но и обучал грамоте, то есть фактически учительствовал. Иногда его заменяли другие члены

¹⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории Русской культуры. — М., 1994. — Т.3. — Ч.2 — С. 33.

¹¹ ПЕВ. — 1885. — №1. — С. 4

причта, при этом в большинстве случаев бесплатно, редко с небольшим вознаграждением. Там же, где выделялись средства учителю или учительнице, священники преподавали лишь Закон Божий, а все остальные предметы оставались за учителем.

Учителя в церковно-приходской школе были сотрудниками приходского священника как ответственного ее руководителя. Приходской священник был голосом Церкви, хранителем традиций и законным руководителем воспитания и обучения детей. В этом заключалась и воплощалась идея церковно-приходской школы как школы церковной¹².

Первое время после создания церковно-приходских школ остро чувствовался недостаток в подготовленных учительских кадрах. Церковно-учительских школ на Урале не было. Учителей готовили второклассные школы и педагогические курсы, которые почти ежегодно проводились в Перми со второй половины 90-х гг. Так, в своей «Летописи г. Перми» Верхованцев В. отмечал: «25 июня 1897 г. при духовной семинарии состоялось открытие педагогических курсов для учителей церковно-приходских школ пяти губерний: Пермской, Уфимской, Вятской, Тобольской и Оренбургской»¹³. С 1 по 15 июня 1898 г. в Перми проходили педагогические курсы для учителей одноклассных церковно-приходских школ¹⁴.

Для развития церковных школ в Пермской епархии было характерно следующее: в 1886–87 гг. было 27 церковно-приходских школ (все одноклассные) с 1774 учащимися (1651 мальчик и 123 девочки), 14 школ грамоты с 157 учащимися и одна воскресная школа в Оханском уезде, которую посещали до 70 человек в возрасте от 11 до 28 лет¹⁵. К началу 1890 г. насчитывалось 45 церковно-приходских школ и 37 школ грамоты. К примеру, в Калужской епархии еще в 1885 г. было 148 церковно-приходских школ. В связи с этим епископ Пермский и Соликамский Владимир в письме к благочинным указал на отставание пермского духовенства в деле устройства церковных школ. В результате кропотливой работы к 1892 г. в Пермской епархии насчитывалось 253 церковных школы. Именно в 90-е гг.

¹² Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России конца XIX – начала XX вв. / Под ред. Егорова С. Ф. – М., 2002. – С. 234.

¹³ Верхованцев В. Летопись г. Перми с 1890 по 1912. С приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 г. – Пермь, 1913. – С. 29.

¹⁴ Там же. – С. 31.

¹⁵ ПЕВ. – 1888. – №24. – С. 421.

церковная школа приобретает черты слаженной системы. К 1905 г. двухклассных школ было 4 с 478 учащимися, одноклассных – 173 и 8 526 учащихся, школ грамоты – 274 с 7 826 учащимися и 6 второклассных школ, в которых обучалось 277 учащихся. Итого в 1905 г. в Пермской епархии было 457 церковных школ и 17 107 учащихся, не считая воскресных, миссионерских школ и различных курсов, наподобие классов кройки, шитья и рукоделия или домов труда.

Просветительская деятельность требовала большого количества доступной душеполезной литературы. Еще в 1866 г. Пермская духовная консистория издала указ, предписывающий устраивать библиотеки при каждой церкви. В 1892 г. в Пермской епархии существовало 248 церковных библиотек, а в 1912 г. – 327. Успешным нововведением было устройство в городах для «чтения проходящему народу бесплатной уличной библиотеки», наподобие доски объявлений, где под стекло на время прикреплялись листки из религиозных книг и брошюр¹⁶.

Важно отметить, что церковно-приходские школы создавались, главным образом, в сельской местности, где «население было наиболее безграмотно и нуждалось в скорейшем освобождении от вековых оков, умственного мрака и нравственной грубости»¹⁷. Следовательно, речь шла, в первую очередь, о воспитании крестьянства, которое составляло основную массу населения России – 85%. К примеру, в Англии сельское население составляло 22%, в США – 58,5%, в Италии – 73,6%¹⁸. Естественный прирост население в России был самым высоким, и от характера начального образования зависело будущее государства. Таким образом, правительство, решая вопрос о начальных церковно-приходских школах, решало проблему воспитания подрастающего поколения почти всей России.

В задачи церкви входило не только воспитание и образование детей, но просветительская работа среди взрослого населения. Кроме воскресных школ важным просветительским мероприятием в религиозно-воспитательном отношении стали начавшиеся с 1885 г. внебогослужебные собеседования пастыря со своей паствой¹⁹. В результате этих бесед у людей появилась возможность получить ответ на

¹⁶ ПЕВ – 1885. – № 10. – С. 426.

¹⁷ ГАПО. – ФПИ. – № 1176. – Л. 17.

¹⁸ Россия, 1913 год. – СПб, 1995. – С. 23-24.

¹⁹ ПЕВ. – 1885. – № 51. – С. 728.

многие интересующие их различные богословские и мировоззренческие вопросы. Кроме того, воскресные беседы своей целью имели организацию душеполезного досуга прихожан: «Ввиду всего этого, чтобы истины христианские были известны, по-возможности, всякому христианину и чтобы ослабить вред, происходящий от неведения о них, или от превратного их понимания, епархиальное начальство, заботящееся о благе своих духовных чад, признало полезным открыть в храмах внебогослужебные беседы пастырей с пасомыми. Внебогослужебные беседы приносят нам ту особенную пользу, что в них всё непонятное в христианском учении и законе, а равно и в православном богослужении может объясняться полно, понятно и в должном порядке; с другой стороны, беседы, назначаемые в послеобеденное время, не будут ли служить для благочестивого христианина лучшим занятием во дни праздничные и воскресные, чем все мирские увеселения и удовольствия, взаимные для гостьбы посещения, пустые разговоры и пересуды»²⁰.

Кроме обучения прихожан духовным истинам Церкви через священников, часто приходилось увещевать недоверчивых ко всему новому крестьян делать прививки от оспы, которые в народе прозвали «прививками сатаны». Также священники обучали людей гигиеническим навыкам, из-за отсутствия которых в обществе была высокая детская смертность (на 100 умерших в год приходилось до 80 младенцев до года).

Первой церковь начала борьбу с пьянством. С этой целью организовывались братства. Выпускники некоторых церковных школ брали на себя обет не употреблять спиртных напитков. Издавались специальные популярные периодические издания. Уже в 50-е годы XIX столетия в России начали появляться первые приходские общества трезвости. В 1859 г. Св. Синод своим указом благословил священнослужителей «...живым примером собственной жизни и частым проповедованием в Церкви Божией о пользе воздержания содействовать возникшей в некоторых городских и сельских сословиях решимости воздерживаться от употребления вина...». Определение Св. Синода, подготовленное в 1889 г. обер-прокурором К. П. Победоносцевым, призвало духовенство учреждать общества трезвости, приходские попечительства, братства и другие подобные

²⁰ ПЕВ. — 1885. — №51. — С. 730.

учреждения, словом и проповедью утверждать в народе трезвый образ жизни²¹. К началу XX в. практически в каждой епархии имелось общество трезвости. В Пермской губернии при активном участии архиереев были открыты общества трезвости во многих селах: Кунгурском, Арамилском, Басмановском, Щелкуновском, на заводах Нижне-Синячихинском, Сысертском, Полевском, Шуралинском, Нижне-Тагильском, Богословском. Важно отметить, что некоторые общества уже существовали раньше, но потом они прекратили свою деятельность, а с 1910 г. снова возродились. В 1912 г. в Москве состоялся первый всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом на религиозно-нравственной основе.

Таким образом, просветительство являлось комплексом разнообразных мероприятий и направлений деятельности, из которых здесь мы затронули лишь основные. Церковь не только обучала народ основам православия и начальной грамоте, она во многом была интегрирующим элементом в российском обществе. Далекое не все просветительские задачи были решены, но положительные результаты решенных вопросов были хорошо видны.

В начале XX века церковные школы представляли собой стройную систему начального образования, постепенно подготавливая почву для обязательного всеобщего начального образования, о котором прогрессивные круги общества задумывались еще в 90-е гг. XIX в.

В советской историографии преобладали критические оценки роли и места Церкви и ее школ в системе образования и просвещения²². Однако история свидетельствует о значительном вкладе церковной школы в дело образования и воспитания общества, в том числе и женской его половины. Этот момент также свидетельствует о серьезном и правильном, по сути, подходе церкви и правительства к вопросу начального образования и воспитания. Просветительская деятельность церкви до событий 1917 г. была частью государственной политики правительства и царя. От успехов церкви в деле просвещения во многом зависел и успех государства в сохранении своего строя. Поэтому в своем отчете за 1899 г. К.П. Победоносцев отмечал: «Число церковных

---

²¹ Бачинин И.А. Лежнина А.Н. О деятельности обществ трезвости в Екатеринбургской епархии в начале XX в. // История Православия на Урале: Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 120 - летию Екатеринбургской епархии. – Екатеринбург. 2005. – С. 15.

²² Никольский Н. М. История русской церкви. – М., 1974. – С. 44.

школ исключительно женских значительно увеличивает-ся... Нет сомнения, что женщина-мать, воспитанная в церковных школах в духе православия и христианской нравственности, будет в том же духе и направлении воспитывать своих детей, а это в будущем составит оплот православия, русской народности и преданности престолу»²³.

РОЛЬ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ И ПРОГИМНАЗИЙ В ДЕЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЬНИЦ НА УРАЛЕ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Е. В. Ветлугина

В Российской империи еще в первой половине XIX в. деятельность женщин на педагогическом поприще ограничивалась лишь службой в качестве домашних учительниц и воспитательниц. Только в 60-е гг. XIX в. распространение в обществе получила идея о привлечении женщин к преподаванию в народных школах. В Петербурге и Москве стали появляться общества воспитательниц и учительниц, основными задачами которых являлись организация педагогического образования для женщин и подыскание им учительской работы.

Со второй половины XIX в. получило некоторое развитие женское общее образование. Еще в 1858 г. было открыто несколько общедоступных женских школ-гимназий. Согласно «Положению о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» от 10 мая 1860 г., учреждаются женские училища двух разрядов: с шестилетним сроком обучения – первого разряда и трехлетним – второго.

С 1862 г. по инициативе педагога Н.А. Вышнеградского в России открываются женские семиклассные Мариинские гимназии, затем гимназии системы Министерства народного просвещения с семи-восьмилетним сроком обучения. В 1870 г. было принято «Положение о женских гимназиях». Органы самоуправления были заинтересованы в них как в учебных заведениях не столько общего, сколько специального образования. К.Д. Ушинскому принадлежала мысль об использовании старших классов женских гимназий для подготовки учительниц.

Им было организовано подобное обучение в Смольном

²³ Бонч-Бруевич Л.В. Силы русского клерикализма // Религия и церковь в истории России. – М., 1975. – С. 211.

институте, составлена программа педагогического курса, положенная в основу преподавания в дополнительном классе гимназии.

Первые педагогические классы при столичных и провинциальных женских гимназиях ведомства учреждений императрицы Марии открываются в 1864 г., а в 1870 г. создаются педагогические классы при женских гимназиях Министерства народного просвещения. Эти гимназии состояли из подготовительного, семи основных и одного педагогического классов. «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения» (1870 г.) предусматривало выдачу девушкам, окончившим семь классов, аттестата о звании учительницы начальной школы, а окончившим восемь классов – о звании домашней учительницы; получившие медали имели право быть домашними наставницами¹. В 1874 г. издано специальное «Положение о педагогических классах».

На Урале в 60–70-е гг. XIX в. было создано три женских училища I разряда и 8 училищ II разряда, позже переименованных в гимназии и прогимназии². В них в подготовке учителей особую роль играли педагогические классы. Как правило, они возникали под влиянием деятельности передовой общественности, обеспокоенной нехваткой учителей.

Среди этих учебных заведений – Пермская Мариинская женская гимназия, престиж которой с момента открытия (в 1861 г.) был неизменно очень высок. Восьмой педагогический класс функционировал при ней с 1870 г. За первые 15 лет педагогическое образование получили 289 учениц³.

Согласно «Правилам педагогических курсов при Пермской Мариинской женской гимназии», выработанным Педагогическим советом гимназии и утвержденным в апреле 1873 г. попечителем Казанского учебного округа, учреждались два отделения: первое (старшее) – для окончивших курс гимназии готовило домашних наставниц и учительниц, второе (младшее) – для прошедших прогимназический курс готовило сельских учительниц. Плата за обучение на старшем отделении составляла 25 рублей, на млад-

¹ Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения. Утвержд. 24 мая 1870 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1871. – Т.4.

² Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 г. – СПб., 1865.

³ Шестаков И. Несколько слов по поводу открытия женских гимназий и прогимназий с педагогическими классами. – Пермь. 1888. – С. 87.

шем – 15⁴. В программы отделений включались следующие предметы⁵:

Предмет	Отделение домашних наставниц и учительниц (часов в неделю)	Отделение сельских учительниц (часов в неделю)
1. Закон Божий	1	1
2. Педагогика	4	4
3. Русский язык	3	5
4. Арифметика	2	4
5. Естествоведение	1	1
6. Французский язык	3	–
6. Немецкий язык	3	–
7. География	2	1
8. История	2	2
9. Гигиена	2	1
10. Пение	1	1
11. Наглядное обучение	1	1
Всего	24	23

Таким образом, разница в курсах обучения заключалась в количестве еженедельных часов по некоторым предметам и отсутствию на младшем отделении иностранных языков. С 1883 г. на этом отделении был введен обязательный курс бухгалтерии. Начальница гимназии так определила его необходимость: «...некоторые из воспитанниц, не сознавая за собою способностей к педагогической деятельности или не чувствуя призвания к ней, желали бы иметь другого рода службу, например, заниматься в купеческих конторах, магазинах и тому подобное. ... Существенная помощь ученицам будет оказана учебным заведением, если оно даст им возможность в течение годовичного курса VIII класса прослушать бухгалтерию, столь необходимую при многих экономических предприятиях»⁶.

Перед началом учебного года каждый из преподавателей предоставлял в Педагогический совет подробную программу с указанием приемов обучения. А «для большего ознакомления с делом преподавания» практиковалось пригла-

⁴ Семченков В. К. Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за двадцать пять лет ее существования (с 1861 по 1886 год). – Пермь. 1886. – С. 917.

⁵ Там же. – С. 88–89.

⁶ Там же. – С. 91.

шение учениц на те заседания Педагогического совета, на которых обсуждались методы преподавания и классная дисциплина. Для практических и самостоятельных занятий «педагогичек» при курсах имелся кабинет детских игр по методу Фребеля с обширными наглядными материалами⁷. В 1878 г. Педагогический совет гимназии ввел правило, по которому ученицы младшего отделения для получения звания городской учительницы должны были иметь по основным предметам – Закону Божию, русскому языку и арифметике – высшие отметки (5 и 4), а по дополнительным (не читавшимся в городских начальных училищах) допускалась одна «тройка»⁸.

В Мариинской гимназии была организована и система испытаний на звание домашней учительницы или наставницы для ее бывших выпускниц. Желающие подвергались сокращенному специальному испытанию на Педагогическом совете. На основании Положения Государственного совета о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения выдержавшим экзамен присваивалось звание учителя начальной школы.

С первого же года работы педагогических отделений Пермское губернское земство ежегодно отпускало на их содержание 1500 рублей, поступали небольшие суммы из Министерства народного просвещения, а также пожертвования от горожан. Однако из-за постоянного недостатка средств и помещений не было отдельного кабинета, учебных пособий и библиотеки с необходимой литературой. По этой же причине отсутствовала «первоначальная школа», где ученицы могли бы практиковаться в обучении. Для выхода из ситуации женская гимназия некоторое время использовала приготовительный класс Пермской мужской гимназии, но это было крайне неудобно обоим учебным заведениям.

Если в первые годы после открытия педагогического класса в Мариинской гимназии обучалось по 7–10 человек на старшем и младшем отделениях, позже – по 11–15 человек, то в 90-х гг. почти все ученицы предпочитали закончить VIII класс и получить специальное образование⁹. При этом в педагогические классы принимали выпускниц и из других гимназий и прогимназий. Увеличивалось число

⁷ Там же. – С. 88.

⁸ Там же.

⁹ Мариинская женская гимназия в Перми к пятидесятилетию юбилею (1861–1910). Пермь, 1913. – С. 119–121.

учащихся в педагогических классах Пермской, Александровской, Камышловской, Ирбитской гимназий, в Осинской прогимназии и др.

Желающих обучаться в Пермской Мариинской гимназии было намного больше количества, установленного для приема, поэтому «приходилось отказывать девочкам, даже выдержавшим вступительный экзамен¹⁰». Поскольку число параллелей в младших классах увеличилось до четырех, то весьма своевременным оказалось открытие в августе 1881 г. в Перми женской прогимназии. Вскоре после этого директор народных училищ А.П. Раменский поставил вопрос об открытии при ней педагогического класса. Его поддержали и другие педагоги, в частности инспектор училищ В.К. Семченков. Необходимость срочного открытия педагогического класса при прогимназиях они мотивировали тем, что выпускницы гимназии заканчивали курс обучения в 18–19 лет. Одни из них находили более «спокойную и выгодную службу», другие выходили замуж, и лишь немногие шли учительствовать. Учащиеся прогимназии оканчивали курс в 14–15 лет и с 16-летнего возраста могли работать в народных училищах¹¹. Предложение А.П. Раменского не нашло поддержки у земских деятелей. Под давлением педагогической общественности Пермское земство выделило средства на открытие и содержание нескольких педагогических классов в прогимназиях Перми, Соликамска, Оханска, Екатеринбургa. Эти меры способствовали тому, что число народных учительниц в крае заметно увеличилось.

По переписи 20 марта 1880 г. в четырех уральских губерниях имелось 5 гимназий и 17 прогимназий¹². К 1900 г. количество прогимназий увеличилось до 25.

В Оренбургском учебном округе (кроме Вятской губернии) к 1900 г. удалось преобразовать Красноуфимскую прогимназию в гимназию, увеличить количество прогимназий с 8 до 15¹³. Этот учебный округ оказался единственным в стране, где показатели развития женского среднего образования были выше, чем мужского. По данным 1894 г. одно мужское среднее учебное заведение приходилось на

¹⁰ Пермские губернские ведомости. — 1881. — №70. — С. 34.

¹¹ См.: Раменский А.П. Наиболее доступные способы приготовления кандидатов на учительские должности народных учителей. — Пермь, 1902.

¹² Статистика Российской империи. Вып. 3: Университеты и средние учебные заведения. — СПб., 1888.

¹³ Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875–1899). — Оренбург, 1901. — Вып. 1. — С. 97.

930 тыс. душ и на 160 тыс. кв. верст, а одно женское – на 655 тыс. душ и на 81 тыс. кв. верст¹⁴.

Бугаева С.Я. приводит сведения о контингенте учащихся женских гимназий и прогимназий всех четырех губерний Урала на 1880 г.: из потомственных дворян – 4,7%, остальные из разночинства – мещан (около 25%), личных дворян (23%), духовенства (19,7%), почетных граждан (11,6%), крестьян (10,6%)¹⁵. Данные о социальном составе учащихся только гимназий по Оренбургскому учебному округу в 1870–1890-е гг. дают вполне традиционную картину – более 50% принадлежали к семьям дворян и чиновников¹⁶. Плата за учебу в женских гимназиях от 15–30 рублей в 1860-е гг. возросла к концу века до 60–80 рублей, т.е. значительно, чем в мужских. Учеба в прогимназиях была намного дешевле – от 10 до 30 рублей¹⁷.

Переписка между попечителями Оренбургского учебного округа и местными органами самоуправления свидетельствует о том, что вопрос о женском образовании вызывал противоборство двух направлений: учебное начальство, выражая официальную линию, стремилось ограничить уездные города женскими Мариинскими училищами, а общественность городов боролась за создание прогимназий¹⁸.

Земские статистические материалы Пермской губернии 1882 г. дают представление о количественном соотношении учителей и учительниц в земской школе: женщины-педагоги составляли уже 32% от общего состава¹⁹. Если учесть, что феминизация школы насчитывала всего десятилетие, то можно признать темпы этого процесса очень значительными. В 1875 г. Пермская губернская управа так формулировала свою политику в этой области: «Женщины предпочтительнее мужчин и в таких случаях, когда уровень умственного образования тех и других одинаков. Условия нашего быта таковы, что редкий знающий, способный и находящийся в нормальных условиях мужчина выберет карьеру учителя...»²⁰.

¹⁴ Личков Л.С. Высшее и среднее образование // Производительные силы России. – СПб., 1896. – С. 24.

¹⁵ См.: Бугаева С.Я. Образовательный уровень уральской интеллигенции в конце XIX – начале XX в. // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX вв. – Свердловск, 1990. – С. 91.

¹⁶ Исторический очерк народного образования... Вып.2. – С. 80.

¹⁷ Там же. – С. 92.

¹⁸ Там же. – С. 10–28.

¹⁹ Сборник Пермского земства. – 1883. – Кн. 2–3. – С. 1–25.

²⁰ Там же. – 1876. – Кн. 1–3. – С. 195–196.

В 1885 г. врач И. Моллесон, проводивший статистические исследования земской интеллигенции, писал: «Наибольшим кредитом по своим педагогическим способностям начинают пользоваться учительницы из гимназисток, наибольшее число которых в Пермском (22%) и Шадринском (17%) земствах»²¹. Низкий экономический уровень развития государства на многие десятилетия определил феминизацию народного образования. Урал не случайно находился в лидерах по темпам развития женского среднего образования. В частности, основная масса учительниц Пермской губернии получали образование в средних учебных заведениях и женских прогимназиях (55,3% и 28% соответственно)²². Тогда как по данным переписи сельских училищ европейской части России, проведенной в марте 1880 г., среди учительниц народных школ выпускницы гимназий и прогимназий составляли лишь 34%²³.

Учительница с высшим образованием в земской школе была явлением исключительным. Некоторые земства прямо указывали на причины отсутствия в своих школах высококвалифицированных специалистов. Так, в докладе по данному вопросу Шадринской земской управы говорится: «Что ожидает впереди учительницу? Незначительное жалованье, отсутствие удобных квартир, одиночество, скука, отсутствие каких бы то ни было развлечений, утомительная работа»²⁴. Однако пермские гимназии никогда не ощущали недостатка учениц. Напротив, не всех желающих могли принять на учебу. На строгом вступительном экзамене шел отбор будущих гимназисток, многие девочки не выдерживали конкуренции, что вызывало недовольство местного населения.

Значительную роль в развитии женского педагогического образования в Перми на рубеже веков сыграли частные гимназии – прежде всего, частная гимназия Л.В. Барбатенко с VIII педагогическим классом, открытая в 1907 г. В отчете гимназии за 1915 г. отмечено, что в восьмом классе обучалось 25 учениц, из них 7 девочек из семей крестьян, 4 – дочери чиновников, 4 – мещан, 8 – именитых граждан, 1 – дочь дворянина, 1 – священника²⁵. Показательно,

²¹ Сборник Пермского земства. – 1885. – Кн. 1 – С. 5.

²² Очерки народного образования в Пермской губернии в 1902 г. – Пермь. 1904. – С. 27.

²³ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. – М., С. 194.

²⁴ Сборник Пермского земства. – 1900. – №4. – С. 17.

²⁵ Слудковская И.А. Из истории подготовки учительских кадров на Урале во второй половине XIX в. // Из истории народного образования Урала. – Пермь, 1976. – С. 41–42.

что основной состав учениц частной гимназии – дочери зажиточных селян и городских средних слоев. Отчасти это объясняется тем, что государственная гимназия (особенно Мариинская) по-прежнему оставалась недоступной для низших слоев населения. Кроме того, в частной гимназии привлекало и то, что плата за обучение осуществлялась за счет общественных пожертвований. В 1916 г. в первый класс гимназии Л.В. Барбатенко поступили 48 девочек, из них 5 – из семей крестьян, 5 – сельских обывателей, 17 – мещан, 5 – купцов и дворян, 2 – дочери чиновников, 6 – почетных граждан, 1 – интеллигенции²⁶.

В частной гимназии отсев учениц тоже был значительным, он нарастал к старшим классам. Его причинами могли быть отсутствие достаточных материальных средств у многих семей, несмотря на помощь общества вспомоществования, либо стремление способных учениц получить образование в более привилегированных гимназиях, переход в которые был возможен при сдаче экзамена.

Как правило, частные женские гимназии организовывались по инициативе интеллигенции на благотворительные средства, но определенная часть средств выделялась из казны на усмотрение местных властей. В 900-е гг. открывается женская гимназия общества педагогов под руководством М.Н. Зиновьевой и частная гимназия, учрежденная А.И. Дрекслер-Голынец²⁷.

А.И. Дрекслер-Голынец являлась активной участницей дискуссий по вопросам женского образования. В 1908 г. она принимает решение открыть и возглавить частную женскую гимназию и вскоре получает официальное разрешение министра просвещения Кассо на создание женской средней школы. Материальную помощь гимназии оказала фирма ВОГАУ «Караван-чай» (представителем ее на Урале был муж А.И. Дрекслер-Голынец – Э.К. Дрекслер), а также Н.В. Мешков. Плата за обучение была несколько ниже, чем в других частных гимназиях, поэтому сразу же в первый класс записалось более двадцати девочек. Торжественное открытие гимназии состоялось в 1910 г. Следует подчеркнуть высокий образовательный уровень преподавательского состава гимназии: занятия вели выпускники Фребелевских курсов, учителя мужской и Мариинской гимназий, литературу

²⁶ Слудконская И.А. Указ. Соч. – С. 41–42.

²⁷ История народного образования г. Перми до 1917 года. – Пермь, 1997. – С. 10

и историю преподавали ученые Пермского университета после его открытия в 1916 г. Педагогический класс был создан в 1916 г., при этом обучение в нем продолжили почти все выпускницы гимназии. До 1918 г. аттестаты о присвоении звания учительницы получили два выпуска педагогического класса. После октябрьских событий 1917 г. частные школы были ликвидированы, ученицы продолжали обучение в смешанных средних школах, а форма подготовки учительских кадров в педагогических классах и частных, и государственных гимназий и прогимназий была утрачена.

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. в области народного образования наряду с узким слоем высокообразованных специалистов, получивших квалификацию в специальных учебных заведениях, большинство учителей имели общее начальное и среднее образование. Это было результатом отставания социокультурной сферы в целом и, в частности, неразвитости школьной системы.

Функцию профессиональной педагогической подготовки в некоторой мере взяли на себя женские гимназии и прогимназии, повлияв таким образом на рост образовательного ценза педагогических кадров. В них готовили учительниц для начальных школ, домашних учительниц и наставниц, сдавали экзамены желающие работать в государственных или частных учебных заведениях.

Доступность обучения в женских гимназиях и прогимназиях (прежде всего, в материальном плане) способствовала пополнению учительских кругов выходцами из крестьян, мещан, сельского духовенства, обедневшего дворянства и чиновничества. Профессия педагога становится более массовой. Бывшие гимназистки, получив педагогическую подготовку, оживили преподавание в школе, подняли уровень грамотности населения. Их охотно принимали на работу как в земские, так и в министерские школы.

Характерно, что дополнительные педагогические классы в гимназиях и прогимназиях открывались при непосредственном участии передовых педагогов, земских представителей, меценатов.

Можно отметить, что в рассматриваемый период женское педагогическое образование не только появилось, но успешно развивалось и далее; за счет притока женщин процесс формирования учительства активизировался.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Л.В. Женина

Необходимость последовательных мероприятий просветительского характера осознавалось образованной общественностью России, в том числе и представителями выборных земских органов. Земские деятели, выступая посредниками культурных новаций, на рубеже XIX–XX вв. берут на себя осуществление и проведение мероприятий по созданию системы всеобщего образования, развитию профессионального обучения, распространению медицинского и санитарного просвещения, формированию свободомыслящей личности, просвещенной в правовых и политических вопросах. Преодолеть традиционализм сознания большинства населения, убедить необразованный народ в необходимости данных мероприятий – это было важно в просветительской деятельности земств.

Под просветительством мы понимаем комплекс мер, направленных не только на распространение теоретических и практических знаний, но и воздействие на традиционную эмоционально–чувственную культуру, в целом, формирование рационального отношения к действительности. Соприкосновение традиционной крестьянской культуры, основанной на здравом смысле, народной мудрости, с рациональной культурой, базирующейся на достижениях наук, теоретических изысканиях, безусловно, создавало трудности. Посредниками в просветительском процессе выступали земские представители и служащая в земствах интеллигенция, которые приняли на себя разрешение конфликтных ситуаций, явившихся следствием модернизации духовной сферы.

На начальном этапе существования земства самоопределились в выборе приоритетных направлений деятельности по содействию местным «нуждам», вырабатывали собственное видение рационального использования земских средств в области образования, медицины, права, сельского хозяйства, кустарной промышленности. К 90-м гг. XIX в. деятельность земств в виде «единовременных» акций по разным сферам общественной жизни постепенно трансформируется в целостную систему мероприятий, стержнем которой в области культурно-просветительской деятельности становится формирование новых мировоззренческих основ общества.

На рубеже веков три структуры: государство, церковь и земство – претендовали на ведущую роль в просветительском процессе, сердцевиной которого признавалось развитие образования в России. Утвердившаяся установка на приоритет государства и церкви в области просвещения над мероприятиями общественных органов самоуправления вызывала дискуссии в обществе.

Консервативно настроенная пресса вслед за официальными кругами утверждала, что «просветительная деятельность принадлежит церкви и правительству и никому другому... заведование земствами хозяйственной частью сельской школы не может быть названо просветительной деятельностью»¹. Либеральные издания парировали: «законодательство, возлагает на земства попечение о развитии средств народного образования... попечению нельзя отказать в просветительском характере»².

Альтернативные модели образовательных учреждений (земские народные, церковно-приходские, государственные, частные школы) формировали вариативность образовательного пространства. Стремление к унификации образовательного процесса в рамках определенных институтов являлось вполне естественным в государстве, для которого свойственен политический монизм.

Предоставленное земствам со стороны государства право учреждать, финансировать образовательные учреждения, нанимать учительский персонал способствовало формированию самостоятельной общественной системы образования. Б.Н. Чичерин отмечал, что «...несмотря на скромную роль в деле народного образования, земство умело воспользоваться представленными ему правами. Оно явилось в нем инициатором... Русская народная школа есть создание земства, и это будет составлять вечную его заслугу перед Отечеством»³.

Охранительные мероприятия правительства, направленные на сдерживание земского творчества, на уменьшение земского воздействия на народное просвещение, проводились административными методами, поэтому не могли противостоять росту влияния земских школ в деле образования.

Попытка ограничить воздействие земств на народное просвещение нашла свое отражение в проекте «Наказа

¹ «Речи консерватора» // Гражданин. – 1904. – № 14.

² Из общественной хроники // Востник Европы. – 1904. – №3. – С. 424

³ Вопросы политики. – 1899. – С. 72–73.

училищным советам» 1901 г., который развивал официальную позицию о сведении роли земств в вопросах образования к хозяйственно-бытовому обслуживанию. Проект «Наказа...» широко обсуждался на заседаниях земских собраний. Резкая критика земцами проекта «Наказа...» касалась, прежде всего, того факта, что он «совершенно устраняет земство от всякого участия в деле народного образования, передавая принадлежащие в настоящее время земству права или училищным советам, или инспекции»⁴.

Негативные отклики на проект «Наказа училищным советам» в прессе, ходатайства земств о не введении его в действие приостановили придание ему статуса закона. Правительство не стало усиливать конфликтную ситуацию, осознавая, насколько сильным в образованном обществе было мнение о том, что «земству Россия обязана сравнительно широким развитием народного образования, ... оно приучило народ к школе, заставило понять всю пользу учения, создало новый тип народного учителя, новые приемы преподавания»⁵.

Целенаправленные действия властей по ограничению деятельности земств в вопросах школьного образования активизировали местные органы самоуправления на переход от количественного принципа в отношении устройства системы образования к качественной ее организации. Потребность в «экстенсивном» организационном росте системы школьного образования объективно себя еще не исчерпала. России по-прежнему важно было всеобщее образование, требующее, прежде всего, наличия большого количества школьных зданий, преподавательского состава. Наряду с хозяйственно-организационными мероприятиями земства обращали внимание на содержательную сторону преподавания, что создавало условия для формирования качественного отличия земской системы образования.

Рациональный подход к организации любого направления в деятельности земств выражался в его предварительном статистическом исследовании, поиске адекватных способов реализации назревших потребностей. Статистические исследования земцев от анализа «внешних» проявлений земской деятельности (количество школ, учащихся, объемов финансирования) переходят к исследованию «внутрен-

⁴ Из доклада Уфимской губернской управы 30-му чрезвычайному губернскому земскому собранию по поводу проекта «Наказа училищным советам» // Саратовская земская неделя. – 1901. – № 26–29. – С. 83; Сборник Пермского земства. – 1901. – № 2.

⁵ Из общественной хроники // Вестник Европы. – 1904. – № 3. – С. 425.

них» начал организацию системы народного просвещения: цели, технологии преподавания, содержание, влияние грамотности на жизнь населения и т.п. Таковым являлось исследование начала XX в., проведенное в Пермской губернии Д.М. Бобылевым⁶.

При активной поддержке государства церковь активизировала действия по распространению своего влияния на школу со второй половины 80-х гг. XIX в. 13 июня 1884 г. увидели свет «Правила о церковно-приходских школах», которые регламентировали деятельность данных школ и ставили их в непосредственное подчинение Особому совету при святейшем Синоде. Расширение сферы воздействия церкви на школу отмечалось в 90-е гг. XIX в., когда к числу церковно-приходских школ стали причислять школы грамотности (1891 г. – Правила о школах грамоты)⁷.

«Вестник Европы» констатировал, что «русское духовенство в прежнее время вовсе не заботилось о школах, безграмотность народа казалась в порядке вещей..., но, как скоро возникли земские школы, так у начальствующих в духовном ведомстве лиц явилось желание самим устроить что-нибудь в этом роде». Соревнование земства и церкви в данном вопросе могло оказать пользу школе, если бы оно «не сопровождалось искусственно прививаемую враждою к земским школам, которые пытаются подорвать прямо и косвенно, с тем, чтобы перетянуть средства и влияние на свою сторону»⁸.

Земцы Пермской губернии не видели в церковно-приходских школах соперников, полагая, что «всякая школа, будь она земская или церковно-приходская, полезна, ...они преследуют одну и ту же цель»⁹. Однако, когда речь заходила о финансовой поддержке последних, то гласные уральских земств высказывались более прагматично: «нужно лучше заботится о своем деле (земских школах) и упорядочивать его, а не увеличивать пособие духовному ведомству»¹⁰.

Отношение населения к церковно-приходским школам

⁶ Сборник Пермского земства. – 1901. – № 1-2.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. – СПб., 1884. С. 1874; Абрамов В.Ф. Земство, народное образование и просвещение//Вопросы истории – 1998. – №8. – С. 44-59.

⁸ Из общественной хроники// Вестник Европы. – 1904. – №3. – С. 426.

⁹ Журналы Пермского губернского земского собрания 29 очередной сессии. – Пермь, 1899. – С. 40.

¹⁰ Пермское уездное земское собрание 31-й очередной сессии// Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 208; Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания... Т.2. – С. 98.

было достаточно прохладным. Большинство корреспондентов крестьян, принявших участие в социологическом опросе, организованном статистическим бюро Пермского губернского земства, отдали предпочтение земским школам в противовес церковно-приходским¹¹.

Противостояние церкви и земства в вопросах влияния на школу достигло своего апогея в 1898 г., когда Сенатом решался вопрос о правомочности и целесообразности обращения земских начальных школ в церковно-приходские школы и передаче их в епархиальное ведомство. Сенатом подобные действия были признаны неправомерными¹².

Безусловно, церковно-приходские школы не могли быть реальными соперниками земских школ, они возникли позже, и результат их деятельности при недостаточном финансировании был менее ощутим, однако и та и другая образовательная система для России была необходима. В начале XX в. осознавалась важность совместного участия различных структур в осуществлении образовательных программ. Таким образом, земства не являлись одиноками радателями за распространение общеобразовательных, ремесленных, сельскохозяйственных и иных знаний. В данных вопросах они соприкасались с государственными и общественными институтами, структурами духовного ведомства.

Образование являлось одним из важных составляющих культурно-просветительской деятельности земств. На рубеже веков четко прослеживалось создание системы общеобразовательных учреждений и становление профильного обучения.

В Пермской губернии при содействии губернского земства открылись четвертые сельскохозяйственные отделения при народных училищах. Собрание преподавателей этих учебных заведений в 1900 г. продемонстрировало различные отношения к подобным учреждениям. Директор народных училищ А.П. Раменский высказал недовольство тем, что происходит уклонение от предполагавшейся первоначально организации, что «отделения приняли характер научно-образовательно-прикладных учебных заведений» и не имели связи с местными народными школами.

Преподаватели согласились, что цель данных отделений не только образовательная, но и рассчитана на «развитие

¹¹ Богатырева О.Н. Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в.: Дис... канд. ист. наук. – Екатеринбург. 1996. – С. 174

¹² Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – 1904. – №5. – С. 323.

умственного кругозора учащихся..., чтобы преподавание естественно-исторических и сельскохозяйственных сведений вело учащихся к сознательному отношению к явлениям окружающей природы и сельского хозяйства»¹³.

Перспективу развития данных учебных заведений обрисовал заведующий отделением общей статистики губернского земства Владимирский. Он констатировал, что «деревня до неузнаваемости изменилась, прежний застой ее нарушен напором новых веяний, умственный кругозор крестьянина расширен, возникли новые запросы, новые умственные интересы». Владимирский полагал, что «почва для широкой просветительской работы в деревне готова». Он назвал четвертые сельскохозяйственные отделения народных училищ «будущими народными университетами», которые должны взять на себя популяризацию научных знаний¹⁴.

В начале XX в. появляется целая сеть профессионального ремесленного образования: низшие ремесленные школы, ремесленные классы при низших сельскохозяйственных училищах, при земских фермах, при приютах, учебные мастерские. Несмотря на разнообразие форм ремесленного образования, это были лишь «зародыши» профессионального обучения, подходящий для края тип профессионального училища еще не был выработан.

Земцы Пермской губернии были осторожны в разработке проекта ремесленного образования. Земское собрание в 1895 г. признало желательным открыть учебно-ремесленные мастерские и поручило техническому обществу разработать более дешевый проект и одновременно направило ходатайство об открытии за счет казны низших ремесленных школ. Гласными отмечалось, что «если до сих пор земством не было ничего предпринято в отношении распространения в населении ремесленных знаний, то только потому, что для него финансово непосильно было осуществление проектов Министерства народного просвещения»¹⁵.

Обсуждение вопросов образования на земских собраниях Пермского губернского земства показывало разнообразие подходов, поиски наиболее адекватной региону моде-

¹³ Журналы совещания преподавателей четвертых сельскохозяйственных отделений при народных училищах Пермской губернии // Сборник Пермского земства. – 1901. – № 1. – С. 4.

¹⁴ Там же – С. 3.

¹⁵ Журналы Пермского губернского земского собрания 26 очередной сессии. – Пермь, 1896. – С. 7–11, 34.

ли образовательной системы. В 1894–1895 гг. становился актуальным вопрос о введении всеобщего обучения грамоте детей школьного возраста. Чердынское, Кунгурское и Оханское уездные земства Пермской губернии ходатайствовали о введении обязательного обучения грамоте в их уездах. Губернское собрание отклонило эти предложения, ссылаясь на то, что «это вопрос государственный и не может быть решен силами местного земства». Однако для постепенного разрешения проблемы безграмотности населения Пермское губернское земство ходатайствовало перед правительством об открытии школ грамоты, как филиалов народных училищ, что требовало минимальных финансовых затрат¹⁶.

Губернское земское собрание Пермской губернии 27-й чрезвычайной сессии 1896 г. признало необходимость учредить при губернской управе постоянную комиссию по разработке вопроса о всеобщем обучении в Пермской губернии¹⁷.

Просветительские действия земств трактовались достаточно узко, лишь как мероприятия в области образования: увеличение числа школ, улучшение их устройства, учреждение учительских школ, народных библиотек, воскресных школ и т.п. Просветительская миссия земств виделась также в выработке направления народного образования через участие выборных земских гласных в уездных и губернских училищных Советах, избрании попечителей и попечительниц, заведующих делами училищ.

Организация системы образования среди нерусскоязычного населения Урала становится одним из направлений просветительской деятельности земств с 90-х гг. XIX в. Полиэтнический характер уральского региона делал это направление достаточно значимым. Башкиры, татары, коми-пермяки и др. народы были менее всего охваченными образовательными учреждениями. Основными причинами являлись религиозный и языковой барьеры.

В Пермской губернии по данным переписи 1897 г. русскоязычное население преобладало, составляя 90,1 % от всего населения губернии¹⁸, абсолютное преобладание русских затмевало наличие других этносов. В процентном

¹⁶ Журналы Пермского губернского земского собрания 26 очередной сессии — Пермь, 1896. — С. 38–39.

¹⁷ Сборник Пермского земства. — 1901. — № 2. — С. 10.

¹⁸ Алферова Е. Ю., Голикова С.В. и др. Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. — Екатеринбург, 2000. — С. 29; ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 2. — Д. 508 — л. 8.

отношении ко всему населению губернии пермяки составляли 3,3 %, башкиры – 3%, татары – 2,2%¹⁹. Отмечалось компактное проживание малых этносов в Осинском, Чердынском уездах. В Соликамском уезде из 49 волостей 13 были заселены коми-пермяцким населением, в Верхотурском уезде была расположена столица вогульского народа, который к началу XX в. обрусел²⁰. Пермские земцы, осознавая важность проблем инородческого населения губернии, предлагали начать их решение с исследования районов с пестрым этническим составом. Из общей массы инородческого населения выделялись 3 группы, на которые необходимо было по-разному воздействовать: башкиры, татары и вотяки, черемисы.

Башкиры в официальной прессе квалифицировались так: «обособленные по своему фанатизму от массы русского населения, в силу этого слабо реагируют на культурное воздействие»²¹. Отмечалось, что естественное богатство башкирских земель со временем снижается, башкиры «не имели большой охоты к занятию сельским хозяйством», использование башкир «как рабочей силы с внедрением техники» сокращалось, рост недоимок с башкирских земель увеличивался. В результате земство и правительство вынуждены тратить большие суммы «на прокормление башкир, суммы, которые безвозвратны, таким образом, башкиры – совершенно здоровые люди – становятся нахлебниками»²². Признавалось важным создание русско-башкирских школ и организация ремесленного образования среди молодежи.

Так называемые «слабые племена» – вотяки, черемисы, пермяки – заметно поддавались культурному влиянию, но, поскольку в регионах их локального проживания не была решена проблема грамотности в целом, вопрос о всеобщем образовании в отношении «иноверцев» не ставился. Так, в докладе Соликамской земской управы земскому собранию 1892 г. отмечалось, что в уезде русских училищ 51 и русско-пермяцких 12, их соотношение 4 к 1, что соответствует отношению численности русского населения к пермяцкому (163 000 к 52 000), лишь 28 % детей получали начальное обучение²³.

¹⁹ Алферова Е. Ю., Голикова С. В. и др. Указ. соч. – С. 29–30.

²⁰ ГАПО. – Ф.65. – Оп.1. – Д.106. – С. 8,103.

²¹ Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 35.

²² Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 35.

²³ Журналы 22 очередного Соликамского уездного земского собрания. – Вятка, 1892. – С. 83–99.

Татарское население проживало во многих уездах Пермской губернии. Создание русско-татарских школ сопровождалось распространением слухов о том, что эти школы «имеют свою конечную целью обратить магометан в христианство», что осложняло просветительские мероприятия земств²⁴.

Первое мусульманское училище в Пермской губернии было открыто в 1875 г. в Кунгурском уезде. К 1900 г. мусульманских школ насчитывалось 22. Порядок обучения у магометан отличался от системы обучения, принятой в земских школах. Муллы опасались, что организация школ, как земствами, так и правительством, приведет «к более близкому общению с русскими и может повлиять на религиозное воззрение мусульман»²⁵.

Таким образом, земские просветительские мероприятия среди представителей других национальностей в начале XX в. проводились постепенно. Сложившееся в общественном сознании уральцев отношение к «иноверцам» как к менее культурным народам становилось главным стимулом для проведения просветительских действий. Однако решение этих вопросов носило эпизодический, а не системный характер. Местное население относилось с опаской к культурно-просветительской миссии земств.

Инициаторами санитарного и медицинского просвещения выступали уездные земства Урала. Побудительной причиной являлись показатели смертности населения. Не имея достаточных средств на издание брошюр просветительского характера по вопросам гигиены и санитарии, уездные земства обращались в губернское земство для финансирования данных инициатив. По ходатайству Осинского земства была издана брошюра доктора Н.М. Михайлова об уходе за детьми для бесплатной раздачи населению. Шадринское земство инициировало издание популярной брошюры по оспопрививанию и т.п.²⁶.

Гласные как представители народа сами часто нуждались в знакомстве с новыми подходами в медицинском деле, здравоохранении. Просвещение по вопросам о новых способах лечения дифтерита необходимо было не только крестьянскому населению, но и гласным. Обсуждая вопрос

²⁴ ГАПО. — Ф 65. — Оп. 1. — Д. 212. — Л. 507.

²⁵ Раменский А. Народное образование в Пермской губернии в 1900 г. // Сборник Пермского земства. — 1901. — № 6. — С. 44—45.

²⁶ Журналы Пермского губернского земского собрания 29 очередной сессии. — Пермь, 1899. — С. 10

об организации бактериологической станции, гласные Пермского губернского земства скептически отнеслись к использованию вакцинации населения от этой болезни. В то время как местное население, по утверждению заведующей Усольским врачебным участком Тороповой, «просило заболевших детей пользоваться по новому способу, угрожая в противном случае жаловаться начальству»²⁷.

Экономическое просвещение являлось одним из важных составляющих культурнической деятельности земств. Новые технические и агрокультурные нововведения (новые способы обработки земли, орудия труда, организация опытно-показательных участков) проникали в крестьянскую среду благодаря деятельности земств. Консерватизм сознания крестьян можно было преодолеть лишь используя эмпирические способы доказательства, что и пытались делать агрономы и агрономические смотрители, которые ранее, чем многие земские гласные, осознали важность именно подобных способов в работе с крестьянским населением.

Для уральских губерний, где основная часть населения участвовала в сельскохозяйственном производстве, это были наиболее актуальные мероприятия. Изменение традиционной сельскохозяйственной культуры только при внешнем воздействии было невозможно. Восприятие нововведений должно было стать осознанным. Воздействовать на сознание крестьян предполагалось не только через распространение знаний, но и через демонстрацию достижений, убеждение в качестве нововведений. Только в этом случае можно было говорить о действительной модернизации сельскохозяйственного производства.

В начальный период своего существования местные органы самоуправления Урала оказывали крестьянскому хозяйству помощь в рамках традиционной культуры сельскохозяйственного производства, удовлетворяя лишь «некоторые из существующих уже сельскохозяйственных потребностей населения», акцентируя внимание на распространении грамотности, медицинской помощи и т. д.²⁸.

Характер просветительской деятельности земств в области совершенствования земледельческой культуры значительно изменился после неурожайных лет 1891–1892 гг., которые продемонстрировали неспособность мелкого крес-

²⁷ Журналы Пермского губернского земского собрания 26 очередной сессии. - Пермь, 1896 - С 77-79.

²⁸ Обзор деятельности агрономического института Вятской губернии. - Вятка, 1896. - С. 4.

трянского хозяйства в рамках традиционной культуры производства обеспечить население продовольствием. Это постепенно стали осознавать сами крестьяне. В Пермской губернии уездные земства были более активны в просветительских начинаниях, чем губернское земство, которое отличалось медлительностью в принятии радикальных действий.

Например, гласные Пермского губернского земства в 1895 г. проявили чрезмерную осторожность в вопросах финансирования мероприятий по преобразованию образцовых хозяйств в опытно-показательные, проект организации которых был разработан съездом агрономических смотрителей. Гласные заявляли, что «деньги, испрашиваемые на опытно-показательные хозяйства, большие, а польза неизвестна». Член управы гл. Теплоухов доказывал полезность показательных хозяйств, «служащих проводником в население понятий о современной обработке почвы и употреблении усовершенствованных сельскохозяйственных орудий»²⁹. Чрезмерная рачительность губернских гласных тормозила распространение данных мероприятий в Пермской губернии.

Осознавали важность новых мероприятий лишь уездные земства земледельческих регионов (Кунгурский, Осинский, Оханский уезды), которые, по утверждениям гласных губернского земства, «всегда старались содействовать улучшению сельского хозяйства», но из-за ограниченности в средствах обращались в губернское земство³⁰.

В Пермской губернии были организованы опытно-показательные хозяйства. Например, Ножовское опытно-показательное хозяйство Оханского уезда являлось типичным примером практического воплощения аграрного просвещения в Пермской губернии. Местное сельское общество отдало в 1894 г. в безвозмездное пользование земству участок земли, на котором создавалось образцовое хозяйство. Цель его основания – «быть проводником усовершенствованных приемов техники сельского хозяйства и вводить улучшенные семена хлебов и трав». Первоначально хозяйство развивалось без определенного плана и считалось просто семенным. Главной задачей было обменивать местным крестьянам семена на улучшенные, но с 1900 г. оно стало функционировать по строго определенному плану, состав-

²⁹ Журналы Пермского губернского земского собрания 26 очередной сессии – Пермь, 1896. – С. 131–132; 172–174.

³⁰ Там же. – С. 77–79.

ленному губернским агрономом Варгиным, и из семенного стало опытно-показательным³¹.

Земства были заинтересованы в распространении новых рациональных методов и приемов сельскохозяйственного производства не только среди русскоязычного населения, но и среди представителей других этносов. Пчеловодство было развито среди удмуртского населения. Убытки, которые несли пчеловоды, по мнению земцев, были связаны с тем, что «вотяки упорно придерживаются старины». Таким образом, в начале XX в. земцы разработали целенаправленную программу по воздействию на традиционную культуру сельскохозяйственного производства. Наиболее целостной и стройной была программа, предложенная вятскими земцами.

Политическое и правовое просвещение делает первые шаги в начале XX в., его развитие являлось показателем становления гражданского общества. Образованная общественность предлагала создание специальных структур при земских управах, которые способствовали бы формированию правовой и политической грамотности населения.

Проблема правового просвещения населения становится достаточно актуальной на рубеже XIX–XX вв. Низкий уровень правовой культуры населения обсуждался на страницах уральских газет. Одной из причин непрочности «хозяйственного быта» крестьян называлась «беспрудная крестьянская темнота... темный человек не знает своих прав, но зато и он не признает никаких прав за своим соседом...»³².

Толчком к обсуждению проблем правового просвещения в земских собраниях Пермской губернии послужило ходатайство Камышловского земства о введении должности земского юрисконсульта в уезде. При этом данная мера рассматривалась как один из способов борьбы с «одним из зол в современной крестьянской жизни – существованием ходатаев по тяжёлым делам и деревенских адвокатов», которые, становясь посредниками между населением и правосудием, «дискредитировали в глазах народа закон»³³.

Уездные земства Пермской губернии неоднозначно восприняли предложение Камышловского земства. Одни считали, что «подпольная адвокатура» – явление широко раз-

³¹ ГАПО. – Ф.65. Оп.2. Д.132. – Л.194.

³² Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 91.

³³ Бобылев Д. Вопрос об организации бесплатной юридической помощи населению Пермской губернии. Сборник Пермского земства. 1899. – № 1. – С. 14.

витое, бороться с ней сложно, т.к. деревенские ходатаи необходимы безграмотным и малограмотным крестьянам, они берут доступную плату и близки крестьянину. Земские гласные – крестьяне считали, что в волостных судах «особого искусства для защиты не требуется, всякий может вести дело сам, ... тот, кто прав, не нуждается в защите земских ходатаев», устройство юридической помощи обойдется дорого, а «ожидаемая польза или сомнительна или незначительна»³⁴.

Среди гласных уездных земств доминировало мнение о том, что вопрос об организации бесплатной юридической помощи населению преждевременный, т.к. он может быть разрешен только тогда, «когда широко разовьется грамотность среди народа и когда сам народ усвоит юридические сведения и будет знать законы»³⁵.

Организация юридической помощи крестьянскому населению рассматривалась как вариант введения многочисленного крестьянства в юридическое поле. Однако способы введения предлагались разные, например, Оханское земство предлагало оказание бедным крестьянам финансовой поддержки в виде ссуд при найме адвокатов.

По иному пути пошли гласные Пермского губернского земства, по примеру Вятского земства оно вводит с первого января 1899 г. должность юрисконсульта, с содержанием 1200 рублей в год³⁶.

От реализации практических нужд в деле правовой защиты населения земства перешли к обсуждению вопросов формирования правового сознания населения. Так, Пермское губернное земство обсуждало предложение гласного Грибеля, предложившего учредить в память 40-летия освобождения крестьян постоянную земскую комиссию, которая «имела бы задачей содействовать развитию правового самосознания среди сельского и заводского населения». Собрание постановило подробно разработать этот вопрос. Но Пермский губернатор опротестовал данное постановление, основываясь на разъяснение Сената о том, что юридические консультации не входят в круг ведения земств, мнение это было поддержано Пермским губернским по земским и городским делам Присутствием³⁷. Таким образом,

³⁴ Бобылев Д. Указ раб. – С. 15.

³⁵ Там же – С. 16–18.

³⁶ Журналы Пермского 29 очередной сессии — Пермь, 1899. – С. 24

³⁷ Там же; Хроника./ Право. – 1901. – № 47. – С. 2081.

попытки открыть в деятельности земств еще одно направление, связанное с юридическим просвещением населения, не были успешными.

Одним из важных каналов просветительской деятельности земств становились печатные издания. В уральских губерниях выходили доступные периодические земские издания. Для просвещения населения по вопросам земской деятельности местные органы самоуправления создали «Народную газету». Первым подобное издание появилось в Вятской губернии в 1893 г. В Пермской губернии Сборник Пермского земства в 1907 г. был реорганизован в доступную народную газету «Пермскую земскую неделю».

Народный вариант земских изданий ознаменовал новый этап в развитии земских учреждений и был связан с надеждой земцев на реформирование земских учреждений, расширение права участия населения в земстве, превращение земского дела в «подлинно народное дело». Условием широкого распространения земских народных газет стало, в том числе, и увеличение количества грамотного населения в деревне.

Таким образом, уральские земства становились медиаторами культурных инноваций, создавали условия для расширения образовательного, правового пространства в России.

УРАЛЬСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР НАЧАЛА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ЦЕНТР—ПРОВИНЦИЯ

Л.Г. Сидорчукова

Развитие культуры страны представляет собой определенное единое культурное пространство, система духовного воспроизводства внутри которого исторически детерминирована информационными связями «центра» и «провинции». Театр в большей степени, чем другие сферы духовной жизни провинции в начале XX века, развивался в едином общероссийском пространстве, определял некие особые формы взаимосвязи «центр» – «провинция». Вследствие иного стиля жизни, иной скорости обмена информацией провинция более консервативна, чем столица, а следовательно, более традиционна и значит опирается на определенные устоявшиеся ценности.

В сфере искусства период начала XX века представлял

собой время ломки традиционных ценностей. Провинциальной художественной интеллигенции было сложно решать эту задачу. Она делала это не так быстро и решительно, как столичная. Однако губернские центры Урала и небольшие уездные города оказались втянутыми в этот общекультурный процесс, объединявший в художественном поиске театры центра и провинции. Режиссеры и актеры, опираясь на опыт столичных театров, искали новые формы их существования, приспособляясь к специфическим формам жизни в провинции.

Все изменения, которые происходили в театральной жизни провинции в первое десятилетие XX века, были обусловлены появлением в России режиссерского театра. Влияние Московского Художественного театра (МХТ) на провинциальные труппы, игравшие на Урале, сложно проследить в полном объеме. Но процессы по реформированию уральской сцены на основе художественных принципов МХТ, безусловно, имели место.

На раннем этапе, в основном до 1907 года, преобладало подражание принципам его спектаклей, иногда даже их прямое копирование провинциальными драматическими труппами. Нередко в постановки переносились внешние черты, мизансцены спектаклей МХТ, на афишах писали о том, что постановка осуществлена «по Художественному театру», «по Рейнхардту» и т.п.

Зрители хотели видеть ансамбль, «настроение», ждали тщательной подготовки спектакля. Поэтому, даже подражая МХТ, провинциальные режиссеры вынуждены были искать и находить формы нового существования театра, приспособлять их к специфическим условиям жизни в провинции, отличным, естественно, от условий, в которых работал Художественный театр.

Открывая в Оренбурге свою антрепризу, режиссер А.М. Коралли-Торцов предварительно ездил в Москву для изучения системы МХТ¹. Его поразило ансамбль нового театра, вера в актера, в силу его таланта. Сохраняя в репертуаре современную мелодраму и классику, Коралли-Торцов стремился перенести в сезон 1902 г. на сцену своего театра все, что приковывало его внимание при посещении спектаклей Художественного театра. В муках рождались новые постановки, которые могли радовать зрителей сценической правдой, новизной режиссерской мысли.

---

¹ Незнамов М.Н. Старейший русский театр на Урале. – Чкаловск, 1948. – С. 21

Влияние МХТ на провинциальную сцену шло через ответственную драматургию, и в первую очередь, через пьесы А.П. Чехова и А.М. Горького. Вполне понятно, что к такой драматургии обращались главным образом режиссеры-реформаторы.

В 1901 г. в Уфе режиссером П.П. Медведевым был поставлен спектакль «Три сестры»². В это же время в Вятке шла пьеса «Дядя Ваня» в постановке К. Марджанова³. В сезон 1903 г. в Перми выделялась постановка спектакля «Иванов» (режиссер В.И. Никулин)⁴. Оренбургский сезон (1904 г.) последнего также отличался обилием чеховских постановок («Дядя Ваня», «Чайка», «Предложение»). В 1905 г. у М.Г. Строева в пермском театре шли «Вишневый сад», «Предложение», «Три сестры»⁵.

В работе над чеховскими образами по-новому раскрылись многие актеры. Действие пьес Чехова происходит в губернских и уездных городах, усадьбах и имениях. Чеховские герои просты, будничны. Но незначительные разговоры самых обыкновенных людей, их обыденные поступки и дела отражают конфликт между человеком и окружающей его действительностью. Люди, сидевшие в зрительном зале, воспринимали пьесы Чехова как события из их жизни, полной страданий, гнетущей тоски по счастью. В этих пьесах проявили свои новые возможности такие актеры как Е.А. Лепковский (Иванов, Вершинин), С.Т. Строева-Сокольская (Сарра, Маша), И.М. Шувалов (Иванов, Войницкий, Вершинин), А.А. Пасхалова (Маша) и другие.

Практика Художественного театра и чеховские пьесы диктовали новые принципы постановок. Воздействие искусства МХТ проявлялось в увеличении числа репетиций, в стремлении к ансамблевой игре, в преобладании жизненных мизансцен, в росте постановочной культуры. Самый механизм рождения нового виделся в соединении «актерского отношения к образу человека» с «режиссерским отношением к образу мира»⁶, в соединении «актерского ансамбля с изобразительными средствами сцены»⁷.

Приобщение к новым художественным принципам и

² Уфимские губернские ведомости. - 1901. - 27 апреля.

³ Сазонов В.И. Страницы истории Кировского театра драмы. - Киров, 1976. - С. 15.

⁴ Пермские губернские ведомости. - 1903. - 16 января.

⁵ РГАЛИ. - Ф. - 2097. - Оп.2 - Д. 1740. - Л. 50, 233, 281.

⁶ Сыроева М.Н. Режиссерские искания Станиславского. 1898 - 1917. - М., 1973 - С. 10.

⁷ Владимиров С.В. Об исторических предпосылках возникновения режиссуры // У истоков режиссуры: Очерки из истории русской режиссуры конца XIX - начала XX века. - Л., 1976. - С. 38.

опыту МХТ происходило также через обращение к драматургии Горького.

Повесть «Фома Гордеев» была первым произведением Горького, попавшим на сценические подмостки провинциальных театров. Вдохновенный образ центрального героя привлекал внимание театров; повесть неоднократно инсценировали, причем авторами выступали чаще всего провинциальные актеры. По данным А.Я. Альтшуллера, общее количество инсценировок в те годы достигало ста⁸.

15 октября 1902 г. «Фома Гордеев» был поставлен в Оренбургском театре труппой Коралли-Торцова⁹. В этом же году инсценировка шла также в Перми и в Уфе. В провинции повесть Горького трактовали своеобразно. Ее ставили в стиле «народной мелодрамы», как ряд жанровых картин. Несмотря на это, «Фома Гордеев» готовил зрителей к восприятию новой драматургии, социально заостренной и волнующей. Актеры и режиссеры стремились воплотить в этих спектаклях новую систему МХТ.

Начиная с мая 1902 г. во многих провинциальных городах ставилась пьеса горького «Мещане». В Перми пьесу поставило товарищество актеров под управлением Ф.Ф. Вронченко-Левицкого¹⁰. В этом же году ее увидели зрители Оренбурга (режиссер М.А. Коралли-Торцов) и Уфы (режиссер А.И. Громов)¹¹. При этом необходимо отметить, что постановка пьесы затруднялась ограничительными мерами со стороны Главного управления по делам печати, а сам текст подвергался купюрам.

В большинстве театров социальная драма Горького превращалась в бытовую пьесу, в которой в большей степени акцентировалась тема семейного конфликта, столкновение отцов и детей. Недаром многие критики сравнивали «Мещан» с пьесой «Дети Ванюшина» С. Найденова, которая приобрела широкую известность на сцене провинциального театра.

Большинство режиссеров прямо ориентировались на постановку МХТ. Декоративное оформление пьесы было простым. Многие театры придерживались традиционно-го изображения некоего купеческо-мещанского быта «под Островского» – «все было тяжеловесно, солидно и

⁸ Альтшуллер А.Я. Провинциальный театр // Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1895 – 1907). – М., 1968. – Кн. 1 – С. 167.

⁹ Незнамов М.Н. Указ. соч. – С. 42.

¹⁰ Театр и искусство. – 1902. – № 24. – С. 465.

¹¹ Незнамов М.Н. Указ. соч. – С. 42; Театр и искусство. – 1902. – № 46. – С. 865.

добротой – огромный массивный шкаф, окованный железом сундук, чисто выскобленный пол»¹². Такое воспроизведение обстановки, костюмов, всего внешнего колорита спектакля, граничившее подчас с натурализмом, мешало верно раскрыть основные мотивы пьесы. Если даже в Художественном театре, несмотря на наличие там первоклассных актеров, главенствовали внешние элементы быта, то тем более это происходило на провинциальной сцене.

«Оренбургская газета» в одной из рецензий писала: «Запушеванная идейную сторону сцен и перипетий чувств, общая монотонность и частные рассуждения рельефно выделяют обстановочную часть – влечение к сценическому правдоподобию, которым так прославился Художественный театр и его талантливый режиссер г-н Станиславский. Этой стороне дела на нашей сцене отдана большая заботливость, вызывавшая в публике восклицания: «Как станиславят, даже кажется перестаниславливают»¹³. За этой шуточной формой лежала общая правдивая картина некоторых постановок «по системе МХТ».

В большинстве случаев, однако, эти изменения в театральной жизни радовали местных любителей театра. Так, пермский рецензент, характеризуя спектакли труппы Леонтьевой, в 1904 г. писал о мхатовских веяниях, проникших на пермскую сцену, оценивая их с позиций жизненной правды и сценического реализма: «Малая сцена летнего театра преображалась. Суконный занавес дал возможность поднять сцену в высоту, не закрывая ее излишними декорациями, а масса света, прекрасно исполненные декорации, миллион мелочей обстановки <...> сделали эту сцену <...> такою радостною...»¹⁴.

Актерское исполнение пьес новой драматургии не отличалось в провинции большим разнообразием. Горьковские персонажи переводились в план обычных амплуа. Старика Бессеменова сближали с трафаретной трактовкой купцов-самодуров Островского; Петра и Татьяну играли с «большим надрывом», что было характерно для входившего в моду в начале XX века нового амплуа «неврастеника»¹⁵. Именно так трактовали горьковские образы даже самые крупные актеры, такие как М.И. Строителей (Бессеменов),

¹² Альтшуллер А.Я. Указ. соч. – С. 168.

¹³ Оренбургская газета. – 1902. 30 ноября.

¹⁴ Пермские губернские ведомости. – 1904. – 19 мая.

¹⁵ Альтшуллер А.Я. Указ. соч. – С. 169.

А.И. Громов (Перчихин), К.А. Марджанов (Нил), Н.Д. Живокини (Поля) и другие.

К. Марджанов был одним из лучших в провинции создателей образа Нила. Уфимский корреспондент отмечал: «Г-н Марджанов в роли Нила уже с самого начала настолько живо слился с изображаемым им лицом, что стал вполне живой образ»¹⁶.

Большой общественный резонанс имела пьеса Горького «На дне», поставленная на сценах уральских театров вслед за «Мещанами» в 1903–1904 гг.

В январе 1904 г. пьесу «На дне» увидели зрители Оренбурга. В местной печати развернулась целая дискуссия по творчеству писателя. Одни авторы выражали недоумение по поводу того «шума», который поднялся вокруг пьесы о «босьяках». «Есть люди, превозносящие эту сенсационную пьесу до небес, а самого автора, титулуя «величайшим поэтом земли русской», сажают на Парнасе в самой середине его», – писал один из рецензентов «Оренбургского листка»¹⁷. Критикуя пьесу, автор этой статьи не мог не признать, что «грязь подонков русской жизни изображена Горьким яркими красками, притом тьма его «босьяцкая» выведена не без просвета (Лука, Сатин). И это правдоподобно жизни, естественно, приковывает внимание зрителя»¹⁸.

Другие авторы помещали восхищенные рецензии. Так, в статье П. Столпянского содержалось образно-эмоциональное обращение к Горькому: «Честь и хвала тебе <...> за то, что, изображая падение человека, изображая ужас жизни, ты показал, что жизнь может быть великолепно, что человек – это имя звучит гордо, чтобы ни делалось, какою бы мрачной ни оказалась жизнь, все же горит огонь, все же раздаются звучные голоса, которые зовут на простор...»¹⁹.

Пьеса и спектакль вызвали огромный общественный интерес и соответствовали атмосфере революционного подъема. В течение одной недели «На дне» поставили три раза. Все это время театр был переполнен, тогда как другие пьесы в течение всего сезона проходили не более двух раз. Газеты единодушно отмечали тщательно и «реально» сыгранные массовые сцены, художественно выполненные декорации и рост актерского мастерства.

¹⁶ Уфимские губернские ведомости. – 1902. – 17 октября.

¹⁷ Оренбургский листок. – 1904. – 18 января.

¹⁸ Там же

¹⁹ Там же.

Известно, что в годы первой российской революции горьковская драматургия звучала особенно остро²⁰. В этот период на сценах уральских театров появились такие пьесы Горького как «Дачники», «Дети солнца», «Враги», «Варвары».

Пресса отмечала успех спектаклей. «Пермские губернские ведомости» писали: «Когда публика аплодирует, трудно сказать, чему она аплодирует: артистам ли, тонко передающим свои роли, или словам, которые произносятся исполнителями. Можно шикать плохо играющему артисту и рукоплескать пьесе автора, его мысли, идее, проводимой в ней»²¹.

Действительно, часто на спектаклях «Дачники» зрители восторженно принимали речи Марьи Львовны и Власа независимо от исполнения этих ролей. Понятны и узнаваемы для жителей провинции были и герои «Варваров». Городской голова Редозубов, купец Притыкин, акцизный надзиратель Монахов встречались в каждом уездном и губернском городе, их не надо было выдумывать и представлять, они были рядом, на улице, в трактире, в креслах провинциального театра.

Успехом в сезоне 1905/06 года пользовалась также инсценировка повести Горького «Трое», шедшая во многих уральских театрах²².

Создание Московского Художественного театра и его новаторские творческие принципы во многом определили те изменения, которые происходили в начале XX века на уральской сцене. И, несмотря на чисто внешнее подражательство, к которому прибегали в ряде случаев многие антрепренеры и режиссеры, ориентация на МХТ была несомненно полезной.

Она сказалась в стремлении театральных деятелей реформировать основы провинциального театра, включая реорганизацию репертуара на основе новой современной драматургии. Однако эти процессы проходили сложно, и многие годы рядом с новшествами мирно уживались старые традиционные театральные формы.

Серьезное влияние на характер и содержание провинциальных сезонов оказывал Малый театр. Если МХТ разви-

---

²⁰ См. Альтшуллер А. Я. М. Горький и русский провинциальный театр в период революции 1905–1907 гг. // Театр и драматургия. Труды Государственного научно-исследовательского института театра, музыки и кинематографии. – Л., 1959. – Т. 1; Бейслехем Р. Материалы к сценической истории пьесы «Враги» // Горьковские чтения. 1961–1963. – М., 1964; Бялик Б. Проза Горького на сцене // Горьковский альманах. – 1946. – М., 1948.

²¹ Пермские губернские ведомости. – 1905. – 1 февраля.

²² РГАЛИ. – Ф 2097. – Оп.2. – Д. 1543. – Л. 250.

вал новаторскую линию русского театра, то Малый представлял традиционную его линию. С 1909 г. руководителем Малого театра был А.И. Сумбатов-Южин (1857–1927). Его творческая деятельность была разносторонней: актер, драматург, теоретик и организатор театрального дела. Для провинции представляло наибольшую значимость драматургическое творчество Сумбатова-Южина. «Пятнадцать-двадцать лет назад зимний сезон в любом провинциальном городе обязательно открывался пьесой Южина», – писал после смерти Сумбатова театровед А.Р. Кугель²³.

Феноменальная популярность Сумбатова-Южина в провинциальном театральном мире объяснялась тем, что драматические сочинения его «представляют образчик самой яркой, самой <...> безудержной театральности»²⁴. Это выразилось в живом и стремительном ритме его пьес. Кроме того, он умел так писать свои пьесы, что вся труппа имела главные роли. Кроме сцен для любовника, инженю, кокет имелись выигрышные сцены для фата с гардеробом, для старухи, для гранд-дам, благородного отца, резонера. Он мыслил пьесу, как «огромный орган, и ухо его было полно звуками совершенного театрального аккорда. Все необходимые амплуа были заняты в его пьесах совершенно так, как в оркестре заняты все роды инструментов, и в этом сущность оркестровки»²⁵.

Провинциальный зритель, воспитанный на вере в мастерство и индивидуальность актера, на котором держится весь театр, очень хорошо понимал сам материал пьес Сумбатова, их построение и язык. Они были написаны актером для актеров, завораживали «подлинностью сказочно-иллюзорного мира»²⁶.

«Соколы и вороны... – кто не видал этой пьесы по нескольку раз?» – задавал риторический вопрос в 1915 году уфимский рецензент по поводу постановки знаменитой пьесы Сумбатова-Южина труппой Струйского. И далее продолжал: «И с каким же, однако, наслаждением зритель вновь смотрит эту пьесу! Погибают герои, убито добро, поправа справедливость, честь, поругана любовь, но злу не дано торжествовать. И зритель выходит из театра с чистыми помыслами, с успокоенной душой, открытой для добра и правды»²⁷.

²³ Кугель А.Р. Русские драматурги. – М., 1933. – С. 104.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. – С. 106.

²⁷ Уфимская жизнь. – 1915. – 5 мая

Уральский театр обратился к новой драме Сумбатова «Вожди» (1909 г.). Она шла в зимний сезон 1910/11 года в Оренбурге (дирекция Г.Ф. Эстеррейх)²⁸. Эта пьеса, в отличие от его ранних произведений, была построена не на внешних перипетиях действия, а на дискуссии между персонажами. Главным было столкновение мировоззрений, идейная борьба сил во время первой российской революции.

Однако в большинстве случаев в репертуаре уральских театров в 1908–1917 годах оставались традиционные пьесы Сумбатова-Южина: «Джентльмен», «Закат», «Арказановы», «Старый закал»²⁹.

Сложно складывались взаимоотношения провинциального театра с драмой символов. Теоретики и практики модернизма, желавшие полного «преображения» сцены, сбрасывали со счета провинцию за ее привязанность к традиционным формам.

Тем не менее, символистическая драматургия была представлена в репертуаре уральских трупп. В афишах, газетных анонсах и рецензиях встречались имена Метерлинка, Пшибышевского, Д'Аннунцио, Шницлера, Вознесенского³⁰. Трудно судить об уровне этих постановок и о том, насколько выдерживались в них принципы символистской драмы. Широкого распространения эти опыты на Урале не имели, т.к. полное исключение бытовых деталей со сцены театральной публикой все же не приветствовалось.

Однако следует подчеркнуть, что это касается символического действия как принципа сценического изображения. Когда же имеется в виду символизм как «метод выражения переживаний в образах», то в этом смысле, как писал теоретик русского символизма А. Белый, всякое искусство явно или скрыто символично³¹.

А. Белый, подчеркивая различие между символизмом, присущим классической драме в целом, и символизмом в новой драматургии (Метерлинк, Ибсен и другие), отмечал, что в драмах Шекспира «символизм произвольный или слишком аллегорический <...>. Драма Шекспира изображает глубоко реальные действия страсти, ревности»³². Сим-

²⁸ Театр и искусство. – 1910. – № 43. – С. 815.

²⁹ РГАЛИ. – Ф. 2097. – Оп. 2. – Д. 1543. – Л. 233; Д. 997. – Л. 91; Д. – 243. – Л. 147; Д. – 907. – Л. 33, 134.

³⁰ Театр и искусство. – 1906. – № 19. – С. 804.

³¹ Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 160.

³² Там же. – С. 161.

волическая же драма современности «приводит к сцене то, что совершается в нас за пределами сцены. <...> Символическая связь образов, а не символические образы, отдельно взятые, являются сутью драмы», – писал он³³.

Возможно, в этом заключается объяснение того факта, что театральная провинция, можно сказать, интуитивно отвергая драму символов как форму сценического изображения, с интересом принимала, например, драматургию Г. Ибсена.

Драмы Ибсена имели «трехъярусное построение»: в первом ярусе – это драмы бытия, изображение реальной стороны жизни; во втором – в обыденную жизнь героев вторгается мир идей, они стремятся воплощать в жизнь свое мирозерцание; на этом строится конфликт. Реализм и идеализм Ибсена соединяется в третьем ярусе его творчества – в символизме.

Там, где у Ибсена уже нет слова, чтобы выразить ощущаемое им будущее, где у него нет поступка, чтобы выразить нужное действие, там появляется символ. Так, в рамках символизма, Ибсен показывает кризис современного мирозерцания. Стоит, вероятно, предположить, что к такому прочтению этого автора шли в русской театральной провинции.

В Европе и в российских столицах, как писал в 1911 году А. Белый, «мода на Ибсена кончилась», но «он не пережит»³⁴. На уральской сцене Ибсен оставался очень долго. Без постановок его пьес не обходился фактически ни один театральный сезон.

По-прежнему наиболее часто ставили «Доктора Штокмана». Следует назвать постановки М.Т. Строева в Екатеринбурге в 1908 году, пермскую постановку 1914 года в антрепризе Н.П. Казанского³⁵. В 1916 году труппа антрепренера Субботина в Челябинске ставила «Доктора Штокмана» к 10-летней годовщине смерти Ибсена³⁶.

Популярна была и драма «Привидения». Ее включал в свои гастрольные выступления знаменитый актер с амплуа «неврастеника» П.Н. Орленев (1869–1932). Когда в 1915 году он выступил в роли Освальда в этом спектакле в Уфе, корреспондент «Уральской жизни» писал, что «Орленев создавал ибсеновский образ в бытовой манере. Его Освальд

³³ Белый А. Указ раб. – С. 163.

³⁴ Там же. – С. 211.

³⁵ Театр и искусство. – 1908. – № 16. – С. 299; 1914. – № 1. – С. 21.

³⁶ Там же. – 1916. – № 25. – С. 512.

живой, во плоти и крови»³⁷. Актер на первый план выдвигал страдания души болезненного юноши, искателя истины, сломленного бунтаря. В подобной трактовке роли автор рецензии видел проявление яркой актерской индивидуальности, и, отдавая дань уважения великому мастерству артиста, называл, однако, спектакль «доброй, милой, волнующей стариной»³⁸.

Далее критик отмечал, что в провинции процесс освоения пьес Ибсена происходил в контексте символизма: «В последние годы нас приучили видеть Ибсена в других красках, в другом освещении <...> – в тонах, обволакивающих резкость внешнего восприятия дымкой символа», происходило «смягчение реальных контуров роли»³⁹.

В свои гастроли Орленев включал и драму Ибсена «Бранд», о которой газета сообщала, что «ввиду громадности постановки часть пьесы демонстрировалась посредством кинематографа. Съемки сделаны в Норвегии»⁴⁰.

Уральскому зрителю всегда были интересны женские образы этого автора. «Нора» («Куклин дом»), «Гедда Габлер» постоянно встречались в театральном репертуаре. Последняя пьеса, например, была интересно поставлена М.Т. Строевым в Екатеринбурге в сезон 1908 года⁴¹.

Таким образом, духовные процессы, идущие в провинции, соединялись в итоге с общесистемной линией развития «центра». Уральский театр в эти годы не явился исключением и своей творческой деятельностью подтверждал общероссийские тенденции.

ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В МОТОВИЛИХЕ 12–13 ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА

Н.М. Филатов

Столетие первой российской революции дает повод обратить внимание на один из наиболее ярких аспектов ее истории – декабрьские (1905г.) вооруженные выступления. В данной статье мы решили остановиться на анализе Мотовилихинских событий 12–13 декабря 1905 г., которые до последнего времени рассматривались ценностно-смысловым центром советской Перми¹.

³⁷ Уфимская жизнь. – 1915. – 1 сентября.

³⁸ Уфимская жизнь – 1915. – 1 сентября

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. – 2 сентября.

⁴¹ Театр и искусство. – 1908. – № 16. – С. 299.

¹ Абашев В.В. Пермский текст в культуре // <http://sunduk.nevad.ru/perm/tverl.html>

Первый этап историографии мотовилихинского восстания, как оно определялось до сих пор, мы датируем 1917 – началом 1950-х гг. В это время очень активно работал Истпарт. На базе собранных им воспоминаний участников революционных событий были написаны первые исследования². Иллюзий насчет возможной победы не было. Утверждалось, что руководили сопротивлением только большевики, характеристика меньшевиков давалась только в отрицательном смысле, эсеры практически не упоминались³. Редким исключением здесь можно считать работу А. Баранова⁴, который подошел наиболее объективно к рассмотрению действий вооруженных дружинников в заводском поселке, их состава и руководства. Только у него мы находим упоминание о подключении к организации вооруженного сопротивления меньшевика Трапезникова, подчинившегося принципу демократического централизма, когда Пермский комитет РСДРП принял решения о переводе политической стачки в вооруженное восстание. Имея возможность сверить факты с воспоминаниями очевидцев событий начала XX века, Баранов рассказывает о единых действиях в противостоянии казакам не только большевистских и беспартийного Лбова десятков, но и двух дружин эсеров Карелина и Волкова. Чем больше времени отделяло того или иного автора от декабря 1905 г., тем чаще опускались многие подробности событий, а схематизм и идеологизированность, напротив, усиливались. И наоборот, некоторые наблюдения 1920-х гг. становились нежелательными, а их авторы должны были вносить поправки.

Вторым этапом в историографии следует считать середину 1950-х – начало 1980-х гг., когда были опубликованы новые архивные источники, исследователи получили дополнительные возможности доступа к архивным материалам. Над историками вне Москвы не тяготела необходимость доказывать своевременность вооруженных выступлений на местах. Они ограничивались указанием на то, что восстание в Москве послужило толчком к соответствующему выступлению, и переходили к конкретно-историческим

---

² Лещинский Н. Мотовилиха. Историческая повесть. 1905 г. – Свердловск, 1926; М – Свердловск, – 1930; Петров С. Большевики Урала в революции 1905–1907 годов. Вып. 1. – Свердловск, 1931; Быстрых Ф.П. Возникновение Уральской областной партийной организации РСДРП(б). – Св., 1933.; и др.

³ Александров Ф.А. Декабрьское восстание 1905 г. на Урале. – Пермь, 1955; Рождественская К.В. Страницы героической борьбы. Участие мотовилихинских рабочих в революционной борьбе в 1905–1906 годах. Очерк – Свердловск, 1955.

⁴ Баранов А. 1905 год на Урале. – М., 1929

обстоятельствам. Как ни странно, публикации к 50-летию революции документальных материалов, особенно обвинительного акта Казанской судебной палаты по делу «О вооруженном восстании рабочих Мотовилихинских пушечных заводов в декабре 1905 года»⁵, оказались гораздо содержательнее и объективнее, нежели освещение исследуемой проблемы в исторической литературе этого периода⁶. Сложившаяся таким образом концепция переходила из работы в работу, в сущности, минуя научный анализ ситуации ноября-декабря 1905 года. Элементы объективизма впрочем допускались в изданиях краеведческого характера⁷. В конце 1980-х гг. начался третий период в историографии изучаемой проблемы. Естественно, что о локальном событии регионального масштаба в Прикамье вспоминали прежде всего к юбилейным датам. Так, у автора статьи в конце 1990 г. взял интервью редактор недолговечной газеты «Орало» Г. Иванов, сказав вместе с его названием содержание⁸. Не замалчивая роли единого Пермского комитета РСДРП, в интервью рассказывалось не только об участии эсеров в восстании, но и о решительном неприятии насильственных действий Совета старшин во главе с А.Ю. Юршем значительной частью рабочих пушечного завода.

Уже в постсоветский период «Уральская историческая энциклопедия» даст предельно сжатую, но емкую справку о восстании, назвав его авантюрой большевиков⁹. В написанной М.Г. Нечаевым главе «Восстание в Мотовилихе» несколько мягче указано на обреченность вооруженного выступления¹⁰. Последний раз к теме вооруженного выступления в Мотовилихе обратился Г. Мурсалимов, однако из-за специфики еженедельника пермских профсоюзов, где была опубликована его статья, автор в значительной степени повторил советскую версию далеких событий¹¹. Учитывая всё вышесказанное, добавим, что целью настоящей статьи является анализ событий 12–13 декабря 1905 г. в Мотовилихе с новых позиций.

---

⁵ Высший подъем революции 1905 – 1907 гг. Ноябрь-декабрь 1905 года. Документы и материалы. Вооруженные восстания. Ч.2. – М., 1955

⁶ Быстрых Ф.П. Большевистские организации Урала в революции 1905 – 1907 годов. – Свердловск, 1959; Очерки истории Пермской областной партийной организации. – Пермь, 1971, 1986.

⁷ Аликина Н.А. Большевик Михаил Туркин. – Пермь, 1957; Слово о Мотовилихе. Годы. События. Люди. – Пермь, 1974.

⁸ Орало. – 1990. – №1.

⁹ ihist.uran.ru

¹⁰ Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. – Пермь, 2000. – С.122–123.

¹¹ Профсоюзный курьер. – Пермь, 2003. – 15 октября.

Как известно, вооруженным выступлениям в России в конце 1905 г. предшествовала забастовка железнодорожников, которая развернулась по призыву Центрального бюро отраслевого профсоюза. 8 декабря забастовка охватила Пермскую железную дорогу: бастовали рабочие депо и мастерских станций Усолье, Бисер, Верещагино, Пермь. Пермский комитет РСДРП с 17 октября 1905 г. стал объединенным. Большевистская его часть – А.Н. Ягодникова, М.П.Фёдорова, А.Л. Борчанинов, А.Х. Митрофанов, М.П. Туркин, Коган – стремились сосредоточить главное его внимание на подготовке вооруженного восстания. Меньшевики (В.А. Владимирский, П.А. Матвеев, В.Н. Трапезников, Бусыгин) в этом вопросе заняли отрицательную позицию. Особенно ярко это проявилось со стороны Трапезникова. Вечером 8 декабря на заседании комитета обсуждался вопрос об объявлении политической забастовки на Мотовилихинском заводе и вооруженном восстании. За вооруженное восстание проголосовало большинство членов комитета. Меньшевики от голосования воздержались¹². Тем не менее, В.Н. Трапезников вошел в состав руководства восстанием, а В.А.Владимирский этим же вечером по поручению комитета с группой товарищей приехал в Мотовилиху. Ранним утром следующего дня Всеволод Александрович уже в цехе №5 призывал слушателей присоединиться к начавшейся в стране новой политической забастовке, оценив ее как самое сильное и острое средство борьбы с правительством. Так же он выступал и в последующие дни. Пермские социал-демократы согласовывали свои действия с городской и поселковой организацией эсеров.

Утром 9 декабря на общезаводском собрании рабочих председательствовал Андрей Юрьевич Юрш¹³. После выступлений Борчанинова и Владимирского большинством голосов было принято постановление: присоединиться к всеобщей политической забастовке рабочих России. 5 депутатов во главе с Юршем пошли в заводоуправление и убедили служащих присоединиться к забастовке.

¹² Слово о Мотовилихе... – С. 199.

¹³ Юрш Андрей Юрьевич (1878–1920) – мещанин города Вильно. Работал на одном из заводов в Петербурге, в апреле 1905 г. устроился слесарем в снарядный цех Мотовилихи по рекомендации некоего Кастана Пампиловича. Майская забастовка шестым пунктом требовала и создала Совет старшин на заводе, куда был избран и А.Ю. Юрш. В июле-октябре 1905 года находился под арестом. После восстания уехал из Перми. Вернется он туда лишь осенью 1917 года. 1 декабря 1919 года по распоряжению ЦК РКП(б) Юрша отзывают в Москву. О дальнейшей жизни А.Ю.Юрша документов Э.П. Андерсон не обнаружила, но, ссылаясь на воспоминания Зенкова и Башкова, уверяет, что он погиб на войне с поляками в 1920 году. – См. Революционеры Прикамья. 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. – Пермь, 1966. – С. 736–737.

В ночь на 9 декабря полиция арестовала четырех членов Центрального комитета союза служащих и рабочих Пермской железной дороги: Преображенского, Мальцева, Лебедева и Толстоухова. Утром 9 декабря рабочие Мотовилихинского завода, не приступая к работе, собрались на массовый митинг. Власть на заводе и в поселке практически перешла в руки Совета рабочих депутатов. От имени Совета один из самых авторитетных его членов П.М. Обросов, поддержанный Я.С. Кузнецовым, предложил руководителям сформированных боевых десятков обеспечить революционный порядок в рабочем поселке. Заводские власти фактически были отстранены от управления, что признавал в своих донесениях даже начальник уральских военных предприятий Стрельман¹⁴. Всем заправлял Мотовилихинский совет старшин, где числилось 84 выборных из 16 цехов.

Как сигнал к действию здесь было воспринято известие о вооруженном восстании, начавшемся в Москве. 10 декабря на улицах Мотовилихи появились вооруженные рабочие патрули, охранявшие поселок и обезоруживавшие городских. В этот же день состоялся митинг, на котором А.Ю. Юрш зачитал телеграммы и газеты о мятеже моряков в Севастополе и погромах в Саратовской губернии и других местностях. Прозвучали также требования свержения самодержавия и установления демократической республики, немедленного освобождения всех заключенных в России по политическим делам, немедленного созыва Государственной Думы с участием рабочих всей России и др. 10 декабря зафиксирована неудачная попытка пермских социал-демократов распропагандировать местный гарнизон¹⁵.

11 декабря в 9 часов утра на заводе открылся очередной митинг. Собралось шесть тысяч мотовилихинцев. На митинг пришли и пермские железнодорожники. Вел митинг председатель Совета мотовилихинских выборных старост А.Ю. Юрш. На нем выступали яркие ораторы, в частности член Пермского комитета РСДРП, меньшевик В.А. Владимирский, говоривший о том, что декабрьская забастовка «чисто политическая и ею будет нанесен решительный удар правительству», что это будет через три дня и что «тогда прольется

¹⁴ Донесение Стрельмана. Высший подъем. . . - С. 841.

¹⁵ В этот день полиция возле казарм Ирбитского полка задержала И.К. Овчинникова, направленного Пермским комитетом РСДРП агитировать солдат Ирбитского полка в Перми за революцию. - Революционеры Прикамья... - С. 463.

много крови, и потому чтобы все вооружались». За подписью ведущего собрания, заверенную секретарем А.Г. Безолуцким, ушло обращение к пермскому губернатору, в котором говорилось: «Собрание служащих и рабочих Пермских пушечных заводов удостоверяет, что, собравшись 11 декабря 1905 г. в количестве шести (тысяч) (6.000) человек, постановили: отправить депутацию г. начальнику губернии с требованием немедленного освобождения незаконно арестованных членов Центрального комитета: Преображенского, Мальцева. Лебедева, Толстоухова, для чего и уполномочили следующих лиц: Козлова. Скорынина, Безолуцкого, Серовикова, Боголюбова, Кислякова»¹⁶.

11 декабря на площади перед волостным правлением был созван объединенный сход Лугово-Запрудского и Ивинско-Висимского сельских обществ. Отстранив старосту Ильиных от руководства, сход открыли Борчанинов и Юрш. Там же присутствовали будущие участники вооруженного восстания Ф. Карякин, А. Лбов, А. Бессонов, П. Усольцев, А. Галдин, И. Булдачѐв, И. Чернозипунников, А. Шулятьев, Т. Абросимов, А. Ахлюстин, Н. Пищулев. Сход принял решение о создании рабочей милиции.

В организацию восстания активно включились члены Пермского и Мотовилихинского комитетов РСДРП, большевики А.Ю. Юрш, А.Л. Борчанинов, А.Х. Митрофанов, Я.С.Кузнецов, меньшевик В.Н. Трапезников, беспартийный рабочий А.М. Лбов, эсер И.Н. Карелин.

11 декабря 1905 г. революционеры захватили завод, разоружили полицию, стали сами вооружаться и создавать боевые группы. А. М. Лбов и И.В. Зенков с группой рабочих реквизировали револьверы на складе Нобеля.

12 декабря боевики (группа К.И. Лякишева) блокировали движение на железной дороге и вступили в перестрелку с казаками. В снарядном цехе (он перестраивался и не работал, что позволяло проводить там непрерывно митинги) В.А. Владимирский в первой половине дня вновь призывал рабочих «к свержению существующего в государстве образа правления и к всеобщему вооружению для отпора войскам». По поселку распространялась большевистская листовка «К оружию!». На совещании в 11 часов вечера 12 декабря по предложению Я.С.Кузнецова решили на следующий день «вести борьбу с казаками из засад»¹⁷. Ве-

¹⁶ Революционеры Прикамья... - С. 39.

¹⁷ Слово о Мотовилихе... - С. 207.

чером этого же дня в Мотовилихе началось строительство баррикад. Улицы патрулировали около 100 вооруженных дружинников. К схватке готовился и пермский губернатор. В его распоряжении находилось 400 солдат Ирбитского батальона и казачья сотня.

Значительная часть мотовилихинских рабочих, опекаемая руководителями местного «Союза Русского Народа» Белавиным и известным хирургом, главврачом Александровской больницы в Перми Поповым, выступила за прекращение забастовки и высылку из поселка «польского выкреста» Юрша¹⁸. В замешательстве оказалась пермская либеральная интеллигенция, в частности директор Пермской классической гимназии Грацинский, руководство библиотеки имени Д.Д. Смышляева, журналисты «Пермского края», до сих пор сочувствовавшие революционерам. Накануне восстания как раз было получено сообщение о выборах в первую Государственную думу, и законопослушным российским гражданам виделось, что избирательную кампанию в нее нужно использовать для проведения туда максимально большого числа своих представителей. Призывы к вооруженной борьбе, к пролитию крови не могли не пугать добропорядочных горожан.

Пермский губернатор отправил срочную телеграмму в Петербург, в которой говорилось: «В Мотовилихе рабочие, руководимые революционерами, поддерживая железнодорожную забастовку, захватили в свои руки завод, коим самовольно распоряжаются. Население призывается к вооруженному восстанию. Положение в высшей степени серьезное».

13 декабря члены боевых дружин пермских РСДРП и ПСР организовали патрулирование в Мотовилихе и продолжали возводить баррикады. Г.М. Деменчук и Худанин были направлены снимать с производства рабочих заводов Любимовой и братьев Каменских на Заимке.

Утром 13 декабря в рабочем клубе (дом Абрашева по Соликамскому тракту) собрались дружинники. В половине первого часа дня Борчанинов разбил всех собранных на отряды, указав каждому, куда следовать.

Выступавший в этот день на митинге в снаряжном цехе В.А. Владимирский предупреждал, что если в Мотовилиху явятся казаки, то получают «приготовленный для них

---

¹⁸ Ещё утром 11 декабря урядник Теребихин снял со столба листок с соответствующим текстом про Юрша. – Высший подъем... – С. 842.

гостинец». И когда в цехе было получено известие, что часть казаков, посланных из Перми для подавления движения на заводе, ворвалась в рабочий поселок, он пытался вселить в малодушных людей уверенность и спокойствие.

Были ли в ночь с 12 на 13 декабря в Мотовилихе баррикады и сколько? Вокруг этого вопроса, можно сказать, уже сто лет продолжается дискуссия. Началась она буквально на следующий день после разгрома восстания, когда либеральная газета «Пермский край»¹⁹, однозначно употребила этот термин, пояснив, что «баррикады сооружались из сней с дровами, досок, жердей и т.п.». Автор данной статьи нашел в Государственном архиве Пермской области курьезный факт, когда А.М. Лбов в одиночестве по лютому морозу перетаскивал из огорода на Висиме дрова на дорогу и попросил соседку позвать мужа на помощь. В ответ она покрутила пальцем у виска и спряталась в теплую избу. Памятуя об условности сооружаемых против конных казаков преград, признаем, что термин «баррикады» к Мотовилихе декабря 1905 г. применим.

Более спорен вопрос об их числе и, соответственно, о числе оборонявших их боевых десятков. А. Баранов в 1929 г.²⁰, на наш взгляд, более объективен, определяя количество боевых дружин цифрой шесть, а число боевиков в 60–70 чел. Просопографический анализ биографий, помещенных в сборнике «Революционеры Прикамья», выявляет следующие места сопротивления казакам в Мотовилихе: дружина А.Ю. Юрша – в огороде дома Звонарёвых, А.Л. Борчанинова – на улице Большой, И. Пташинского – у Малой проходной, И.Ф. Витте – на Софроновской улице, И.В. Зенкова – у старого театра и две невостребованных у А.М. Лбова на Висиме. Если прибавить сюда замалчиваемые два эсеровских десятка (И.Н. Карелина и Г.Е. Волкова), то картина получит завершённый характер. По сути дела, бой на улице с казаками приняли только десятки Пташинского и эсера Карелина, остальные стреляли из засад и тут же скрывались в домах. В этой связи упоминаемые М.Г. Нечаевым²¹ три сотни боевиков – явное преувеличение. И само вооружённое выступление в уральском заводском посёлке на категорию вооружённого восстания не вытягивает.

¹⁹ Пермский край. – 1905. – 15 декабря.

²⁰ Баранов А. Указ. соч. – С. 100

²¹ Пермь от основания... – С. 122.

Разбившись на две части, казаки уже после обеда 13 декабря 1905 г. атаковали рабочих со стороны железной дороги и поселка, но были встречены выстрелами из боковых улиц, окон домов, с крыш заводских цехов, из-за баррикад. Вооруженных рабочих было явно недостаточно для ведения наступательного боя, поэтому восстание с самого начала приняло оборонительный характер.

Вслед за казаками на станцию Мотовилиха прибыла пятая рота Ирбитского резервного батальона, к ней присоединились солдаты воинского караула. После прибытия в Мотовилиху еще двух рот солдат у царских властей создавалось решающее превосходство в силах. Казаки и солдаты подавили огонь дружинников на улицах, а затем перешли к уничтожению очагов сопротивления. Боевики, действовавшие около проходной завода, а потом скрывшиеся на чердаке оружейной фабрики №1, вынуждены были сдаться. Арестовано было 33 человека, включая секретаря Совета старшин А.Г. Безолуцкого²². Выстрелы в Мотовилихе раздавались до глубокой ночи. В ходе перестрелки с правительственными войсками погибло 5 человек и 34 получили ранения. Среди казаков ранено 2 человека. Исполняющий должность пермского губернатора в телеграмме, направленной министру внутренних дел, сообщал: «В Мотовилихе 13 декабря войска действовали решительно: у всех стрелявших мятежников оружие отобрано; мятежники были окружены войсками: 33 арестованы, заключены в тюрьму; убито мятежников 4, случайно одна женщина. Раненых, больных 32 человека; трое умерло...». Когда приближенные познакомили царя Николая II с сообщением о подавлении вооруженного восстания в Мотовилихе, самодержец написал на этой бумаге одно лишь слово: «Похвально!»²³

Главные организаторы вооруженного выступления А.Ю. Юрш, А.Л. Борчанинов, А.Х. Митрофанов и В.Н. Трапезников, работавшие в Пермском комитете РСДРП на освобожденной основе, исчезли из Мотовилихи, Лбов ушел в леса, Я.С. Кузнецов был застрелен при попытке задержания полицией 3 января 1906 г.

14 декабря 1905 г. были арестованы руководители ПК РСДРП М.П. Фёдорова и А.Н. Ягодникова. Обнаруженный у них архив комитета ясно указывал на подготовку ими вооруженного восстания в Мотовилихе.

²² Революционеры Прикамья... — С. 41

²³ Высший подъем... С. 857.

5–10 декабря 1906 г. под охраной батальона солдат в Перми прошла выездная сессия Казанской судебной палаты по делу о Пермском комитете РСДРП и Мотовилихинском восстании. В качестве обвиняемых были привлечены 51 чел. 13 рабочих были приговорены к четырем годам заключения (С.А. Орлов, И.П. Норин, В.П. Ясырев, А.В. Лебедев, И.М. Ширинкин, С.С. Ощепков, И.Н. Бояринцев, В.Д. Мелентьев, Д.А. Жигулев, А.М. Шулятьев, А. Г. Жиряков, Е.Ф. Фофанов и А.Г. Безолуцкий)²⁴. Еще 27 человек были приговорены к исправительным работам на срок от 2 лет 8 месяцев до 5 лет, 3 – в крепость от 2 месяцев до 4 лет, 8 – в тюрьму от 6 до 9 месяцев и 10 оправдано. Среди последних оказался В.А. Владимирский. Вскоре он как крупный специалист в области сельского хозяйства был приглашен на работу в... канцелярию Государственной думы. По сути дела, вооруженная авантюра привела к разгрому партийных организаций социал-демократов и эсеров, а также их боевых дружин, введению в Мотовилихе военного положения и усилению репрессий.

Декабрьские события 1905 года в Мотовилихе, безусловно, имели под собой объективную основу – недовольство «низов» длительным локаутом осенью, арестами руководителей Совета старшин. Однако нужно признать, что большинство рабочих – это мнение наиболее ярко отражали меньшевики – хотели ограничиться только ненасильственными методами борьбы с царским режимом. В вооруженной борьбе за политические цели они участвовать не собирались. Те, кто полностью поддерживал политическую борьбу и восстание, были в явном меньшинстве. Однако их руководители устроили в рабочем поселке настоящий антиполицейский террор. В конечном счете он выльется в движение, названное после подавления восстания «лбовщиной». К сожалению, историкам до сих пор не удалось до конца разобраться в позиции главных организаторов вооруженного выступления. Речь идет прежде всего об Андрее Юрьевиче Юрше, довольно загадочно появившемся в разгар русско-японской войны на режимном уральском заводе. Есть определенные основания подозревать его в причастности к убийству начальника снарядного цеха М.Д. Назарова, по чьему приказу он был арестован 5 июля 1905 г. Думается, есть смысл поискать в архивах, включая польские, с каким заданием ЦК ВКП (б) отозвало его

²⁴ Революционеры Прикамья – С. 41.

в Москву в 1920 г. В этой же связи непонятно, почему вместе с руководителями двух эсеровских десятков в биографический сборник «Революционеров Прикамья» не попал И. Пташинский, чья дружина оказала казакам наиболее яростное сопротивление.

Таким образом, мотовилихинское декабрьское вооруженное выступление дает обширный материал для выводов о соотношении и уместности определенной формы социально-политического протеста. Изучение генезиса декабрьских событий указывает на некоторые общие признаки того, что противостояние антагонистических сил может вылиться в вооруженный способ борьбы. Опыт декабря 1905 г. поучителен и значим и потому, что указывает на общие предпосылки бескровного пути социальных изменений и их принципиальную возможность на любой стадии социально-политического кризиса.

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРОЦЕССА НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПОЛИТИКА И ТАКТИКА УРАЛЬСКИХ КАДЕТОВ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ В III–IV ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ

Л.М. Андреева

История отечественного парламентаризма многогранна и актуальна. Одной из ее главных и все еще не раскрытых страниц остается история предвыборной борьбы политических партий в регионах. Урал являлся специфическим экономическим и уникальным политическим регионом. Именно здесь, несмотря на репрессии, действовали и продолжали успешно бороться за места и работу в парламенте представители региональных отделов конституционно-демократической партии. Политические лидеры партии, как в центре, так и на местах отводили Парламенту и парламентской работе главную и решающую роль в развитии страны, изменению ее качественного политического и экономического статуса.

Цели и задачи партии накануне выборов в III и IV Государственные думы оставались прежними – «...борьба за укрепление и расширение в России конституционного строя на основе всеобщего избирательного права...»¹. В программном предвыборном документе подчеркивалось,

¹ ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 214. – Л. 12 об.

что «партия должна...всеми доступными ей средствами, как в Государственной Думе, так и вне ее, бороться за восстановление и дальнейшее расширение конституционных прав народа»².

Уральские отделы, несмотря на закон 3-го июня 1907 г., вслед за идеологами своей партии признавали, что после третьеиюньского переворота Манифест 17 октября 1905 г. сохраняет свою юридическую силу³, и, следовательно, является подлинной российской Конституцией. В конкретных условиях российской действительности эта Конституция была для уральских кадетов значимым и вполне реальным законом. На ее основе в провинции в условиях реакции отделы партии вели беспартийную легальную практическую общественную работу, участвовали в парламентских, земских и муниципальных выборах.

Уральские кадеты дали детальную, специфическую, основанную на проблемах Урала политическую и социальную характеристику третьеиюньского закона, как антигражданского, антидемократического, консервативного и реакционного. Кадетские газеты Урала являлись специфическими организационными центрами местных отделов партии, на своих страницах они боролись с третьеиюньским законом и его результатами. Газеты партии проводили идею о демократическом составе депутатского корпуса, представленного всеми социальными группами. В октябре 1912 г. Вятская речь подчеркивала, что «народное представительство извращается ..., оно становится представительством отдельных групп населения по произвольному выбору властей, а на место народных избранников выступают административные фавориты или духовные деятели ...не имеющие ничего общего с задачами народного представительства ...»⁴.

Открыто критикуя третьеиюньский закон, кадеты Урала преследовали следующие задачи: во-первых, не дать реакции восстановить неограниченную власть администрации и черносотенцев; во-вторых, объединить либерально-демократический оппозиционный блок; в-третьих, повести массы по конституционному, реформистскому пути, они стремились предупредить новую революцию, так как были противниками радикальных, революционных методов общественного преобразования.

² Там же.

³ Шелохаев В. В. Идеологическая и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907 – 1914 гг. – М., 1991. – С. 44–45.

⁴ Вятская речь. – 1912. – 10 октября.

Анализ критики уральскими кадетами третьеиюньского закона показывает, что она являлась главным идейно-политическим направлением партии в регионе. Кроме того, критику третьеиюньского закона следует рассматривать как один из элементов тактики уральских отделов накануне выборов в III и IV Государственные думы, направленный против властных и бюрократических структур и их политики, как тактику сплочения либерально-демократического блока на уральском политическом уровне.

Помимо анализа и критики нового избирательного закона ЦК разработал важные для партии политические и идейные задачи, направленные на подготовку и проведение выборов в Государственную думу, на участие партии в общегражданских делах страны. В связи с этим в июне – начале июля 1907 г. ЦК партии разработал «Тезисы к докладу о задачах к.-д. партии в условиях реакции»⁵. В них определены важные политические и тактические цели и задачи партии в условиях репрессий, кризиса и предстоящих выборов в III Государственную думу. «Тезисы» затрагивали широкий спектр идейных, политических, тактических и организационных вопросов, касающихся важнейших функций жизнедеятельности партии, особенно в условиях нового избирательного закона в Государственную думу от 3 июня 1907 г.

В августе 1907 г. на всероссийском московском совещании идейно-политическая предвыборная программа партии была отражена в «Декларации», опубликованной в «Вестнике партии народной свободы»⁶. По разным каналам «Декларация» и «Тезисы» попали во все губернские группы Урала и местную к.-д. периодику⁷.

Идейно-политические установки ЦК, изложенные в «Тезисах» и «Декларации», детально и скрупулезно обсуждались на разного уровня съездах: районных, губернских, областных, прошедших во всех Уральских губерниях, обсуждение документов было опубликовано в кадетских губернских изданиях⁸. Съездами руководил член ЦК А.М. Колубакин во второй половине июля 1907 г.⁹ Итоговым съездом

⁵ ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 704. – Л. 1.

⁶ Отчет Центрального Комитета Конституционно – Демократической партии (партии Народной свободы) за два года с 18 октября 1905 по октябрь 1907 гг. – СПб., 1907. – С. 48.

⁷ Биржевые ведомости. – 1907. – 20 июня; Уральский край. – 1907. – 26 августа; 1 сентября; Вятский край. – 1907. – 29 августа.

⁸ Там же.

⁹ Речь. – 1907. – 6 июля; – 1 августа; Уральский край. – 1907. – 26 июля; 3, 9, 12 августа.

дом для уральцев стал объединенный Волжско-Камский областной съезд, успешно прошедший в конце июля 1907 г. в г. Казани¹⁰. После выборов в III Государственную думу политическая концепция была детально обсуждена, получила оценку и дальнейшую разработку на V Всероссийском съезде партии в октябре 1907 г.¹¹

Следует отметить, что «Тезисы» и «Декларация» явились хорошей основополагающей идейно-политической и практической предвыборной программой действий для уральских партийных групп в период выборов в III, а затем и IV Государственные думы.

Опыт идейно-политических и тактических наработок, приобретенный накануне выборов в III Государственную думу, был интегрально использован всеми уральскими отделами партии в предвыборной кампании в IV Государственную думу, а также на муниципальных и земских выборных уровнях, а затем на выборах в пацифистские, общественно-экономические организации – ВЭС, ВГС, Земгор, ВПК в период Первой мировой войны.

ЦК, а вслед за ним и уральские отделы партии подчеркивали, что революция пагубно отразилась на общедемократическом, оппозиционном движении, она привела к жестоким репрессиям, дискредитировала мирные демократические парламентарные формы борьбы¹².

Уральские отделы осудили революцию за ее хаотичность, стихийность, деструктивность¹³. Для них, как, впрочем, для всей партии сторонников эволюционного развития, революция была поворотом в реакцию, в диктатуру, в национальную катастрофу. «К.-д. не грешили преувеличенными иллюзиями относительно истинного настроения народа, – писал «Уральский край», – в противовес левым они всегда указывали на стихийный характер русского освободительного движения, на внезапность пробуждения народных масс и поэтому на крайне малую устойчивость его, на хаотичность движения»¹⁴. Поэтому лидеры партии, в том числе и уральские, стремились к конституционным, парламентским методам. Казанский областной съезд постановил, что «участие в деятельности III Государственной Думы ... даст населению средства для борьбы за расшире-

¹⁰ Отчет ЦК КПД – С. 33; Речь. – 1907. – 16 августа; Биржевые ведомости. – 1907 – 8, 17, 22 августа.

¹¹ Речь. – 1907 – 28, 30, 31 октября.

¹² Уральский край. – 1907. – 9 августа.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

ние избирательных прав народа, ...на обязанности оппозиции лежит раскрытие противонародных действий правительства и правых партий, ...укрепление конституционных идей в народных массах...»¹⁵.

Убежденные в разрушительной силе революции Уральские отделы видели свою главную идейно-политическую задачу в организации, объединении и сохранении оппозиционно-демократических сил на местах, в развитии избирательной активности среднего, гетерогенного класса. Уральские отделы стремились направить революцию в парламентско-конституционное русло. Трансформация революции в парламентские реформы была главной идейной и политической задачей кадетов Урала. Это подталкивало местных кадетов к осуществлению другого тактического шага, к организации и руководству прогрессивных сил и их общественных организаций в провинции. Для «...борьбы с подавленным настроением и апатизмом общества...», для борьбы с «реакцией, ...которая покоится ...на дезорганизации общества», партия стремилась к «организации общественных сил...»¹⁶. ЦК партии продолжал ориентировать работу провинциальных отделов на сплочение «многочисленных слоев... "среднего сословия"...промежуточную группу... разнообразную по своим интересам...»¹⁷, которую трудно было организовать в единую политическую партию. ЦК партии подчеркивал, что, благодаря «...широким избирательским кругам мещанства, крестьянства, мелкого чиновничества, служащих и других далеких от комитета групп»¹⁸, партия получила блестящую победу на выборах во II Государственную Думу. В связи с ориентацией на средний класс и учитывая изменившуюся политическую ситуацию в стране после 3-го июня 1907 г., ЦК выдвинул в качестве главного политического и тактического лозунга прежний лозунг – «внеклассовость и внепартийность»¹⁹. В период выборов в Государственные думы основной идейно-политической задачей была предвыборная «внепартийная» организация, сплочение электората и самой партии на основе социально-значимой конструктивной практической работы. В предвыборном Обращении 1907 г. ЦК подчеркивал: «Необходимо сохранить существование

¹⁵ Уральский край. – 1907 – 9 августа.

¹⁶ ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 704. – Л. 1.

¹⁷ Речь. – 1907. – 30 сентября.

¹⁸ Уральский край. – 1907. – 22 августа.

¹⁹ ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 808. – Л. 6. 8.

различных общественных организаций, ввиду чего не следует делать их ареной политической агитации, а ... умело и деловито работать там для этих целей, для которых данные организации учреждены»²⁰.

Поддерживая ЦК, делегаты Волжско-Камского съезда единогласно решили «...склонить членов партии к проникновению в органы земского и городского самоуправления, в том числе в ремесленные и мещанские управы»²¹. Там, где земство и муниципалитеты находились в руках правых, как, например, в Вятке, съезд предлагал «... организовать общества, преследующие задачи однородные с разными отраслями земской деятельности»²².

Следует отметить, что уральские отделы стремились выполнять рекомендации ЦК и решения губернских и областного съездов, особенно накануне выборов в III и IV Государственные думы. Анализ исторических источников показал, что во всех уральских губерниях была развернута «внепартийная, общественно-прогрессивная» предвыборная работа, причем она имела разносторонний, качественный, многоуровневый и значимый по местным меркам характер. Уральские отделы так организовали свою работу, что им удалось охватить разные социальные круги и сферы общественной жизни: культурную, бытовую, образовательную, профессиональную, экономическую, национальную, молодежную и другие. Кадетские представители работали и руководили многочисленными общественными клубами, комитетами, кружками, обществами, объединениями. Все отделы партии смогли сохранить свои печатные издания. Участник Волжско-Камского съезда известный уральский кадет А. М. Спасский писал: «В распоряжении партии находится почти в каждом культурном центре России один или два-три периодических органа печати, существует несколько книгоиздательств в столицах и провинции со специальной задачей распространения партийных взглядов в широких слоях населения, под влиянием партийных деятелей находится ряд общественных организаций ...просветительного, экономического и благотворительного характера...»²³. Исследование общественных организаций Урала показало, что по фамилиям их участников можно легко определить представителей кадетской

²⁰ Там же. – Д. 704. – Л. 1.

²¹ Биржевые ведомости – 1907. – 22 августа.

²² Там же.

²³ Уральский край. – 1907. – 9 августа.

партии. Так, например, в Екатеринбурге осенью 1907 г. была организована «Юридическая консультация» для оказания юридической помощи, причем бедных консультировали бесплатно. Задача консультации «...заклучалась в том, чтобы способствовать развитию среди населения чувства права и законности... Население узнает свои права, привыкнет к закону, будет горячо протестовать против каждого нарушения своих прав»²⁴. Из 18 членов консультации 10 юристов были известными и активными членами партии, такие как Н. Ф. Магницкий, П. А. Кронеберг, М. И. Хволос, Я. Л. Расснер, А. А. Иванов, Б. И. Белорусов и др.²⁵ Консультация работала в течение восьми лет, и была закрыта 3 января 1915 г. В 1907–1908 гг. 743 человека получили консультации, «контингент обращающихся состоял преимущественно из крестьян – 50% и мещан – 35%»²⁶. Метод экстраполяции деятельности консультации показал, что в течение своей работы она обслужила около шести тысяч жителей г. Екатеринбурга и уезда. Аналогичная организация – «Юридическое общество» – в течение нескольких лет работала в г. Уфе²⁷. Летом 1914 г. «оживленный и многолюдный» съезд сельских хозяев г. Уфы принял постановление в характерной для кадетов идейно-политической и правовой формулировке: «Хозяйственная деятельность вообще, и крестьянская в частности, тесно связана с правовым положением населения... Самодеятельность и самоопределение, являющиеся необходимым условием правильного развития хозяйственной деятельности, несовместимы с опекой, с отсутствием гражданских прав, и разрешение хозяйственно-экономических задач страны властно диктует необходимость осуществления начал... Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г.»²⁸. Также примером юридической помощи населению являлись правовые консультации, напечатанные в кадетских газетах гг. Вятки, Челябинска, Оренбурга, Перми и др. Несмотря на усилившуюся цензуру в начале лета 1907 г., кадетская периодика проводила правовое просвещение населения, освещая актуальные для большинства проблемы. Следует отметить, что правовые заметки и консультации на

²⁴ Уральский край. – 907. – 20 ноября.

²⁵ Там же. – 23 ноября.

²⁶ Зауральский край. – 1915. – 6 января.

²⁷ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 г. Изд. Губернского Статистического Комитета. – Уфа. Электрическая типография. – 1912. – С. 66; Уфимский вестник – 1914 15 июня.

²⁸ Вятская речь. – 1914. – 20 июля.

страницах газет вели известные и активные адвокаты и юристы, члены и сторонники партии. Они анализировали незаконные стороны в работе местных администраций и правительства. Таким образом, через организацию практической, благотворительной юридической помощи населению и общественным организациям в губернских городах Урала кадеты легально проводили одну из главных предвыборных идейных установок – идею о правовой и судебной реформах, идею о гражданском обществе, о системе самоуправления, о правовом государстве.

Правительство негативно относилось к деятельности организаций, где лидирующее положение занимали формально беспартийные юристы – кадеты. Уральские губернаторы получали секретные инструкции с просьбой следить за работой общественных организаций, особенно сельскохозяйственных обществ, где работали «...неблагонадежные лица (кадеты. – А.Л.)...под видом ю р и с к о н с у л ь т о в», которые являлись постоянными членами и проводили «...в закрытых заседаниях...свои революционные планы, причем имели ближайшей целью организацию из подобных обществ сначала губернских, а затем всероссийских союзов»²⁹.

Кооперативы и сельскохозяйственные общества и работа в них также стали особой составляющей «беспартийной предвыборной тактики» уральских отделов. Так, в развитии кооперативного движения, как в стране, так и в Вятской губернии, активно участвовал один из лучших представителей партии кадетов П. А. Садырин, известный специалист-аграрник, депутат I Государственной думы³⁰. Для их укрепления кадеты читали лекции, проводили практические занятия по экономике, земледелию, кооперации, предпринимательству. Такие формы и методы работы МВД считало опасными, так в «Инструкции» на имя начальника Пермского Губернского Жандармского Управления подчеркивалось, что «...подобные легальные организации, руководителями которых... являются земские служащие, сочувствующие противоправительственному движению (кадеты. – А.Л.)...создают весьма удобную почву для распространения революционной агитации в деревне»³¹.

Актуальной идейно-политической и тактической зада-

²⁹ ГАПО. – Ф. 65. – Оп. 3. – Д. 27. – Л. 33 об..

³⁰ Теория, история и практика потребительской кооперации. – М., 1918 – С. 348. – ГАКО – Ф. 582. – Оп. 149 – Д. 89. – Л. 17.

³¹ ГАПО. – Ф. 65. – Оп. 3. – Д. 27– Л. 33 об.

чей партии оставалась идея превращения системы местного самоуправления в сильную самостоятельную оппозиционную демократическую силу. ЦК партии рекомендовал отделам регулярно работать в них, чтобы «вернуть земские и городские учреждения в свои руки»³², потому что они «будут еще долгое время играть политическую роль»³³. В связи с этим, в условиях выборов в III Государственную думу, ЦК партии выдвигал главную задачу партии – «...выработку основ общей программы деятельности партии в городских и земских учреждениях»³⁴ для того, чтобы объединить избирателей на основе «беспартийной прогрессивной» тактики. Летом 1907 г. МОЦК провел общепартийное совещание «...земских прогрессивных деятелей по вопросу об установлении общей партийной тактики и однообразного способа действий прогрессивных элементов на губернских земских собраниях»³⁵. Земские уральские губернии – Вятская, Пермская и Уфимская – откликнулись на предложение МОЦК. Вятское земство активно готовилось к совещанию. В начале июля 1907 г. в Вятке начал работать земский губернский комитет, организованный известным общественным деятелем, кадетом Н.А. Чарушиным³⁶. В комитет вошли уполномоченные от восьми уездов губернии: Алфимов (г. Глазов), Бекенский (г. Елабуга), Овчинников (г. Малмыж), Голубев (г. Нолинск), Тюнин (г. Сарапул), Огородников (г. Уржум), А. Н. Баранов и Н. А. Чарушин (г. Вятка) и уполномоченный от г. Слободского³⁷. В комитете работали члены кадетской партии и большинство сочувствующих³⁸. Уполномоченным от комитета на совещание был избран Н. А. Чарушин, а затем А. Н. Баранов, однако из-за репрессий он не попал на совещание³⁹. Уфимское земство было единственным, которое смогло представить огромный Урал. На Московском совещании присутствовали пять кадетов от Уфы, из них Самницкий стал постоянным членом Земского Союза⁴⁰.

³² ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 704. – Л. 1 об.

³³ ГАПО. – Ф. 65 – Оп. 3. – Д. 27. – Л. 1.

³⁴ ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 704. – Л. 1 об.

³⁵ ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 406. – Л. 6 об.; Речь. – 1907. – 13 июня.; ГАПО. – 65. – Оп. 3. – 27. – Л. 1; Д. 28. – Л. 3.

³⁶ ГАКО – 714 – Оп. 1. – Д. 431. – Л. 2; Вятский край. – 1907. – 13. 26 июня.

³⁷ Вятский край. – 1907. – 13, 26 июня; 5 июля.

³⁸ ГАКО. – Ф. 572. – Оп. 149. – Д. 89. – Л. 5 об., 15, 17, 23–23 об.

³⁹ Речь. – 1907. – 13 июня; Вятский край. – 1907. – 13 июня.

⁴⁰ ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 406. – Л. 6 об.; Речь. – 1907. – 13 июня.

Московское совещание активизировало земское дело в Волжско-Камском регионе. Так, в сентябре 1908 г. в Казани кадеты-земцы шести губерний провели «особое предварительное совещание» для подготовки к съезду земских деятелей Волжско-Камского региона, в работе которого должны были участвовать представители тринадцати губернских земских управ⁴¹. Самым активным участником этого совещания был делегат от Пермского земства, известный кадет, редактор популярной газеты «Пермская земская неделя» в 1910–1916 гг., представитель от землевладельцев на губернском съезде по выборам в IV Государственную думу Александр Николаевич Клепинин⁴².

В особом докладе пермский делегат предлагал «... расширить рамки представительства на съезде... допустить в число участников... специалистов по различным отраслям земского дела»⁴³. Это позволило бы репрессированным Пермскому и Вятскому земствам привлечь больше членов партии, сочувствующих ей прогрессивных земцев к участию в работе съезда. Также, по мнению пермского делегата, это оживило бы либеральное земское движение по Уралу⁴⁴.

Большой интерес у уральских кадетов вызывали вопросы практической деятельности в создании и работе общественных массовых легальных организаций, в первую очередь профсоюзов. Следует отметить, что кадеты Урала имели определенный опыт работы в этих организациях в 1904–1907 гг. В период революции почти все губернские группы региона включились в работу профсоюзных организаций, таких как союзы работников наемного труда, рабочих, приказчиков, портных, ювелиров, фармацевтов, врачей, учителей, врачей, служащих земского и городского самоуправления, инженеров и техников⁴⁵. Важно отметить, что именно в вопросах тактики в период выборов в III и IV Государственные думы работа в профсоюзах выдвигалась уральскими группами на первое место. Уральские отделы партии придавали огромное значение повседневной

⁴¹ Вятская речь. — 1908. — 18 сентября.

⁴² ГАПО. — Ф. 65. — Оп. 5. — Д. 62. — Л. 106–107. Вятская речь. — 1908. — 18 сентября.

⁴³ Вятская речь. — 1908. — 18 сентября.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Чулкина М. А. Из истории профессионального движения интеллигенции Урала 1905 г. // Учасие демократической интеллигенции в революционном движении на Урале в период капитализма. — Челябинск. 1981. — С. 23; Фельдман В. В. Профсоюзы Урала до Великой Октябрьской социалистической революции / 1905–1918/. — М., 1984. — С. 41; Нарский И. В. Кадеты на Урале (1905–1907 гг.). — Свердловск, 1991. — С. 59–60.

практической работе в профессиональных союзах, они считали их органами самоуправления. Одним из методов политической работы в профсоюзах была подготовка общественного мнения и создание «широкого оппозиционного беспартийного» блока. Накануне выборов в III Государственную думу кадетские газеты подчеркивали, что партийные группы будут проводить тактику «блокирования» прежде всего «...с национальными и профессиональными организациями...»⁴⁶.

Следует обратить внимание на то, что ЦК партии дал широкую свободу для работы в общественных и профессиональных организациях. Так, в программе областных совещаний «Задачи партии на местах» этот вопрос стоял отдельным пунктом⁴⁷. На областном совещании в Казани 28 июля 1907 г. делегаты пяти уральских губерний приняли решение о том, чтобы «...губернские комитеты приняли живейшее участие в организации и деятельности легально действующих обществ...»⁴⁸, таких как «Лига образования», «Союз учителей», «Народные университеты», «Народные дома», кружки культуры, экономические общества и др.⁴⁹.

С началом войны влияние партии еще более усилилось, особенно это отразилось на работе экономических и пацифистских общественных организаций. В июле – августе 1915 года во всех губернских городах с помощью членов партии были организованы Военно-промышленные комитеты (ВПК)⁵⁰, в которых кадеты занимали руководящую роль. Наиболее сильными ВПК были в Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Уфе, Вятке, то есть, там, где сильными были кадетские организации. Все областные и большинство уездных отделов партии активно вливались в практическую работу Всероссийского Земского и Городского Союзов. Хорошо организованными были Вятский, Екатеринбургский, Уфимский и Пермский отделы Союзов, где руководящую роль также занимали кадеты и прокадетски настроенные земцы⁵¹. Так, например, в составе врачебной комиссии Пермского губернского комитета Земского Союза в 1916 г. из семи специалистов четверо были членами ка-

⁴⁶ Уральский край. – 1907. – 26 августа.

⁴⁷ ГАРФ – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 33 а. – Л. 75.

⁴⁸ ГАРФ. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 996. – Л. 7.

⁴⁹ Там же..

⁵⁰ Отчет о деятельности Пермского биржевого комитета за 1915 год. – Пермь, 1915. – С. 11.

⁵¹ Вятская речь. – 1914. – 3, 5, 15, 17, 26 августа; 3, 4 сентября; Уфимский вестник – 1914. – 2, 13, 14, 16, 25 ноября; 4 марта; – 1916. – 20 марта.

детской партии⁵². В связи с этим лидер партии П. Н. Милуков подчеркивал: «...важно, что там работают наши люди. Установился контакт и с другими деятелями союзов, которые рознятся от нас, но согласны с нами во многом...»⁵³.

Следует отметить, что кадетская периодика пропагандировала идею работы в общественно-пацифистских организациях. Так, все кадетские газеты Урала напечатали программы Земского и Городского Союзов, а также статьи лидеров партии А. И. Шингарева и Д. И. Шаховского, в которых одобрялось сотрудничество отделов партии с Союзами⁵⁴. ЦК партии поддержал работу местных отделов в «...общественных начинаниях, обслуживающих армию и семьи запасных, ...признавая, что отлив сил к обширной работе (в общественных организациях. – А.Л.)...естественно отразится на ... партийной работе...»⁵⁵. В условиях военного времени методы и тактика партии, апробированные в предвыборных кампаниях в Государственные думы, стали более продуманными, разнообразными и динамичными. Складывалась специфическая «партийно-общественная» система, в которой партийные группы региона играли ведущую роль.

Итак, в период выборов в III и IV государственные думы уральские отделы партии проявили политическую и тактическую мобильность. В сложных политических условиях они вынуждены были проводить «прогрессивно-демократическую беспартийную» эластичную тактику для осуществления своей генеральной политической программы, теоретической основой которой был длительный путь генезиса и глубинных трансформационных изменений Российского общества.

КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1917 ГОДУ И ПРОБЛЕМА АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Л.А. Лукьянова

1917 год является, безусловно, рубежным в истории не только нашей страны, но и всего мира, той исторической развилкой, которая позволяет рассматривать довольно

⁵² ГАПО. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 11 – Л. 11.

⁵³ ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1 – Д. 696. – Л. 2

⁵⁴ Вятская речь. – 1914. – 27 июля; 9. 27 августа.

⁵⁵ ГАРФ. – 523. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 16

широкий спектр альтернатив и возможности исторического выбора.

Альтернативный подход все больше завоевывает признание среди историков. Большинство исследователей исходят из того, что истории объективно присуща альтернативность и изучение этой проблемы – одна из главных задач исторической науки. При этом понятно, что все, что произошло и реализовалось – не беспричинно и может быть объяснено определенными обстоятельствами и закономерностями. Но различные закономерности и тенденции часто сосуществуют друг с другом. Те события и явления, которые известны нам как исторические факты, утверждались, как правило, в общественной борьбе, и 1917 год – это тот момент, когда история страны могла получить иное продолжение.

Состоявшийся вариант почти всегда отодвигает в тень не только потенциальные, но и реально заявившие о себе альтернативы, которые по разным причинам (о которых можно спорить) не имели продолжения в дальнейшем. Ярким подтверждением этого является судьба комитетов общественной безопасности¹, сыгравших очень заметную роль в период с марта по октябрь 1917 года, который часто называют «кратким мигом российской свободы», когда после падения монархии Россия стала на короткое время одной из самых демократических стран мира и была поставлена перед задачей организации новой власти.

Именно сформированные повсеместно и на всех уровнях (губернском, уездном, волостном, городском), общественные комитеты весной 1917 года были фактически единственной реальной и наиболее авторитетной властью на местах, в том числе и на Урале. При этом по-прежнему даже сегодня их роль и значение являются недооцененными и недостаточно известными, о чем свидетельствует лишь упоминание о них даже в специально посвященных этому периоду работах.

Главным признаком КОБов была пестрота и неоднородность их социального состава. В них входили представители разных социальных слоев (рабочие, крестьяне, интеллигенция), представители разных профессий и партийной принадлежности (эсеры, меньшевики, большевики, кадеты, октябристы, беспартийные). Сформированные на вы-

---

¹ В разных регионах страны эти организации имели разные названия: комитеты общественных организаций (КОО), комитеты общественного порядка, исполнительные комитеты. На Урале чаще всего они назывались комитетами общественной безопасности (КОБаи).

борной основе из представителей различных общественных организаций и учреждений комитеты являли собой зачатки гражданского общества, стремление к социальному миру и демократическим переменам.

Образование общественных комитетов происходило в обстановке всеобщего ликования по поводу падения монархии и было одним из проявлений гражданской инициативы масс, втянутых в активную общественно-политическую жизнь. Это были самочинные организации (как и Советы), коалиционные (в отличие от них), которые брали на себя властные полномочия в условиях фактического безвластия и пытались контролировать ситуацию на местах и решать общественно значимые вопросы. Причем часто они появлялись раньше Советов и назначения правительственных комиссаров, взаимоотношения с которыми впоследствии складывались в разных местах по-разному: от неприятия и соперничества до полной согласованности в действиях. Нередко имело место частичное совпадение кадрового состава: например, нередко в докладе отдела сношений с провинцией при Временном комитете Государственной думы, обобщившем картину местной власти первых недель после отречения Николая II, говорилось, что первыми в хронологическом порядке почти везде создавались губернские общественные комитеты и административный аппарат выглядел следующим образом: 1 – губернский комитет, 2 – городской комитет, 3 – уездный комитет, 4 – городская дума, 5 – губернская управа, 6 – уездная управа, 7 – Совет рабочих и солдатских депутатов, 8 – представители правительства – комиссары². В марте – апреле 1917 года было создано 79 губернских и 65 уездных комитетов³.

На Урале численность КОБов была большей по сравнению с другими регионами за счет множества заводских комитетов⁴, тесно взаимодействовавших в большинстве случаев с Советами. В отчетах уральских правительственных комиссаров, а также на Совещаниях горнопромышленников Урала действия Советов и комитетов общественной безопасности характеризовались чаще всего с аналогичными оценками⁵. Специфику уральских комитетов, связанную с социальным составом и характером их деятельности

² Красный архив. – 1926. – №2 (15). – С.39.

³ ГАРФ. – Ф.1788. – Оп. 2. – Д.26. – Л. 40.

⁴ ГАПО. – Ф. 167. – Оп. 2. – Д.27. – Л. 15–23.

⁵ ГАРФ. – Ф.1791. – Оп.6. – Д. 401. – Л. 134; ГАПО. – Ф 69. – Оп.1. – Д.24. – Л. 236–242; ГАСО. – Ф.45 – Оп 1. – Д.287. – Л. 1, 24

в свое время отметили пермские историки Ф.С. Горовой и И.С. Капцугович⁶. В развернувшейся дискуссии их поддержали немногие – В. Адамов, И Пушкарева, А. Андреев и некоторые другие историки. Тем самым фактически был поставлен вопрос о необходимости отказа от схематичной и однозначной трактовки понятия «двоевластие», что в дальнейшем было признано многими⁷.

Соотношение сил в комитетах зависело от конкретной социально-экономической и политической ситуации на местах и во многом определяло характер их действий. А они были чрезвычайно разнообразны и касались всех насущных проблем общественной жизни: участие в разоружении полиции, формирование милиции и управление ею, обеспечение общественного порядка, учет продовольствия и организация снабжения им населения, урегулирование земельных споров, установление 8 часового рабочего дня на заводах, принятие мер по демократизации городских дум и земств и т. д.

В массовой смене назначенных Временным правительством комиссаров КОБы принимали самое активное участие. Как правило, именно они подбирали кандидатуры, а Временное правительство, о поддержке которого заявило большинство комитетов, не могло утвердить своих комиссаров без их согласия. Часто председатели комитетов становились правительственными комиссарами.

Определяющее влияние КОБов на ход событий, их авторитет и обладание ими реальной властью отмечалось на Петроградском съезде губернских комиссаров в апреле 1917 г.⁸

Временное правительство попыталось подчинить себе комитеты, унифицировать их структуру и деятельность. По его поручению МВД стало запрашивать сведения о них у комиссаров – о составе, структуре, способах образования, функциях, взаимоотношениях друг с другом и органами местного самоуправления. В распоряжениях Временного правительства, рассылаемых на места с марта 1917 г., КОБы рассматривались как временные коалиционные об-

⁶ Горовой Ф.С. Вступительная статья. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. – Пермь. 1957. – С. 14–18. Он же. Комитеты общественной безопасности в период Февральской революции 1917 г. на Урале (По материалам Пермской губернии)// На Западном Урале. – Пермь 1969. – Вып.5. – С. 124–143; Капцугович И.С. Крестьянское движение в Пермской губернии в 1917 году. – Пермь. 1957. – С. 109–110.

⁷ Внутренняя политика Временного правительства первого состава. – Л., 1980. – С. 204; Обухов Л.А. Советы Урала в 1917 году. – Пермь. 1992. – С. 88 и др.

⁸ ГАРФ. – Ф. 1788. – Оп.2. – Д.26. – Л. 187, 187 об.

пественные организации, объединяющие все слои населения, выражающие общественное мнение и действующие под руководством комиссаров. Но деятельность комитетов оказалась шире тех рамок, которые были желательны правительству. Наряду с сообщениями о действиях КОБов, вызывавших его одобрение, не менее многочисленны были и такие, которые шли вразрез с его указаниями и явно противоречили его политике (например, участие комитетов в установлении 8-часового рабочего дня на предприятиях и повышение зарплаты рабочим, постановления о немедленной конфискации частновладельческих земель и передаче их крестьянам и др), что вызывало недовольство и протест со стороны Временного правительства.

Таким образом, в отношении официальной власти к КОБам проявлялась двойственность, – с одной стороны, Временное правительство стремилось опереться на общественные комитеты даже тогда, когда они уже теряли свою роль и значение, вынуждено было считаться с ними, с другой стороны – часто проявляло недовольство их действиями и сохраняло постоянную настороженность в отношении к ним. Оно так и не решилось узаконить их и придать им официальный статус.

Да, комитеты общественной безопасности быстро сошли с политической арены, потеряв к осени 1917 года, когда произошла поляризация политических сил, свое бывшее значение. Это был во многом закономерный итог в тех российских условиях, и проявление несостоявшейся альтернативы реформистского пути развития, из-за слабости и ошибок Временного правительства, радикализма части общества, особенностей российского менталитета, и т.д.

События Октября 1917 года еще долго будут вызывать споры и полярно противоположные оценки. Их разность связана со сложностью самого революционного процесса, в котором слились различные по происхождению и целям политические силы: «крестьянская революция», выступление пролетариата, солдатские бунты, национально-освободительное движение. Катализатором же революционного процесса стала Первая мировая война, которая вызвала экономический кризис и обострила все общественные противоречия, с чем не смогла справиться ни монархия, ни новая власть. Но в результате был создан новый общественный строй, суть которого определяется по-разному.

Коалиционные общественные комитеты были органами сотрудничества и компромисса, ориентированные на рефор-

мистский путь развития. Их создание и деятельность являлись выражением стремления к согласию и объединению во имя демократических перемен, что неизбежно отвергается революцией, для которой не характерна формула «врозь и вместе» – основы эволюционного пути развития.

Предпочтение эволюционного пути революционному в нашем обществе начало осознаваться недавно. Во многом этому способствовал ход развития событий в 1990-е годы. В начале 90-х параллели и аналогии с 1917 годом были явными, о них говорили историки и обществоведы: та же быстрая смена ситуации, политическая и экономическая нестабильность, втягивание в активную политическую жизнь миллионов людей, нецелостность и слабость властных структур, их противоречия друг с другом и т. д.

Рассмотрение сложных процессов и явлений, происшедших в 1917 году, всесторонний анализ отношений власти и состояния общества, сдвигов, происходивших в социально-политической сфере, чрезвычайно актуально для понимания проблем и тенденций современного общественно-политического развития. Знание альтернатив прошлого необходимо для предотвращения повторения ошибок и новых социальных опасностей. Гражданского общества, зачатком которого в 1917 году были комитеты общественной безопасности, в современной России нет и сейчас. И как знать, может быть, сегодня, в 2006 году, в нашей стране уже пройдена та историческая развилка, когда разговор о реальных, а не мнимых альтернативах уже не имеет смысла и «веер альтернатив» оказался свернутым.

ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ НА УРАЛЕ В 1917 ГОДУ

Т. А. Гаузова

В начале 1917 г. противостояние Государственной думы и царского правительства, с одной стороны, и рост рабочего движения, вызванный дороговизной жизни, нехваткой продовольствия, – с другой, привели к политическому кризису, вылившемуся в революцию.

1917 год принес изменения и в политическую жизнь Урала. Революция здесь, как и во многих других местах России, прошла мирно. В начале марта местные газеты писали о создании Временного правительства, призывали поддерживать его.

5 марта Временное правительство сместило губернаторов

и заменило их «губернскими комиссарами», в роли которых выступали председатели губернских земских управ «со всеми правами, предоставляемыми узаконениями губернатору». На Урале смена власти произошла в течение нескольких дней марта. По поводу происшедших событий во всех губерниях и уездных центрах прошли земские собрания. Так, Пермское губернское земство для ознакомления населения губернии с происходящими событиями ассигновало 50 тыс. рублей, предложило издание брошюр, листов и плакатов, организацию лекций¹.

В стране формировалась новая вертикаль власти. Характерными чертами нового времени стали свобода и деятельность различных политических и общественных организаций.

Наряду с органами буржуазной власти возникли и различные общественные организации: комитеты общественной безопасности, комитеты общественных организаций и др. В организации и деятельности некоторых из них приняли участие кадеты Урала.

Так, 5 марта в Перми на заседании Совета всех общественных организаций был создан комитет общественных организаций (КОБ). В начале марта подобные комитеты возникли в Екатеринбурге, Шадринске, Ирбите, Нижнем Тагиле, Камышлове, Осе, Соликамске, Кунгуре и др. местах Пермской губернии. Весной они были образованы также в волостях и уездах Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний. В апреле подобные комитеты были организованы уже в 26 волостях Златоустовского уезда, во всех 47 волостях Пермского уезда². Комитеты общественной безопасности, возникшие на Урале после февральских дней, по своему составу и характеру деятельности были неравнозначными. Опубликованные источники и материалы архива позволяют сказать, что в губернских центрах они были созданы по инициативе буржуазной интеллигенции, и она играла в них руководящую роль. Так, в Пермский комитет входили: кадет В.И.Иванов, врач; председатель Пермского биржевого комитета Н.В. Мешков; преподаватель реального училища кадет Н. А. Несслер; гласные городской думы – всего 9 чел. В Екатеринбурге – помощ-

¹ Вятская речь. – 1917. – 8 марта: Пермские ведомости. – 1917. – 7 марта; Пермская жизнь. – 1917. – 7, 28 марта; Уфимские ведомости. – 1917. – 11 марта; Зауральский край. – 1917. – 15 марта. ГАСО. – Ф. – 638. Оп. – 1. Д. – 5. – Л. 4

² Известия Уфимского губернского комиссариата. – 1917. – 7, 2 апреля: ГАРФ – Ф 398. – Оп. 2. – Д. 64. – Л. 236 об.

ник присяжного поверенного кадет Полузадов; инженер при техническом бюро Уральского областного военно-промышленного комитета кадет А.А. Кронеберг; директор электростанции, крупный акционер кадет Л.А. Кроль; присяжный поверенный кадет В.Х. Тюшев; в составе Уфимского комитета были городской голова Верниковский, землевладелец П.Ф. Коропачинский³. Анализ состава других комитетов общественной безопасности и комитетов общественных организаций показывает, что в их составе были самые разнообразные категории населения: рабочие, служащие, преподаватели, представители гарнизонов, судьи, нотариусы, земские служащие, служители культа. На последних особенно возлагались большие надежды. Организаторы Орловского КОБа Вятской губернии, вводя в свой состав священника, писали, что «так как представители церкви в настоящее время могут оказать большую услугу в деле сохранения спокойствия населения, то желательно участие представителей духовенства»⁴. Соотношение сил в комитетах было неравномерным. Соответственно социальному составу определялись и задачи этих организаций. Пермский КОБ – рассматривался как организация «чисто политическая в интересах неукоснительной защиты начинаний нового правительства». Уфимский – должен был «способствовать укреплению нового строя, наблюдать за деятельностью правительственных учреждений в целях согласования ее с требованиями нового центрального правительства»⁵. Совсем иного плана были задачи и деятельность заводских комитетов. В большинстве своем комитеты общественной безопасности проводили политику Временного правительства.

Деятельность политических партий стала характерной чертой нового времени. В новой политической ситуации все партии получили свободу и начали вновь создавать свои организации и расширять сферу своего влияния.

Либеральное начало было представлено партией конституционных демократов (кадеты). После Первой русской революции она формально оставалась нелегальной. Несмотря на то, что конституционно-демократическая партия не была зарегистрирована властями, она вплоть до февраля 1917 г. работала фактически легально, имела ЦК, местные

³ Пермские ведомости. – 1917. – 7 марта; Уральская жизнь. – 1917. – 7 марта; ЦГИА РБ. – Ф. Р-3. – Оп. 1 – Д. 1. – Л. – 1 об.

⁴ Вятская речь. – 1917. – 18 марта.

⁵ Пермские ведомости. – 1917. – 7 марта; ЦГИАРБ. – Ф. Р-3. – Оп. 1 – Д. 1. – Л. 1 об.

организации⁶. После Февраля кадеты внесли некоторые коррективы в программу своей партии. На VII съезде, в марте 1917 г., они объявили себя республиканцами.

После прихода к власти ЦК кадетов и местные его отделы повели усиленную организационную работу. В начале марта в Пермской губернии возникли два областных комитета партии: в Екатеринбурге – Временный губернский по Зауральским уездам, председателем которого стал присяжный поверенный Д. М. Веселов. 10 марта собрание членов комитета образовало Совет комитета под председательством Л. А. Кроля. 20 марта в Перми был образован Временный Пермский комитет, в состав которого вошли врач В. И. Иванов, присяжный поверенный М. М. Кузнецов, преподаватель Л. А. Потоцкий, профессора Пермского университета И. Ю. Петровский, Л. В. Успенский, Б. К. Поленов, В. Ф. Матвеев. 18 апреля он был преобразован в постоянный комитет Пермского отдела. Уфимские кадеты провели выборы комитета в начале апреля 1917 г. В его состав вошли П. П. Толстой, Н. Н. Быковский, А. Ф. Ница, С. С. Меклер и др. В Вятке комитет партии был создан 29 апреля на собрании местной группы⁷.

В марте 1917 г., следуя указаниям ЦК, уральские кадеты приступили к организации отделов партии в городах и уездах Урала. 10 марта собрание членов Временного по Зауральским уездам комитета выделило специальное бюро для организации Екатеринбургского уезда. В мае 1917 г. в Екатеринбурге был образован городской комитет, при котором созданы фракции торгово-промышленных служащих, учащихся, государственных служащих, военная и железнодорожная. Весной 1917 г. комитеты партии возникли в Камышлове, Шадринске, Ирбите. В Камышлове в состав комитета входило 10 чел. Председателем его был избран К. П. Граднев. В марте – апреле уездные группы были организованы в Котельниче, Сарапуле, Орлове, Яранске, Нолинске, Уржуме, Ижевске и Воткинске Вятской губернии⁸.

31 апреля комитет Пермского отдела партии народной свободы объявил себя губернским и вынес решение созвать

⁶ См.: Драма российской истории: большевики и революция // Россия XX век. Исследования. – М., 2002. – С. 190.

⁷ Зауральский край. – 1917. – 14 марта, 15 марта; Вестник Пермского края. – 1917. – 22 марта, 20 апреля; Известия Уфимского губернского комиссариата. – 1917. – 8 апреля. Вперед. – 1917. – 15 апреля.

⁸ Зауральский край. – 1917. – 11, 26 мая; 3, 11 июня, Вятская речь. – 8 марта, 27 апреля.

Пермский губернский съезд партии 2 мая 1917 г. для выяснения вопросов об организации уездов. По поручению Временного по Зауральским уездам комитета 10 июня в Ирбите по вопросу организации выступил И.Ф. Круковский, который говорил о необходимости и целесообразности организации в городе уездного комитета партии. Летом 1917 г. отдел партии был образован в Красноуфимске, Кунгуре⁹. В послефевральский период ЦК партии народной свободы в качестве очередной задачи ставил широкое привлечение в свои ряды представителей демократии. Не случайно князь Д. И. Шаховской на VII съезде партии в марте 1917 г. заявил, что «самая деятельная пропаганда партийных идей в широких массах населения и привлечение в ряды партии их представителей составляет очередную задачу момента»¹⁰.

Настойчивые попытки проникнуть в рабочую среду предпринимают и уральские кадеты. С этой целью весной 1917 г. они пытаются создать организации на Кушвинском, Нижне Туринском, Невьянском заводах, вовлекая в них служащих заводоуправлений. 23 марта на Кушвинском заводе на организационном собрании членов партии был избран комитет, который возглавил С.В. Главацкий. В мае он насчитывал около 50 человек¹¹.

Весной 1917 г. кадеты начали агитацию и среди крестьянства. Лидер кадетов Пермской губернии Л.А.Кроль в тезисах доклада по организационному вопросу, представленного в ЦК партии, писал: «Без завоевания деревни получить большинство в стране невозможно». Вопрос об организации деревни 10 июня обсуждался в Ирбите. На собрании, организованном по этому поводу, подчеркивалась необходимость создания волостных и сельских комитетов. Собрание постановило: «Принять все меры к пропаганде идей партии для массового привлечения новых членов». Члены комитета Кушвинского завода выезжали по приглашению крестьян в деревню Плотники, Лаю и др. В августе отдел партии начал функционировать в селе Усть-Кишерть Пермского уезда. Деятельное участие в его организации приняла местная интеллигенция¹². В отдельных местах на Урале кадетам удалось создать сельские комитеты, однако их число было незначительным.

⁹ Вестник Пермского края. – 1917. – 25 апреля; Зауральский край – 1917. – 7 июля; Народная свобода – 1917 – 17 августа.

¹⁰ ГАРФ. – Ф. – 523. Оп. – 3. Д. 6. – Л. 3 об.

¹¹ Зауральский край. – 1917. – 7, 24 мая; 3 июня; 7 июля

¹² Зауральский край. – 1917. – 7 июля; Народная свобода. – 1917. – 24 августа.

В послефевральской России, вопреки усилиям лидеров кадетской партии, она не стала массовой. Исследователи указывают, что к концу лета 1917 г. местные организации кадетов существовали в 73 губернских и областных городах, 240 – в уездных и 50 – в других населенных пунктах¹³. Такие организации имелись на Урале во всех губернских центрах и многих уездных городах, таких как Екатеринбург, Камышлов, Шадринск, Ирбит, Оса, Соликамск, Кунгур, Котельнич, Орлов, Сарапул, Яранск и др. (табл.)

КОМИТЕТЫ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ НА УРАЛЕ В 1917 ГОДУ

№ п/п	Наименование комитетов	Время создания	Печатные органы	Численность по месяцам							
				март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.
Г У Б Е Р Н С К И Е											
1	Вятский	29 апреля	«Вятская мысль»	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Екатеринбургский по Зауральским уездам	10 марта	«Зауральский край» «Уральская жизнь»	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Оренбургский	20 марта	«Народная свобода»	—	—	—	—	350	—	—	—
4	Пермский	—		80	—	—	—	—	—	—	—
5	Уфимский	нач. апреля		—	60	—	—	—	—	—	—
У Е З Д Н Ы Е , Г О Р О Д С К И Е											
6	Белебеевский	—	—	—	—	—	—	100	—	—	—
7	Бирский	—	—	—	—	—	—	100	—	—	—
8	Верхотурский	—	—	—	—	—	—	—	183	—	—
9	Екатеринбургский	май	—	—	—	—	200	—	—	—	—
10	Ижевский	—	«Народная свобода»	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Ирбитский	весна	—	—	—	—	—	—	—	—	—

¹³ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России / нач. XX в. – 1920 гг. / – М., 1977. – С. 252; Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917г. Из истории политических партий в России между двумя революциями. – Л., 1973. – С. 187. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. – Т. 2. – М., 2000. – С. 190–191.

№ п/п	Наименование комитетов	Время создания	Печатные органы	Численность по месяцам							
				март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.
12	Камышловский	конец мая	«Заря народоправства»	—	—	10	—	—	—	—	123
13	Котельнический	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	Красноуфимский	лето	—	—	—	—	—	—	30	—	—
15	Кунгурский	лето	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	Нолинский	лето	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	Орловский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	Осинский	—	—	—	—	—	—	—	36	—	—
19	Оханский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Сарапульский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Соликамский	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—
22	Троицкий	—	«Свободная речь»	—	—	—	—	—	—	—	—
23	Туринский	—	—	—	—	—	—	—	65	—	—
24	Уржумский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	Челябинский	—	«Народная свобода»	—	—	—	—	—	—	—	—
26	Шадринский	весна	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	Яранский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ЗАВОДСКИЕ ПОСЕЛКИ											
28	Каменский	—	—	—	—	—	—	70	—	—	—
29	Кушвинский	23 марта	—	—	50	—	159	—	—	—	—
30	Невьянский	весна	—	—	—	—	19	—	—	—	—
31	Н.-Тагильский	—	—	—	—	—	—	—	—	182	—
32	Н.-Туринский	март	—	—	—	—	—	—	—	—	—
33	Палевской	—	—	—	—	—	17	—	—	—	—
ДРУГИЕ НАСЕЛ. ПУНКТЫ											
34	Давлеканово	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
35	Лая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
36	Плотники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
37	Усть-Кишерть	23 августа	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Из таблицы видно, что местные комитеты партии были весьма немногочисленны – от 17 до 150 чел. Лишь Оренбургская группа в июле насчитывала около 350 членов. Так же, как и в центре, уральские кадеты предпочитали «сохранять в тайне» число членов своей организации.

По социальному составу члены кадетской партии были в основном представителями буржуазной интеллигенции. Так, из 15 членов Пермского губернского комитета было 3 профессора, 2 врача, 3 присяжных поверенных, 3 преподавателя. В Кунгурский комитет входило 3 фабриканта, врач, следователь, 2 лесничих, офицер¹⁴.

Анализ социально-профессионального состава кандидатов в городское самоуправление и Учредительное собрание от партии народной свободы также подтверждает, что членами партии являлись преимущественно представители буржуазной интеллигенции – инженеры, врачи, преподаватели, профессора, адвокаты, присяжные поверенные, судьи, нотариусы, журналисты, архитекторы, инспектора различного рода, земские деятели, служители культа, коммерсанты, а также незначительное количество крестьян.

Особое внимание партия уделяла издательской деятельности. 29 марта 1917 г. на заседании ЦК для этой цели была образована специальная комиссия под руководством М. М. Винавера и А. А. Корнилова. В первую очередь издавалась программа партии, брошюры, листовки. С марта по апрель ЦК партии народная свобода выпустил 20 листовок и плакатов общим тиражом 2 млн экземпляров¹⁵. Активную работу вели кадеты и на местах. При Пермском губернном комитете партии была организована литературно-издательская комиссия и отдел по распространению литературы. В июне секция печати Екатеринбургской группы приступила к печатанию речей А. Керенского. На Кушвинском заводе комитет партии издал партийную программу, брошюры: «Речь Родичева на VII съезде партии», «Что добивается партия народной свободы?»¹⁶ Большая роль в печатной пропаганде отводилась партийной прессе. На Урале кадетские газеты выходили практически во всех местах, где имелись партийные группы. В Вятке – «Вятская мысль», в Екатеринбурге – «Зауральский край», в Перми – «Народная свобода». Газеты с аналогичным на-

¹⁴ Вестник Пермского края. – 1917. – 21 марта; 20 апреля.

¹⁵ Думова Н. Г. Из истории кадетской партии в 1917г.: Исторические записки. – М., 1972. – № 90. – С. 125.

¹⁶ Зауральский край. – 1917. – 7 июня, 7 июля, 5 октября

званием выходили в Челябинске, в Ижевском заводе. Издание партийного органа в июне было предпринято Шадринским уездным комитетом. В руках кадетов также находились формально беспартийные, но редактируемые кадетами «Известия Временного правительства», издаваемые во всех губернских центрах Урала. Так, «Вестник Пермского края» редактировал преподаватель истории Пермского реального училища кадет Н. А. Несслер. Редакция общала, что газета «будет находиться в ведении общественных кругов, которые призваны закрепить завоевания русской революции». В Уфе такой газетой стали «Известия уфимского губернского комиссариата», которые редактировались крупным землевладельцем П. Коропачинским, в Вятке – «Вятские известия Временного правительства», «Вятские губернские ведомости»¹⁷. Для привлечения масс на свою сторону кадеты широко использовали агитационную работу. В апреле при Временном Пермском губернском комитете образовалась агитационная комиссия, весной агитационная секция была создана в Екатеринбурге¹⁸. Кадеты широко рекламировали программные вопросы партии. Так, уже 11 марта в Вятке прошел первый митинг, на котором выступил бывший депутат Первой Государственной думы, присяжный поверенный, кадет Н.В. Огнев, который говорил о необходимости утверждения в России демократической республики. 21 апреля на митинге, созванном Екатеринбургским комитетом, кадеты утверждали, что их партия якобы не защищает какого-либо определенного класса, а ее лозунгом является государственная точка зрения и «общее благо».

Весной 1917 г. кадеты восторженно встретили создание коалиционного правительства. 5 мая 1917 г. лидер уральских кадетов Л. А. Кроль отмечал на собрании по вопросам текущего момента, что кадеты уважают тех социалистов, которые вошли в министерство, так как «ради спасения Родины они встали у власти», Кризис власти они объясняли тем, что Временное правительство в старом составе не имело силы, чтобы проводить свою политику и осуществлять принятые обязательства, что только новое правительство, основанное на коалиции партий, может спасти страну от гибели. Аналогичную мысль высказывали и уфимские кадеты, один из деятелей партии А.Ф. Ницца

¹⁷ Пермский вестник Временного правительства – 1917. – 6 июля; Зауральский край. – 1917. – 15 июня; Вестник Пермского края. – 1917. – 12 марта.

¹⁸ Народная свобода. – 1917. – 10 августа; Зауральский край. – 1917. – 21 апреля, 16 мая.

причину кризиса также видел в безвластии Временного правительства. «Политика, исключая интересы буржуазии в эпоху капитализма, интересы интеллигенции и культуры, есть политика гибели», — отмечал оратор на собрании местной группы 6 мая 1917 г. Спасение России кадеты видели в поддержке вновь сформированного правительства. Оправдывая внешнеполитический курс Временного правительства, уральские кадеты считали, что война ведется «за насущнейшие интересы страны, за самое ее бытие», и усиленно пропагандировали «Заем свободы»¹⁹.

28 мая члены Екатеринбургского комитета Н.Н.Бегишев и Н.П. Чистосердов на митинге, устроенном Камышловским комитетом партии, подчеркивали неизбежность партийных раздоров при современных условиях, когда страна находится в состоянии войны и испытывает острый экономический и продовольственный кризис, когда особенно нужна «строга продуманная реальная политика, а не опыты с насаждением нового социального строя, не имеющего еще прецедентов в истории западноевропейских стран и являющегося продуктом чисто теоретических построений, не осознанных и не проверенных жизнью»²⁰. Активную агитационную работу проводили руководящие деятели партии Л. А. Кроль, Н.П. Чистосердов, В. И. Сумароков и др. Последний, являясь членом Пермской губернской земской управы, заведующим статистическим отделом Пермского губернского земства, в 1916–1917 гг. производил губернскую подворную перепись крестьянских хозяйств, которая имела целью специальную подготовку плана земельной реформы к Учредительному собранию, считался специалистом по аграрному вопросу и часто выступал с агитационными лекциями.

ЦК партии кадетов придавал большое значение делу подготовки агитационных кадров в провинции. В июле 1917 г. была организована серия лекций по подготовке провинциальных агитаторов. Для упрочения своего влияния в интеллигентских кругах кадеты широко использовали политические клубы. В апреле 1917 г. «внепартийный» клуб функционировал в Екатеринбурге. В совет клуба входили Н.П. Чистосердов, С.П. Квашин и др.²¹.

Широкую агитационную работу партия проводила в пе-

¹⁹ Зауральский край — 1917. — 11 мая, 15 мая; Вперед. — 1917. — 9 мая.

²⁰ Вятская речь. — 1917. — 18 марта; Думы Урала. — 1917. — 3 мая; Зауральский край. — 1917. — 9 июля.

²¹ Зауральский край. — 1917. — 2 апреля, 8 июля

риод предвыборных кампаний в городское самоуправление и Учредительное собрание. Весной – летом 1917 г. сферой приложения сил для нее стали городские думы. Выборы проводились на основании нового закона, изданного Временным правительством 15 апреля 1917 г.

В апреле 1917 года губернские комиссары Временного правительства получили телеграммы из Министерства внутренних дел, в которых предлагалось срочно организовать работу по составлению избирательных списков и сообщить о сроках их составления и днях выборов. Это были первые после Февраля выборы.

В период предвыборной агитации кадеты широко использовали печать. В мае – июле 1917 г. уральские кадеты провели ряд предвыборных собраний в Вятке, Екатеринбурге, Перми и других городах Урала, на которых представляли муниципальную программу партии. На собраниях они излагали также и основные ее положения, говорили о необходимости собственности как частной, так и коллективной, об улучшении положения трудящихся масс, об издании соответствующих законов. Они постоянно пытались утверждать, что их партия является надклассовой и отличается от левых социалистических партий тем, что не дает неисполнимых обещаний. Активными проводниками программы партии выступали А.Ф. Ницца – в Уфе, Д.И. Чистосердов, Д.М.Веселов – в Екатеринбурге, В.П. Иванов, Н. А. Несслер, Л. В.Успенский, В.М.Сумароков – в Перми, Н.В.Никольский – в Вятке²².

Предвыборная кампания в Вятской губернии началась в конце мая 1917 г. 31 мая, выступая на собрании домовладельцев Вятки, кадет Н.В. Никольский отмечал, что программа партии в рабочем и аграрном вопросе отстаивает не узко классовые интересы, как это пытаются представить. Он обратился к присутствующим с призывом увеличить число членов партии в городской думе и Учредительном собрании. В результате чего домовладельцы решили блокироваться с партией народной свободы, а 19 июня на собрании партии был составлен список кандидатов в гласные городской думы и обсуждалась муниципальная программа, в которой предлагалось привлечь к обложению прогрессивным подоходным налогом недвижимость и отмечалось, что необходимо искать и новые источники обложения²³.

²² Зауральский край. – 1917. – 7июня; Вятская мысль. – 1917. – 22 июля.

²³ Вятская мысль. – 1917. – 22 июня. Вятская речь. – 1917. – 2, 16 июня, 13, 26 июля.

В Пермской губернии особенно преуспел в этом Екатеринбургский комитет партии. Для подготовки выборов в городе были организованы участковые бюро, а для координации их деятельности в июне – августе 1917 г. в Екатеринбурге было учреждено Центральное партийное бюро.

В связи с предстоящей работой в июне состоялось несколько собраний партии. 2 июня на соединенном заседании городского комитета и участковых бюро обсуждался вопрос о выработке платформы муниципальной политики. Разработку ее программы предложили подготовить К. М. Гавриленко. 9 июня он сделал доклад о городском самоуправлении, в котором особое внимание обратил не столько на муниципальную программу, сколько на то, что городское хозяйство и самоуправление – это очень сложное и ответственное дело, требующее знаний и опыта. 18 июня среди членов партии был проведен опрос о желательных кандидатах в гласные и предложен список из 85 человек.

Более развернуто была представлена муниципальная программа Пермским комитетом. 3 июля на митинге в Кирило-Мефодиевском училище, которым пермские кадеты открыли ряд предвыборных собраний, председатель комитета В.П. Иванов изложил ее основные положения. В финансовых вопросах предполагалось введение прогрессивного подоходного налога, сложение с города обязанностей по расквартированию и довольствию запасных частей и милиции. В санитарном отношении – обеспечение населения бесплатной медицинской помощью, организация приютов для беспризорных детей, борьба с социально-опасными болезнями. Городу должно быть предоставлено право отчуждения частной собственности для осуществления его мероприятий. В жилищном вопросе содержалось требование создания инспекции квартир для контроля жилищных мест, поощрение городского строительства. Культурно-просветительные задачи ограничивались лишь бесплатным обучением в средних учебных заведениях. Предполагалось традиционное решение рабочего вопроса в духе партийной программы. Продовольственную проблему хотели снять организацией городских лавок и созданием общественных кухонь²⁴. Непосредственно перед выборами, в августе 1917 г., пермские кадеты несколько оживили свою работу. С 11 по 13 августа они провели несколько митингов, на которых выступали члены комитета Н.А. Несслер, Л.В. Успенский,

---

²⁴ Пермский вестник Временного правительства. – 1917. – 7 июля.

В.М. Сумароков, О. Циммерман. В частности, 10 августа на митинге в районе Заимки выступающий Н.А. Несслер отметил, что для ведения городского хозяйства нужны опытные и умелые руки, а не слова и заманчивые обещания. «Партия «народной свободы», – отметил докладчик, – тем и отличается от левых сил, что не дает неисполнимых обещаний... внеклассовая партия защищает интересы всех граждан, всего городского хозяйства».

Выборы в городские думы проходили в июне – июле, в отдельных местах – в августе 1917 г. Списки кандидатов выставлялись различными политическими партиями и общественными группами, которые блокировались в разных сочетаниях. Так, в Вятке кадеты проходили не только по партийному списку, но и по списку Союза служащих, домовладельцев, а также блоку, в который входили представители Торгово-промышленного союза и домовладельцы. В губернском центре в думу было избрано 60 гласных, из них: социалистический блок – 39, беспартийных – 6, кадетов – 15 человек. По профессиям гласных Вятской городской думы представляли: 4 журналиста, 7 врачей, 3 юриста, 4 учителя, 14 служащих, 8 чиновников, 1 инженер, 6 железнодорожных служащих, 4 коммерсанта, 6 человек частного труда, военных. Итоги выборов в губернии выглядели следующим образом: всего в городские думы был избран 331 гласный. По партийному списку кадеты получили 26 мест. Если учесть, что в Орловской городской думе помимо партийного списка кадеты получили еще 7 мест, то можно предположить, что в целом по губернии они составили 1/5 часть всех гласных городских дум. Во время выборов в органы городского самоуправления кадеты получили в Перми 8 мест из 76. В Екатеринбургскую городскую думу было избрано 85 гласных. Из них: социал-демократов (б) – 18 человек, социал-демократов (м) – 3, социалистов-революционеров – 44, кадетов – 10. В Уфе избрано 102 гласных в городскую думу. Из них: социалистический блок – 71 человек, кадеты – 14 человек. В Бирске – кадетов 3 из 29, в Соликамске и Осе по одному человеку²⁵.

Таким образом, после Февральской революции уральские кадеты активизировали свою деятельность. Это проявилось и в организационной работе, и в период предвы-

²⁵ ГАРФ. – Ф. 406. – Оп. 6. – Д. 196. – Л. 21; Д. 416. – Л. 39 с об., 137, 238; Оп. 5. – Д. 51. – Л. 10–12; ГАКО. – Ф. 1345. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 102–104 с об.; ГАПО. – Ф. 167. – Оп. 2. – Д. 5. – Л. 17 об., 21 об., 29, 42.

борной кампании в городские думы летом 1917 г., хотя итоги выборов в органы местного самоуправления свидетельствовали о том, что большинства голосов кадеты получить не смогли. Так было не только в губернских центрах, но и в уездных городах. Усиленная агитационно-пропагандистская работа, которую проводили кадеты на Урале, не привела к желаемым результатам. Первые после февраля 1917 г. свободные выборы свидетельствовали о непопулярности партии народной свободы на Урале.

Однако, несмотря на явное поражение, конституционные демократы не спешили отказываться от дальнейшей борьбы, но это уже другая страница, связанная с Учредительным собранием.

Л. С. СОСНОВСКИЙ НА УРАЛЕ

(1917 ГОД)

Л. А. Обухов

В 1917 г. самыми популярными и авторитетными лидерами большевиков на Урале были Н.Н. Крестинский и Л.С. Сосновский. Первый из них возглавил областной партийный комитет, второй был его заместителем, а с июля 1917 г. стал председателем областного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Урала, председателем областного бюро профсоюзов. Это были яркие незаурядные личности, во многом определявшие тактику уральской организации большевиков в 1917 г. Они не были догматиками, творчески подходили к позиции ЦК партии, В.И. Ленина по основным вопросам революции, позволяя себе не всегда соглашаться с позицией центра. В то время подобное еще допускалось, позиция ЦК или В.И. Ленина не являлись истинами в последней инстанции.

К сожалению, в исторической литературе деятельность Л.С. Сосновского, талантливого журналиста, блестящего оратора, крупного организатора, не получила должного освещения. Его роль как одного из руководителей большевистской организации на Урале в 1917 г., внесшего значительный вклад в установление власти Советов, долгое время замалчивалась. В советской историографии при упоминании его фамилии неизменно добавлялось «троцкист». «Не повезло» ему и в «перестроечное» время, когда появилась масса публикаций о большевиках, репрессированных в 30-е гг. и надолго вычеркнутых из нашей истории. В частности, появились работы о Н.Н. Крестин-

ском, Е.А. Преображенском и других уральских большевиках, но Л.С. Сосновский остался вне внимания исследователей и публицистов. Даже в биографическом словаре «Политические деятели России 1917», вышедшем в 1993 г., нет фамилии Л.С. Сосновского. В постсоветское время интерес к лидерам большевиков, как и вообще к революции 1917 г., резко упал, эта тема стала неактуальной. Хотя, казалось бы, наоборот, появилась возможность объективно исследовать события 1917 г., дать непредвзятую оценку видным деятелям этой эпохи. Однако до сих пор во многих учебных пособиях в трактовке революции 1917 г. ощущается влияние «Краткого курса».

Лев Семенович Сосновский родился в 1886 г. в семье кантониста-еврея, бывшего николаевского солдата. Учился в гимназии, но не окончил, работал аптекарем. В революционном движении, по его словам, участвовал с 1903 г.¹ Работал в партийных и профсоюзных организациях Урала, Ташкента, Баку и Москвы. В 1906 г. непродолжительное время находился в эмиграции в Париже. Был даже призван в армию, но прослужил чуть больше года.

У Л.С. Сосновского проявились способности к журналистике и желание этим заниматься. С 1912 г. он работает в редакции «Правды», затем секретарем в журнале «Вопросы страхования», сотрудником екатеринбургской либеральной газеты «Уральская жизнь». Несколько раз его арестовывали, но серьезных обвинений предъявить не могли, поэтому отпускали.

Февральскую революцию Л.С. Сосновский встретил на Саткинском заводе и сразу же выехал в Екатеринбург. После падения самодержавия в Екатеринбурге была создана объединенная социал-демократическая организация, т.е. большевиков и меньшевиков. Это не было особенностью Екатеринбурга, а было общим явлением, характерным как для Урала, так и для других регионов страны. Почти все социал-демократические организации после Февраля восстанавливались как объединенные. Однако в одних преобладали меньшевики, в других, как в Екатеринбурге, — большевики. Екатеринбург превратился в один из центров большевизма на Урале, тем более, что вскоре туда приехал и Н.Н. Крестинский. Не удивительно, что на первых выборах в Совет рабочих депутатов Екатеринбурга большеви-

¹ См.: Сосновский Л.С. (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. — М., 1989. — С. 689-698.

ки получили большинство, что для марта 1917 г. было достаточно редким явлением в стране.

Первое собрание Совета рабочих депутатов Екатеринбурга состоялось 19 марта. Председателем собрания был избран Л.С. Сосновский, который выступил с докладом «О задачах Совета». «Рабочие объединились для продолжения революционной борьбы, — заявил он, — ибо революция еще не закончилась. Она закончится тогда, когда власть окончательно перейдет от старого общественного класса к новому и укрепитя в его руках»². Такая оценка революции противоречила точке зрения В.И. Ленина, считавшего, что буржуазно-демократическая революция в России завершилась, и провозгласившего курс на социалистическую революцию. Позиция Л.С. Сосновского, считавшего революцию незавершенной, была характерна для многих лидеров большевиков вплоть до приезда В.И. Ленина. На первом собрании Совета Л.С. Сосновский избран председателем президиума исполнительного комитета и делегатом на Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде³.

По вопросу о войне большевики Екатеринбурга, в том числе и Л.С. Сосновский, фактически оказались на позициях «революционного оборончества». Это наглядно продемонстрировали проводы маршевой роты на фронт 22 марта. Выступая от Совета солдатских депутатов большевик П.М. Быков заявил: «Воины революционной армии, вы идете защищать не царя, а свободную Россию и свободу». Л.С. Сосновский, выступая от имени Совета рабочих депутатов, подчеркнул: «Вы идете на врага не рабами и вернетесь господами свободной России»⁴.

22–23 марта в Екатеринбурге проходило совещание представителей крестьянства пяти Зауральских уездов Пермской губернии, которое от имени Совета рабочих и солдатских депутатов приветствовал Л.С. Сосновский. При обсуждении вопроса об отношении к Временному правительству он изложил позицию екатеринбургских большевиков. Правительство, по его мнению, избрано не народом, а IV Государственной думой, но в то же время Л.С. Сосновский осудил призывы к свержению правительства и поддержал формулу «постольку-поскольку»⁵. Эта формула,

¹ Уральская жизнь. — 1917. — 22 марта.

² Там же. — 23 марта.

³ Зауральский край. — 1917. — 24 марта.

⁴ Думы Урала. — 1917. — 2 апреля.

выдвинутая меньшевиками и означавшая поддержку Временного правительства постольку, поскольку оно проводит демократические преобразования. Подобную позицию по отношению к Временному правительству, до приезда В.И. Ленина, поддерживали многие большевики.

23 марта произошло слияние Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов г. Екатеринбурга. Председателем Совета стал большевик П.М. Быков, а его заместителем и председателем рабочей секции – Л.С. Сосновский. На этом собрании был принят наказ делегатам на Всероссийское совещание Советов П.М. Быкову и Л.С. Сосновскому. По вопросу о войне поддержали позицию Петроградского Совета, выраженную в воззвании «К народам всего мира», т.е. «революционное оборончество». По вопросу о Временном правительстве собрание высказалось за формулу «постольку-поскольку» и контроль Советов за правительством⁶.

4 марта в Екатеринбурге был образован Комитет общественной безопасности, орган более представительный, чем Совет, поскольку в его состав входили не только рабочие и солдаты, но и представители интеллигенции, мелкой и средней буржуазии, политические партии от кадетов до большевиков. Комитеты, возникшие во многих городах России и называвшиеся по-разному, объединили все оппозиционные самодержавию слои населения и политические партии, фактически до назначения комиссаров Временного правительства они осуществляли функции власти на местах. При обсуждении 10 апреля на рабочей секции Совета вопроса о Комитете общественной безопасности Л.С. Сосновский предложил сосредоточить все усилия на работе в Совете, а в Комитет послать 2–3 делегатов «для контроля». Однако большинство рабочей секции отклонило это предложение⁷. В этом вопросе беспартийные рабочие поддержали меньшевиков, считавших, что в период буржуазной революции необходимо сотрудничество всех демократических сил для решения социально-экономических и политических вопросов революции. Большевики поддерживали, прежде всего, Советы, чисто классовые организации, а в коалиционных Комитетах, по их мнению, в основном преобладают буржуазные элементы.

После возвращения из Петрограда с совещания Советов

⁶ Уральская жизнь - 1917 - 25 марта.
Там же. - 13 апреля.

П.М. Быков и Л.С. Сосновский 12 апреля выступили с отчетом на общем собрании Екатеринбургского Совета. Екатеринбургские делегаты на совещании голосовали за резолюцию, предложенную большевиками, тем самым нарушив наказ Совета. Резолюция большевиков, отражавшая позиции Русского Бюро ЦК, была непоследовательной: признавая необходимость перехода власти в руки пролетариата и революционной демократии для прекращения империалистической войны, в то же время выказывалась в поддержку Международного социалистического конгресса с целью прекращения войны, не исключалась возможность «заставить» Временное правительство предложить всем воюющим странам мир⁸. Позиция Русского Бюро ЦК была близка к меньшевистской, что создавало возможность объединения с меньшевиками, тем более, что оба течения российской социал-демократии руководствовались одной Программой и Уставом, принятыми II съездом РСДРП. Определенные шаги к объединению были сделаны на мартовском совещании партийных работников. Приезд В.И. Ленина и выступление его со знаменитыми «Апрельскими тезисами» кардинально изменил ситуацию. В.И. Ленин был категорически против какого-либо объединения с оборонцами, против условной поддержки Временного правительства и формулы «постольку-поскольку», против «революционного оборончества» и Международного социалистического конгресса. Лидеры уральских большевиков (Н.Н. Крестинский, Л.С. Сосновский и др.) не сразу поддержали позицию В.И. Ленина.

На заседании совета 4 мая эсеры выступили с предложением осудить позицию П.М. Быкова и Л.С. Сосновского, нарушивших наказ Совета. Однако большинство Совета одобрило поведение своих делегатов⁹.

14–15 апреля в Екатеринбурге проходила I (Свободная) Уральская конференция РСДРП. Л.С. Сосновский был избран председателем президиума конференции. С основными докладами о войне и о Временном правительстве выступил Н.Н. Крестинский. Л.С. Сосновский активно участвовал в прениях. В частности, в вопросе о войне он видел два пути ее прекращения: «Снаряды и революция. Необходимо зажечь пожар там и здесь. Когда мы зажжем пожар в Западной Европе, мы ликвидируем войны»¹⁰. Говоря о

⁸ Уральская жизнь. – 1917. – 15 апреля, Зауральский край. – 1917. – 16 апреля.

⁹ Борьба. – 1917. – 16 мая.

¹⁰ ЦДОСО. – Ф. 41. – Оп. 1. – Д. 227. – Л. 48.

Временном правительстве, Л.С. Сосновский заявил: «Мы не будем поддерживать правительство, но будем контролировать каждый его шаг и толкать его дальше по пути революции и готовиться к следующему этапу – социальной революции»¹¹. Л.С. Сосновский сделал сообщение о «Займе свободы»: «...дезорганизовывать его не станем, поддерживать тоже»¹².

Руководители уральских большевиков к тому времени были знакомы с позицией В.И. Ленина по вопросу о войне и Временном правительстве, кроме того, для участия в конференции был командирован Я.М. Свердлов. Тем не менее, резолюции I Уральской конференции, в которых поддерживалась идея контроля за правительством, а окончание войны связывалось с созывом международного социалистического конгресса, явно противоречили ленинской тактике. На конференции Л.С. Сосновский был избран в состав областного комитета партии, по количеству набранных голосов уступив лишь А.Г. Белобородову и Н.Н. Крестинскому¹³.

19 апреля на заседании Екатеринбургского Совета при обсуждении вопроса об организации Совета офицерских депутатов разгорелись бурные прения. С обоснованием необходимости создания подобного Совета выступил эсер, прапорщик Мялицин. Остроумной и едкой критике эту идею подверг Л.С. Сосновский. Мялицин, не найдя достойных аргументов, обвинил Л.С. Сосновского в политической нечистоплотности, проведении линии «Ленин – Каменев – Черномазов». Начавшаяся на заседании полемика перекинулась на страницы газет. Но противостоять такому блестящему публицисту и оратору, как Л.С. Сосновский, Мялицин не мог. Тогда в отчаянии он направил своему оппоненту официальный вызов на дуэль. Это было неслыханным поступком среди революционной демократии: решение идейных споров между представителями социалистических партий посредством дуэли. Кроме того, подобный поступок Мялицина наносил ущерб эсеровской организации. Последняя осудила поведение Мялицина. Собрание солдат Екатеринбургского гарнизона 25 мая, обсудив этот вопрос, приняло решение отозвать прапорщика Мялицина из исполкома Совета и выслать из Екатеринбурга. Собрание большевиков, напротив, одобрило линию поведения

¹¹ ЦДООСО. – Ф. 41. – Оп. 1. – Д. 227. – л. С. 31.

¹² Там же. – л. С. 77.

¹³ Там же. – л. С. 64.

Л.С. Сосновского и объявило Мялицину бойкот, предложив отозвать его из Совета¹⁴.

На этом же заседании были избраны делегаты на областной съезд Советов. В числе делегатов был и Л.С. Сосновский.

Съезд проходил с 8 по 12 мая в Перми. Л.С. Сосновский вошел в состав организационной секции, став ее председателем. Большевики, на областном съезде оказавшись в меньшинстве, выступили с контрдокладами по основным вопросам: о войне (Н.Н. Крестинский), о Временном правительстве (Л.С. Сосновский). По этим вопросам они предложили свои резолюции, во многом повторявшие резолюции Уральской конференции и не учитывавшие решения VII Апрельской конференции большевиков. Более того, Л.С. Сосновский признал образование коалиционного министерства шагом вперед, рассматривая его как второй этап в развитии революции, но в то же время считал ошибочным постановление Петроградского Совета о вхождении его членов в состав министерства. Он по-прежнему поддерживал идею контроля со стороны Советов за правительством «вплоть до того момента, когда развитие революции поставит вопрос о переходе всей власти в руки правительства Советов»¹⁵.

Л.С. Сосновский выступил на областном съезде с докладом от организационной секции, предложив проект организации Советов на Урале, где были изложены принципы организации и задачи местных, районных, окружных и областного Советов. По предложению докладчика местонахождением областного Совета был определен Екатеринбург. Л.С. Сосновский был избран в состав областного Бюро Советов Урала, став заместителем председателя¹⁶.

Отсутствием большевистских лидеров в Екатеринбурге воспользовались их политические противники. Под влиянием меньшевистской и, особенно, эсеровской агитации 10 мая солдаты гарнизона вышли на площадь во время заседания Совета и потребовали его реорганизации, т.к. «в Совете в большинстве большевики и они проводят резолюции, не отражающие настроения солдатских масс». Речи эсеров и меньшевиков солдаты встречали аплодисментами, а большевистским ораторам не давали говорить. Под дав-

¹⁴ Зауральский край. – 1917. – 22апреля, 30 мая; Уральская жизнь. – 1917. – 1 июня.

¹⁵ Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 14 мая; Пермская жизнь. – 1917. – 17, 27 мая.

¹⁶ Известия Уральского Совета... – 1917. – 17 мая.

лением толпы Совет принял решение о реорганизации¹⁷. В результате перевыборов соотношение сил в Совете изменилось не в пользу большевиков, хотя они и сохранили за собой рабочую секцию.

Первые заседания переизбранного Совета проходили очень бурно. 23 мая рассматривался вопрос об отношении к коалиционному Временному правительству. С докладом от большевиков выступил Л.С. Сосновский. Он отметил, что коалиционное правительство «в силу того, что в нем преобладают буржуазные элементы, неспособно вести революцию дальше. Неспособно дать настоящего мира и полной свободы. Вступление социалистов в буржуазное министерство в данном случае есть ошибка. Это правительство мы только терпим и готовимся к замене его настоящим народным правительством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹⁸. В резолюции, предложенной Совету от имени социал-демократов интернационалистов, Л.С. Сосновским осуждалось участие социалистов в правительстве, содержался призыв к рабочим и солдатам «спланироваться вокруг Советов и осуществлять через них контроль над нынешним коалиционным правительством вплоть до того момента, когда развитие революции поставит на очередь дня вопрос о переходе всей власти в руки нового революционного правительства»¹⁹. Несмотря на позицию ЦК партии и В.И. Ленина, екатеринбургские большевики по-прежнему поддерживали идею контроля за правительством. Более того, чтобы усилить свои позиции в Совете, большевики пошли на объединение с меньшевиками-интернационалистами и создали фракцию социал-демократов интернационалистов²⁰.

Л.С. Сосновский выступил от фракции социал-демократов интернационалистов и по вопросу о войне. В этом вопросе его позиции практически совпадали с позицией В.И. Ленина. «Только правительство рабочих и крестьян сможет принять ряд решительных мер к скорейшему окончанию войны... Путь к миру только через международную революцию»²¹.

В начале июня в Екатеринбургский гарнизон поступил приказ командующего Казанским военным округом генера-

¹⁷ Уральская жизнь. - 1917. - 13 мая.

¹⁸ Там же. - 2 июня.

¹⁹ Зауральский край. - 1917. - 3 июня.

²⁰ Там же.

²¹ Уральская жизнь. - 1917. - 31 мая.

ла Мышлаевского, в котором от имени военного министра требовалось от начальников гарнизонов два раза в неделю доносить «о всех нарушениях порядка службы и воинского долга чинами гарнизона». На заседании Совета 7 июня по предложению социал-демократов интернационалистов приказ был поставлен на обсуждение. Резкой критике подверг его Л.С. Сосновский: «Сначала списки, потом аресты и каторга. Так всегда начиналась контрреволюция»²².

В соответствии с решением областного съезда Советов были проведены окружные съезды. Екатеринбургский окружной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил с 9 по 14 июня под председательством Л.С. Сосновского, который выступил с докладом по организационному вопросу²³.

Л.С. Сосновский принимал самое активное участие в обсуждении вопроса о восстановлении уральской промышленности, которое проходило на совместном заседании Екатеринбургского городского и окружного Советов 14 июня совместно с представителями комиссии Временного правительства. Вместе с Н.Н. Крестинским выступил с изложением позиции большевиков на крестьянском съезде зауральских уездов²⁴.

К июлю 1917 г. возникли трудности в обеспечении города продовольствием. В связи с этим 3 июля было созвано экстренное заседание городского Совета для обсуждения продовольственного вопроса. Выступая в прениях, Л.С. Сосновский подверг критике меры, предлагаемые эсерами: «Обыски – это валериановые капли, много не дадут. Из обысков и установления твердых цен ничего не выйдет... Мы не решим этого вопроса до тех пор, пока не решим вопроса о войне»²⁵.

С 14 по 18 июля проходила II Уральская конференция РСДРП. Резолюция по текущему моменту, принятая на конференции, свидетельствовала, что руководители уральских большевиков в вопросе о власти перешли на ленинские позиции. Лозунгом дня конференция провозгласила «борьбу за переход от диктатуры Временного правительства... к диктатуре пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²⁶.

²² Там же. – 11 июня.

²³ Борьба. – 1917. – 1 июля.

²⁴ Зауральский край. – 1917. – 16. 17 июня.

²⁵ Борьба. – 1917. – 13 июля.

²⁶ ЦДОСО. – Ф. 41. – Оп. 1. – Д. 231. – Л. 31–32.

После июльских событий в Петрограде В.И. Ленин предложил временно снять лозунг «Вся власть Советам!», но лидеры уральских большевиков с этим не согласились. Кроме того, в резолюции был ряд положений, против которых резко выступал В.И. Ленин. Прежде всего это идея контроля над правительством. В резолюции отмечалось, что центральные органы Советов добровольно отстранились от контроля над властью, что сводит роль Советов «до уровня послушных исполнителей велений центральной власти». В резолюции прозвучал протест против созыва Московского Совецания. В ней значилось, что одной из его задач было «устранить пролетарские и крестьянские массы, объединенные в Советы, от контроля над властью»²⁷. На конференции Л.С. Сосновский вновь был избран в состав областного комитета.

30 июля состоялись выборы в Екатеринбургскую городскую Думу, победу на которых одержали эсеры, получившие около 44% голосов. Большевистский список, который возглавляли Л.С. Сосновский и Н.Н. Крестинский, набрал чуть больше 18%²⁸. Однако губернский комиссар опротестовал выбор из-за формальных нарушений. Пермский суд 5 сентября отменил результаты выборов.

Выступая на экстренном заседании Екатеринбургского Совета 31 июля по вопросам текущего момента от фракции большевиков, Л.С. Сосновский указал на роль правительства в затягивании войны. «Новое правительство проявило себя как спаситель страны от революции, оно «освободило» страну от свободы слова, печати, собраний, организаций, ввело смертную казнь, лишило солдата прав гражданина. Единственный выход из создавшегося положения – переход власти от безответственного министерства Керенского в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В резолюции, предложенной большевиками и принятой Советом, во многом благодаря поддержке беспартийных, по вопросу о власти предлагалось образование однородного по составу правительства, выдвинутого Советами и ответственного перед этими Советами²⁹.

Л.С. Сосновский был делегатом I областной конференции профсоюзов Урала, открывшейся 15 августа, от областного комитета Советов. На конференции его избрали в

²⁷ ЦДООСО. – Ф. 41. – Оп. 1. – Д. 231. – Л. 31–32.

²⁸ Думы Урала. – 1917. – 2 августа.

²⁹ Вперед. – 1917. – 10 августа.

состав областного совета профсоюзов, а затем председателем областного бюро профсоюзов.

17 августа открылся II областной съезд Советов Урала. Это был первый областной съезд в стране, проходивший под влиянием большевиков. Председателем президиума съезда избрали Л.С. Сосновского. По вопросу о власти съезд принял резолюцию, которая противоречила решениям VI съезда партии большевиков. «Потеряв значение государственной власти в центре, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на местах сохранили значение революционных органов и поэтому они ... должны быть готовы снова стать во главе революции». На съезде Л.С. Сосновский был избран председателем областного бюро Советов Урала³⁰.

На экстренном заседании Екатеринбургского Совета 29 сентября Л.С. Сосновский выступил с докладом о Демократическом Совецании. В своем выступлении он дал оценку Совецанию и сформулировал задачи в связи с предстоящим съездом Советов. Кроме того, Л.С. Сосновский при обсуждении вопроса об участии представителей Совета в Заводском Совецании выступил против. «При наличии контрреволюционного правительства в центре никакая плодотворная работа в Заводском Совецании невозможна, и наше участие приведет лишь к обману рабочих масс»³¹.

13 октября в Екатеринбурге и Перми открылись окружные съезды Советов. Л.С. Сосновский был направлен в Пермь для усиления местных большевиков. Теоретический и образовательный уровень лидеров пермских большевиков был невысок, это сказывалось в процессе споров и дискуссий с лидерами меньшевиков и эсеров. Участие Л.С. Сосновского в Пермском окружном съезде значительно укрепило позиции большевиков. Л.С. Сосновский принял активное участие в работе съезда. Он внес ряд изменений и дополнений в повестку дня, выступил с докладом по текущему моменту от фракции большевиков. По его мнению, развитие революции зависит от того, какую позицию займет крестьянство и руководящая им партия эсеров. Говоря об Учредительном собрании и его роли, Л.С. Сосновский подчеркнул, что результат его деятельности будет зависеть от того, у кого будет власть в момент созыва собрания. Подобная позиция не исключала в будущем

³⁰ Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Свердловск. - 1927. - Т. 2. - С. 185.

³¹ Уральский рабочий. - 1917. - 4 октября.

возможности применения силы к Учредительному собранию. Еще более радикальное заявление прозвучала в заключении: «Только новый переворот, только гражданская война способна спасти русскую революцию от цепких объятий международного капитала»³². ЦК большевиков решительно отвергал обвинения своих политических оппонентов в стремлении к захвату власти и развязыванию гражданской войны, а один из лидеров уральских большевиков заявил об этом открыто.

4 октября на заседании Екатеринбургского Совета единогласно принято решение о перевыборах Совета. 25 октября состоялось первое заседание нового состава Совета, в котором преобладали большевики. Председателем Совета был избран Л.С. Сосновский³³.

В ночь на 26 октября в Екатеринбург поступили первые известия о событиях в Петрограде. 26 октября утром исполком Совета объявил себя единственной властью в городе. Вечером на собрании совета с докладом выступил Л.С. Сосновский, который заявил: «Советы из классовых, боевых организаций становятся органами власти. Гражданская война была неизбежна и она началась». В то же время Л.С. Сосновский призвал к единению революционную демократию, к напряжению всех сил для выполнения тех огромных задач, которые встают перед страной. «Мало захватить власть – ее надо удержать»³⁴.

Однако ситуация в городе становилась все напряженнее: перестали поступать телеграммы советского правительства, но приходили телеграммы Керенского, поэтому неясно было, что же происходит в Петрограде. Объявили забастовку служащие телеграфа, закрылась почта, банки, сократила работу телефонная станция. По городу циркулировали слухи о приближающихся казаках. Эсеры, поддержавшие переход власти в руки Совета 26 октября, стали колебаться. По воспоминаниям старых большевиков, записанных в конце 20-х гг., Л. Сосновский тоже проявил колебания. Лидер эсеров В.И. Хотимский склонил его на компромисс³⁵. 29 октября исполком Совета принял решение поручить управление городом и его охрану особому Военно-революционному комитету. Первоначально эсеры отказались от участия в этом органе. 31 октября на собрании Совета

³² Известия Уральского Совета — 1917. — 21 октября.

³³ Рабочий класс Урала. — Т. 2. — С. 353–354.

³⁴ Уральский рабочий. — 1917. — 29 октября.

³⁵ ЦДОСО. — Ф. 41. — Оп. 1. — Д. 255. — Л. 8.

эсеры предложили создать Комитет народной охраны из представителей социалистических партий и революционных организаций, которому бы Совет передал все функции власти. Л.С. Сосновский предложил следующую резолюцию: «Совет рабочих и солдатских депутатов, считая себя единственным источником власти, утверждает действия исполкома, заключающиеся в передаче таковой Комитету народной охраны для управления и поддержания революционного порядка в Екатеринбурге»³⁶.

Большевики Екатеринбурга фактически пошли на создание «однородной социалистической власти», тем самым расширили социальную базу вновь созданной власти и стабилизировали ситуацию в городе. Тем более, что руководящую роль в Комитете играли большевики, а его председателем стал Н.Н. Крестинский. В своем стремлении создать «однородную власть» екатеринбургские большевики были не одиноки, идея эта была достаточно популярна на Урале. Такая власть была создана в Уфе, попытались сделать то же в Перми, в целом ряде уездных центров. В.И. Ленин формально не отвергал эту идею, но ставил условие – признание решений II Всероссийского съезда Советов. Такое условие для меньшевиков и эсеров было неприемлемо.

16 ноября Л.С. Сосновский отказался от поста председателя исполкома Совета, и вместо него был избран П.М. Быков. Можно только предполагать, почему Л.С. Сосновский ушел с поста председателя Совета. Во-первых, под давлением «твердых ленинцев», которые считали его слишком мягким. Во-вторых, можно быть талантливым оратором и публицистом, но не реальным политиком.

22 ноября на экстренном заседании Ревкома большинством голосов было принято решение ликвидировать революционный комитет, и с 23 ноября единственной властью в Екатеринбурге считать по-прежнему Совет рабочих и солдатских депутатов³⁷.

6 декабря на собрании Совета Л.С. Сосновский выступил по вопросу о губернской власти, поскольку в Перми все еще сидел комиссар старого правительства. Совет предложил областному Совету собрать съезд Советов губернии для решения вопроса об организации постоянной советской власти в губернии³⁸.

³⁶ Уральский рабочий. – 1917 – 1 ноября: Уральская жизнь. – 1917. – 2 ноября.

³⁷ Уральский рабочий. – 1917 – 24 ноября.

³⁸ Рабочий класс Урала... – Т.3 – С. 68.

Вероятно, екатеринбургские большевики посоветовали своим товарищам в Перми перейти к активным действиям. Большевистская фракция в исполкоме Пермского окружного Совета потребовала созыва губернского съезда. Получив отказ, большевики вышли из исполкома, а Пермский городской Совет, находившийся под руководством большевиков, 7 декабря отказался признавать оставшуюся часть исполкома окружного Совета за руководящий орган. По инициативе большевиков в Перми было создано бюро по созыву губернского съезда Советов из большевиков и левых эсеров. 16 декабря в Перми открылся I губернский съезд рабочих и солдатских депутатов. Фактически это был окружной съезд, и власть созданного исполкома распространялась не на всю губернию, а только на Пермский округ. Таким образом, большевики устранили окружной Совет, в котором преобладали меньшевики и эсеры. В Пермь снова направляется Л.С. Сосновский. Он был избран председателем президиума съезда и выступил по повестке дня и по первому вопросу «Отношение к центральной власти». Л.С. Сосновский осудил позицию меньшевиков и эсеров, которые «борются всеми силами против власти рабочих, солдат и крестьян». Высказался против всеобщего избирательного права, поскольку оно, по его мнению, уравнивает помещика и крестьянина.

Л.С. Сосновский солидаризировался с позицией В.И. Ленина в вопросе об Учредительном собрании. Последнее, по его мнению, нужно лишь для того, чтобы санкционировать и подтвердить завоевания народа, если оно займет иную позицию, «то будет рассеяно как дым»³⁹.

Л.С. Сосновский был избран депутатом Учредительного собрания от Пермского округа по большевистскому списку, в котором он шел третьим, после А.В. Луначарского и Н.Н. Крестинского. Во второй половине декабря Л.С. Сосновский выехал на Учредительное собрание, а после его разгона был оставлен для работы в Петрограде. Был избран членом ВЦИК (до 1924 г.). В 1919 г. на короткое время Л.С. Сосновский возвратился на Урал председателем Екатеринбургского Ревкома.

В последующем почти полностью сосредоточился на журналистской работе: с весны 1918 г. работал в «Прав-

³⁹ Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. – 1918. – 9, 13, 18 января; Пролетарское знамя. – 1917. – 17, 20, 21 декабря.

де» и был одним из наиболее известных фельетонистов, участвовал в организации и редактировал газету «Беднота», в 1920 г. организовал газету «Гудок». Входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции.

В.И. Ленин ценил независимость и своеобразный талант фельетониста Л.С. Сосновского, неоднократно обращал внимание на его публикации и даже предлагал темы для острых выступлений. Так, в 1920 г. он писал: «Тов. Сосновский даже превосходные статьи свои, скажем, из области производственной пропаганды, умел иногда снабжать такой «ложкой дегтя», которая далеко перевешивала все плюсы самой производственной пропаганды... бывают такие не очень счастливые натуры, которые чересчур часто заражают свои нападки ядом»⁴⁰.

Когда началась кампания борьбы с волокитой в советском аппарате, В.И. Ленин предложил использовать «ядовитые» способности Л.С. Сосновского: «...найти 2–3 умных «экспертов» по делам о волоките из коммунистов позлее и побойчее (привлечь Сосновского), чтобы научиться травить за волокиту»⁴¹.

Известно, что В.И. Ленин хотел включить Л.С. Сосновского в комиссию Политбюро во главе с Ф. Дзержинским для расследования «грузинского инцидента», как более независимого представителя. Однако И. Сталин не допустил этого.

Л.С. Сосновский писал не только фельетоны. Известны его статьи против футуристов, С. Есенина, Б. Пильняка.

В 1927 г. Л.С. Сосновский исключен из партии, в 1935 г. восстановлен, а в 1936 г. вновь исключен, арестован и расстрелян. Фамилия Л.С. Сосновского упоминалась в процессе «Антисоветского правотроцкистского блока» 1937 г. в ряду лиц, связанных с Л. Троцким⁴¹.

Л.С. Сосновский оставил яркий след в истории Урала периода революции. Можно по-разному относиться к событиям 1917 г., это ни в коей мере не снижает значимость тех событий, оказавших решающее влияние на последующую историю нашей страны. Непредвзятое, объективное изучение роли личности в революционных событиях 1917 г. до сих пор остается важной задачей исследователей.

⁴⁰ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 272.

⁴¹ Там же – Т. 53. – С. 165.

⁴¹ См.: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. – М., 1991. – С. 249–251.

Капцугович Игорь Севастьянович – д-р ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории России ПГПУ.

Абашев Эльдар Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории России ПГПУ.

Аленчикова Наталья Дмитриевна – ст. методист исторического факультета ПГУ в 1975 – 1986 гг.

Андреева Людмила Михайловна – старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории России ПГПУ.

Андаева Раиса Германовна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории ПГПУ.

Белавин Андрей Михайлович – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой древней и средневековой истории России ПГПУ. Проректор по научной работе ПГПУ.

Борзенков Алексей Григорьевич – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета.

Васильева Нина Евгеньевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы ПГУ.

Ветлугина Елена Владимировна – ассистент кафедры древней и средневековой истории России ПГПУ.

Гаузова Тамара Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории России ПГПУ.

Голдобина Евгения Николаевна – работник библиотеки ПГУ.

Горнова Галина Федоровна – канд. ист. наук, доцент ПГУ в 1959 – 1991 гг.

Женина Лариса Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории России ПГПУ.

Зонова Ольга Николаевна – первый хранитель музея «История Пермского государственного университета».

Лукьянова Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры новейшей истории России ПГУ в 1963 – 1990 гг.

Лукьянова Лариса Анатольевна – ст. преподаватель кафедры новой и новейшей истории России ПГПУ.

Нечаев Михаил Геннадьевич – канд. ист. наук, доцент, директор Государственного областного учреждения «Государственный общественно-политический архив Пермской области».

Обухов Леонид Аркадьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей истории России ПГУ.

Сидорчукова Любовь Григорьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры культурологи ПГПУ.

Стабровский Александр Сергеевич – Заслуженный деятель культуры РФ, директор музея «История Пермского государственного университета».

Унгвицкий Владислав Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей истории России ПГУ.

Филатов Николай Михайлович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории ПГПУ.

Шилов Анатолий Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры древней и новой истории России ПГУ.

Шмыров Виктор Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры древней и средневековой истории ПГПУ, Заслуженный деятель культуры РФ, директор мемориального музея «Пермь-36».

Шустов Сергей Григорьевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Прикамского социального института.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕКТОРА	6
И ЭТО ВСЕ О НЕМ.....	7
ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ	24
«БОГ ПОЦЕЛОВАЛ ЕГО...»	
Н.Д. Аленчикова	24
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЮБИЛЯРЕ	
Р.Г. Андаева	26
ИГОРЬ СЕВАСТЬЯНОВИЧ, СПАСИБО!	
Н.Е. Васильева	29
В МУЗЕЙ КАК ДОМОЙ	
О.Н. Зонова, А.С. Стабровский	33
НАСТАВНИК ПОКОЛЕНИЙ ИСТОРИКОВ	
А.В. Шилов	36
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ УРАЛА В РАБОТАХ УЧИТЕЛЯ И ЕГО УЧЕНИКОВ	63
ИСТОРИК	
В.А. Шмыров	63
1-й МОРСКОЙ КРОНШТАДТСКИЙ ПОЛК И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЕГО ГИБЕЛИ	
И.С. Капцугович	67
ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА: ПУТЬ В 1000-ЛЕТИЕ	
М.Г. Нечаев	114
ЦЕРКОВЬ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.	
Э.А. Абашев	132
РОЛЬ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ И ПРОГИМНАЗИЙ В ДЕЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЬНИЦ НА УРАЛЕ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)	
Е.В. Ветлугина	142

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. Л.В. Женина	151
УРАЛЬСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР НАЧАЛА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ЦЕНТР–ПРОВИНЦИЯ Л.Г. Сидорчукова	164
ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В МОТОВИЛИХЕ 12–13 ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА Н.М. Филатов	174
К ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРОЦЕССА НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПОЛИТИКА И ТАКТИКА УРАЛЬСКИХ КАДЕТОВ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ В III–IV ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ Л.М. Андреева	184
КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1917 ГОДУ И ПРОБЛЕМА АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ Л.А. Лукьянова	195
ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ НА УРАЛЕ В 1917 ГОДУ Т.А. Гаузова	200
Л.С. СОСНОВСКИЙ НА УРАЛЕ (1917 ГОД) Л.А. Обухов	213
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	228

Наш Капцугович

Составитель: Т.А. Гаузова

Подбор фотографий выполнен
ст. преподавателем Л.М. Андреевой.

Редактор Н. Гашева
Художественный редактор С. Можаяева
Корректор Е. Покровская
Компьютерная верстка – Ф. Назаров

Подписано в печать 14.06.06. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 1961.

Издательство «Книжный мир».
Лицензия ИД № 04155 от 02.03.01 г.
614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 66, тел./факс 212-1687.

Отпечатано в ОАО «ИПК «Звезда»
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34